

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Евразийский национальный университет
имени Л.Н. Гумилева
Исторический факультет
Кафедра археологии и этнологии

Научно-исследовательский институт археологии
имени К.А. Акишева

БРОНЗОВЫЙ ВЕК КАЗАХСТАНА: ИССЛЕДОВАНИЯ И
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Материалы Международной научно-практической
конференции

28 сентября 2017 г.

Астана - 2017

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5 Каз)
Б 88

Рекомендовано к печати Ученым советом
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева

Сборник издан за счет государственного гранта «Лучший преподаватель
вуза - 2016» Умиткалиева У.У.

Главный редактор: д.и.н., профессор Т.С. Садыков

Ответственный редактор: М.К. Хабдулина

Редакционная коллегия: У.У. Умиткалиев, Т.В. Брынза, Д.Т. Тлеугабулов,
К.А. Исаков

Б 88 Бронзовый век Казахстана: исследования и новые открытия: Мате-
риалы Международной научно-практической конференции – Астана:
ТОО Мастер По, 2017. – 192 с., карты, илл.

ISBN 978-601-326-128-7

Сборник содержит тексты докладов участников Международной
научно-практической конференции, а также тематически близкие статьи
по эпохе бронзы Казахстана.

Издание адресовано археологам, этнологам, историкам, преподавате-
лям, студентам, магистрантам гуманитарных специальностей и всем, кто
интересуется древней историей Казахстана.

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5 Каз)

ISBN 978-601-326-128-7

© Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева
© Авторы статей, 2017

*Сборник посвящается первым исследователям эпохи
бронзы Казахстана:*

М.П. Грязнов, К.А. Акшеев, А.М. Оразбаев

М.П. Грязнов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник сформирован по материалам международной научно-практической конференции «Бронзовый век Казахстана: результаты исследований и новые открытия» организованной 28 сентября 2017 г. НИИ археологии им. К.А. Акишева на историческом факультете ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. В рамках конференции предлагались следующие аспекты обсуждения: Новые открытия по эпохе бронзы Казахстана и сопредельных территорий; историография эпохи бронзы Казахстана: личности, авторские подходы; нуринская археологическая культура: факты и концепции. Выбор этих вопросов связан с направлениями исследований, проводимых кафедрой археологии и этнологии и открытиями последних десятилетий по эпохе бронзы Казахстана.

В настоящее время в изучении эпохи бронзы Казахстана мы наблюдаем два взаимосвязанных процесса: накопление материала, ведущее к открытиям социологического и культурно-генетического характера, и обоснование этих источников в виде формирования новых концепций в вопросах периодизации и хронологии истории андроновской культурно-исторической общности. Меняются представления о структуре андроновского единства, уточняются и наполняются деталями содержание отдельных археологических культур. В такой атмосфере лавинообразной информации необходимо подведение некоторых промежу-

точных итогов для осмысления масштаба назревших проблемных ситуаций.

Эти запросы и вызвали тему конференции и определили содержание сборника. Сборник посвящен первым исследователям бронзового века Казахстана: М.П. Грязнову, К.А. Акишеву, А.М. Оразбаеву. М.П. Грязнов по праву считается Учителем казахстанских бронзовиков. Он был научным руководителем кандидатских диссертаций К.А. Акишева и А.М. Оразбаева.

Историографический цикл сборника открывается статьей С.С. Тихонова об исследовании бронзового века Казахстана М.П. Грязновым. Архив ученого пока-зывает, что сбору материала, М.П. Грязнов посвятил около 40 лет (1925-1961 гг.). М.П. Грязнов опубликовал первый дандыбаевский курган, написал статью по хозяйству андроновских племен, по казахстанской металлургии. Для археологии Казахстана интересно, что первый памятник будущей андроновской культуры был исследован в 1911 году у г. Петропавловска. Т.е на три года раньше, чем эпонимный могильник у села Андроново (1914 г.). И если бы М.П. Грязнов в 1934 г. ввел эти архивные материалы в научный оборот, возможно, археологическая культура бронзового века носила бы другое название... Как пишет С.С. Тихонов, в планах М.П. Грязнова было написание монографии по эпохе бронзы Казахстана. Эта идея не получила

задуманного воплощения, но была реализована в подготовке археологов-профессионалов для Казахстана. Об этом, и тесной связи М.П. Грязнова с археологами и археологией Казахстана, – написано в статье С.С. Тихонова.

Следующая статья А.С. Ганиевой рассматривает процесс изучения бронзового века К.А. Акишева. Отмечается, что научная деятельность К.А. Акишева началась с раскопок и обобщения материалов по бронзе Северного и Центрального Казахстана. В кандидатской диссертации (1953 г.) на небольшом по количеству материале им была создана первая региональная периодизация эпохи бронзы Центрального Казахстана. Важным вкладом в андроноведение является обоснование еще в начале 50-х годов XX в. К.А. Акишевым генетической связи дандыбаевского этапа от алакульской линии развития. В настоящее время это подтверждается многочисленными материалами бегазы-дандыбаевских памятников. В статье приводятся факты теоретического осмысления К.А. Акишевым культуры племен эпохи бронзы, выделение этнографических различий культуры и хозяйства разных регионов в зависимости от природно-ландшафтных условий обитания.

В андроноведении Казахстана высока роль А.М. Оразбаева. Им проведены масштабные раскопки первых поселений бронзового века, создана типология жилищ, обобщены палеозоологические находки и сделаны выводы по хозяйству андроновских племен. Вкладу А.М. Оразбаева в археологию эпохи

бронзы Казахстана и Евразии посвящена совместная статья У.У. Умиткалиева и Д.Т. Тлеугабулова. В статье освещены основные этапы археологической деятельности А.М. Оразбаева. Особо отмечается, что для исследований ученого характерен археолого-этнографический подход анализа археологических источников. При типологии жилищ А.М. Оразбаев провел сравнение архитектуры и форм жилищ эпохи бронзы с домостроительными традициями казахов. В настоящее время ни одна статья по поселениям, в которых открыты колодцы не обходится без ссылок на труды А.М. Оразбаева. Особое значение имеют его выводы по поздней бронзе Северного Казахстана, известной сегодня как алексеевско-саргаринская культура.

Историографический цикл продолжает небольшая заметка С.В. Татаурова о поисках и исследовании В.И. Матющенко комплекса памятников бронзового века в Казахском Прииртышье. Это малоизвестный эпизод из биографии патриарха западносибирской археологии, посвятившего одно лето раскопкам поселения в урочище Кола-Жорга и открывшего наскальные рисунки, обнаруженные в свое время А.Г. Максимовой. В конце статьи приведен фрагмент письма К.А. Акишева, адресованного В.И. Матющенко, о дружбе и общности судеб народов евразийского пространства как в древности, так и в современности.

Статья Пердехан Мұсырманқұла посвящена истории изучения па-

мятников эпохи бронзы Восточного Казахстана. Восточный Казахстан занимает особое место в истории андроноведения. В памятниках этого региона кроются истоки высоких металлургических новаций, определивших достижения бронзового века. В статье выделены этапы истории изучения и теоретические проблемы, разработке которых были посвящены эти этапы. Особо отмечается вклад А.Г. Максимовой и С.С. Черникова, которые еще в середине XX века ввели памятники эпохи бронзы Восточного Казахстана в научное пространство Евразии и определили их культурно-исторический статус. Значительные по масштабу работы в изучении бронзового века Казахстана были осуществлены Ф.Х. Арслановой. Зевакинский могильник, давший сведения по погребальному обряду, знаменит как металлоносный памятник эпохи бронзы Восточного Казахстана. Со второй половины 80-х и в 90-е годы XX в. Исследование памятников бронзового века продолжили археологические экспедиции под руководством А.М. Оразбаева и А.Т. Толеубаева.

Завершая представление историографических статей следует отметить, что научная биография первых исследователей бронзового века Казахстана продолжается. Свидетельством этого является высокий рейтинг цитирования их трудов по данным системы РИНЦ. В статье С.С. Тихонова приведены данные о высоком индексе Хирха (13) Михаила Петровича Грязнова. И если посмотреть данные по

цитированию К.А. Акишева, А.М. Оразбаева, В.И. Матюшенко, то можно сказать, что их научная биография не прервалась, она продолжается, и достойна уважения и нашего преклонения.

Следующий раздел сборника посвящен освещению современных проблем андроноведения Казахстана. И здесь необходимо отметить, что изучение эпохи бронзы является приоритетным направлением исследовательской деятельности двух археологических экспедиций, организованных при кафедре археологии и этнологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева: Есильской и Шингизтауской. В течение ряда лет археологическим коллективом кафедры ведутся работы на поселении Шаггалалы II (Акмолинская область) и на могильнике Қырықүңгір в Восточно-Казахстанской области. Эти памятники являются стационарными базами археологической практики обучающихся на специальности «Археология и этнология». Здесь будущие археологи и этнологи получают знания и практические навыки научно-исследовательской деятельности.

Шаггалалы II является поселением нуринской археологической культуры (руководитель работ С.К. Сакенов). Могильник Қырықүңгір (руководитель У.У. Умиткалиев) сформировался на протяжении эпохи бронзы. На плато Қырықүңгір расположено более сотни погребальных сооружений. Памятник относится к категории крупных погребальных мегакомплексов. Для эпохи бронзы исследование его перспективно в плане разработки

проблем хронологии и периодизации, выяснения культурных связей, направлений миграционных потоков в процессе происхождения и формирования этапов андроновской культурно-исторической общности. В последующие археологические эпохи здесь продолжали хоронить местные племена раннего железного века и средневековья. Интересны и этнографические памятники этого урочища.

В статьях, посвященных поселению Шаггалалы II, приведен системный анализ типологии жилых и производственных построек поселения Шаггалалы II. Указано, что за все годы работ исследована площадь около 2000 кв.м. По результатам раскопок рассматриваются следующие компоненты системы жизнеобеспечения: локализация поселения, топография, планировка, архитектура жилых и производственных строений.

В отличие от плотной застройки территории, характерной для поселений эпохи средней бронзы, в нуринскую и последующую эпоху мы видим более разреженную планировку. В связи с этим в статье М.К. Хабдулиной предлагается концепция «усадебной планировки», при которой в единый самостоятельный комплекс входят жилище и хозяйственная постройка. К числу последних относится гончарная мастерская и двор с колодцами, застроенный крупными хозяйственными ямами для хранения пищевых запасов. На этом же пространстве фиксируются следы проведения каких-то сложных ритуалов и обрядов. Проведен сравнительный анализ принципа плани-

ровки с поселенческим материалом синхронных памятников степного Казахстана.

В статье Т.В. Брынзы представлены результаты технико-технологического анализа керамики поселения Шаггалалы II. Приведены сведения по двум первоначальным этапам производственного процесса изготовления посуды: отбор сырья и принципы составления формовочной массы. Т.о., изучение гончарного производства нуринской культуры получает дополнительные сведения по технологическим традициям и способам заготовки формовочной глиняной массы.

Отдельная статья содержит материалы по хозяйственной деятельности и палеодиете эпохи бронзы Казахстана. По спорнопальцевым анализам уместнее говорить о незначительной роли земледелия в явно скотоводческом хозяйстве поселения Шаггалалы II.

Анализ находок поселения Шаггалалы II и привлечение огромного объема аналитических данных по реконструкции хозяйственной структуры древних обществ позволило предложить модель пищевого рациона населения эпохи бронзы Северного Казахстана. В статье Г.Д. Биляловой и Э.А. Юмакаевой указано, что реконструкция диеты и пищевого рациона населения эпохи бронзы Северного Казахстана по археологическим источникам указывает на явное преобладание мясной и молочной, второстепенную роль растительной и незначительную долю рыбной пищи.

К теме нуринской культуры относятся две статьи по материа-

лам могильника Бада. Памятник расположен в долине р. Шерубай-Нура, исследуется карагандинскими археологами. Именно с памятников этой реки в далекие 30-е годы XX в. началось изучение бронзового века Центрального Казахстана. В статье В.В. Варфоломеева и В.Г. Ломана представлены результаты технико-технологического анализа шести сосудов могильника федоровской (нуринской) культуры – Бада.

Антропологическая коллекция этого, и еще трех могильников бронзового века, описана в статье К.Н. Солодовникова. В статье К.Н. Солодовникова приведен сравнительный анализ краниологических серий поздней бронзы Казахстана. Для нас важны выводы, что существуют антропологические различия нуринского (федоровского) и (алакульского) атасуского населения Центрального Казахстана и между ними отсутствует генетическая связь. Накопление и изучение антропологических источников по эпохе бронзы Северного, Центрального Казахстана в сочетании с данными материальной культуры способствуют решению происхождения андроновской (нуринской) и последующих археологических культур поздней бронзы и раннего железного века Центрального Казахстана.

В статье А.Т. Дукомбайева затронута тема архитектуры жилищ казахов нового времени. За основу взят тип строения известного в казахской этнографии под названием *шошала*. Рассматривая его форму, конструкцию и функциональное

назначение, автор видит его древние истоки в архитектуре жилищ энеолита и бронзы. Этот тип степного архитектурного объема первоначально был зафиксирован в курганной традиции и получил воплощение в жилых строениях ботайской культуры эпохи энеолита. Позднее такие жилища исследованы А.М. Оразбаевым на поселении поздней бронзы Шаггалалы (Чаглинка) I. Эта архитектурная матрица сохранилась в казахской юрте и сакральных купольных постройках средневековья. В конце статьи делается вывод, что многие формы с переходом к новым архитектурным стандартам сохраняются и продолжают жить в конструкции хозяйственных построек, как это случилось с *шошала* (*тошала*).

В сборник включены две статьи молодых исследовательниц из Польши. Статьи представляют интерес, как пример обращения восточноевропейских археологов к казахстанским материалам. Их взгляд со стороны на проблемы бронзового века, которые для нас являются привычными и, возможно, канонизированы в методах и подходах изучения – очень важен для восприятия и осмысления особенностей.

Таким образом, статьи сборника представляют интерес и отвечают цели подведения промежуточных результатов и формирования направлений, перспективных в исследовании эпохи бронзы Казахстана.

В связи с этим следует отметить проблему определения статуса нуринской археологической куль-

туры. В статьях сборника читатель увидит компромиссное отношение к дефиниции «нуринская культура». Смена названия федоровский на нуринский, осуществленная в 1966 г., – это просто ввод регионального названия или за этим кроются различия культурно-исторического характера? Нужно ли сохранять для эпохи бронзы Казахстана это название? Или не вводить путаницу и оставить традиционное наименование – федоровская культура?

Мы это видим по статьям могильника Бада, в которых приведены привычные названия (федоровская культура) при характеристике сосудов и антропологических коллекций.

Логически осознается факт существования региональных особенностей этого хронологического периода, который по культурно

определяющим признакам не мог быть одинаковым на всем огромном пространстве андроновской общности. Локальные отличия должны быть, хотя бы потому, что это разные природно-ландшафтные зоны.

Следовательно, одной из назревших проблем является определение статуса нуринской археологической культуры. Из этого вытекает роль нуринских племен в сложении бегазы-дандыбаевской археологической культуры. Открытие крупных погребальных сооружений с керамикой нуринской культуры и с архитектурными формами близкими элитным мавзолеям бегазы-дандыбаевского типа – дает основания предполагать генетическую связь нуринской и бегазы-дандыбаевской культур.

Тихонов Сергей Семенович
кандидат исторических наук, доцент
старший научный сотрудник сектора археологии
Омского филиала ИАЭТ СО РАН
г. Омск, Россия

УДК 902/904

М.П. ГРЯЗНОВ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА

Проблема. Изучение истории археологии является одним из направлений деятельности исследователей, позволяющих понять причины и факторы развития науки о древностях, проанализировать работы ученых и понять «кухню» их работы, рассмотреть сильные и слабые стороны организации науки. И, наконец, отдать должное нашим предшественникам и учителям, своими трудами заложившими основы нашей науки. К сожалению, историографический жанр не очень популярен среди археологов. Потому и имеются многочисленные «белые пятна», не позволяющие во всей полноте представить сложный и противоречивый процесс становления и развития археологии. Но, деятельность М.П. Грязнова может являться исключением, поскольку в Омске и Санкт-Петербурге проводятся конференции, посвященные его памяти (соответственно 9 и 2), где участники постоянно публикуют матери-

алы о нем. Список работ по этой теме опубликован [1с. 63–65].

В данной работе речь пойдет о малоизученном аспекте научной биографии М.П. Грязнова – первых опытах изучения бронзового века Казахстана. Мне доводилось вкратце писать об этом раньше [13, с. 87–98; 14, с. 189–193; 15, с. 151–154; 16, с. 96–99; 17, с. 93–98], поэтому настоящая работа носит обобщающий характер, и построена на материалах архива М.П. Грязнова, переданного его женой М.Н. Комаровой ученику Михаила Петровича В.И. Матющенко, и хранящегося в Музее археологии и этнографии ОмГУ (фонд 3).

Личность исследователя. Михаил Петрович Грязнов – известный советский ученый, лауреат Государственной премии СССР 1983 г., заслуженный деятель науки РСФСР. Он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Оте-

чественной войне 1941–1945 гг.» и орденом «Знак Почета».

Его биография хорошо известна: родился в 1902 г. в г. Березов Тобольской губернии в семье Петра Никандровича Грязнова – инспектора городского четырехклассного училища. С 1912 по 1919 гг. учился во Втором Томском реальном училище, после окончания которого поступил в Томский университет на математическое отделение физико-математического факультета. Весной 1920 г. он перевелся на естественное отделение этого же факультета. Мало кто обращает внимание на то, что в Российской империи для поступления в университет надо было окончить гимназию, а выпускники реального училища могли поступать в политехнический. Но М.П. Грязнов как-то поступил в университет.

Во время сплава по Енисею летом 1920 г. у с. Батени он попал в отряд С.А. Теплоухова и навсегда связал свою жизнь с археологией. За своими наставниками – С.И. Руденко и С.А. Теплоуховым – студент переехал в 1922 г. в Петроград, и перевелся в Петроградский университет, который не окончил. С этого времени и до смерти в 1984 г. М.П. Грязнов занимался археологией, работая в Ленинградском государственном университете, Ленинградском отде-

лении Института археологии (до 1957 г. — ЛО ИИМК), Государственном Эрмитаже.

Он изучал археологические памятники на Алтае, на Байкале, Ангаре, Оби, Дону, в Казахстане, Туве, Киргизии. Много лет он руководил крупными новостроечными археологическими экспедициями: Новосибирской (1951–1954), Ангарской (1957), Иркутской (1959), Красноярской (1955, 1958, 1960–1970, 1975–1976), т.е. почти 20 лет работал, напрягая все силы. Лишь дважды: на Ближних Елбанах в Алтайском крае в 1946–1948 гг. и в 1971, 1973–1974 на Аржане в Туве он работал не как «новостройщик», а как обычный полевик. Но и книги по материалам этих раскопок – одни из лучших его произведений [7; 8]. За годы раскопок М. П. Грязнов исследовал такие значимые для археологии комплексы, как Пазырык, Аржан, Тепсей, Улан-Хада, Ближние Елбаны, Ирмень-1, Дандыбай и другие. Он написал полторы сотни научных работ, и еще с десятков вышло в свет после его смерти.

Работы его не потеряли актуальности и в настоящее время. В российской системе РИНЦ его индекс – 3316, причем 72 раза на труды исследователя году сослались в 2017 г. Его индекс Хирша – 13. Весьма и весьма

неплохо для ученого, ушедшего от нас 33 года назад.

Уральский дебют. Не знаю почему, но я всегда воспринимал М.П. Грязнова, С.И. Руденко и С.А. Теплоухова как старых и опытных ученых. Но на самом деле это не так. Самым маститым из них был С.И. Руденко, вторым по опыту был С.А. Теплоухов. Михаил же Петрович был начинающим специалистом двадцати с небольшим лет. Поэтому он вел небольшие работы в составе экспедиции С.И. Руденко. Вот такую углубленную разведку М.П. Грязнов совершил по реке Урал в 1925-26 годах.

Предположу, что на выбор объекта для работ повлиял С.А. Теплоухов, поскольку именно он курировал М.П. Грязнова, и у него в экспедиции в 1920 году он познакомился с памятниками эпохи бронзы, позже названными афанасьевскими, андроновскими, карасукскими. Знакомство с бронзой молодой археолог продолжил в Западном Казахстане. Он раскопал два могильника: Кунакбай-сай и Киргильды, материалы которых использовал в публикациях несколько раз [2, с. 96; 3, с. 238-257; 4, с. 179-221; 5, с. 149-162]. Такое отношение (постоянное обращение к ним, тщательная обработка, неоднократное использование) к полученному своими

руками материалу характерно для молодых ученых, вкусивших радость открытий. Отгиски статей и рисунков сохранились в архиве М.П. Грязнова (рис. 1).

Результат работ, конечно, не впечатляющий, но нормальный для начинающего исследователя. Интересно, что именно эти материалы заставили впоследствии ученого задуматься о границах распространения андроновской культуры и памятников постандроновского времени.

Дандыбайская эпопея. Свой третий полевой сезон в Казахстане М.П. Грязнов провел в составе экспедиции П.С. Рыкова, которая работала в 1933 г. в самом центре Карлага на территории совхоза «Гигант» в районе Караганды близ населенных пунктов Долинка, Алеп-аул, хутор Центральный и аул Дандыбай.

Могильник позднебронзового времени близ аула Дандыбай, материалы которого, наряду с комплексами некрополя Бегазы, стали основой для выделения бегазы-дандыбаевской культуры, был исследован экспедицией Института истории материальной культуры.

Итак, экспедицией руководил Павел Сергеевич Рыков, его заместителем был М.П. Грязнов. Кроме них в состав экспедиции входили старшие научные сотрудники М.И. Артамонов, став-

ший известнейшим советским археологом, специалистом по археологии скифов, хазарского каганата и знатоком древнерусской миниатюры, И.В. Синицын и Н.К. Арзютов – ученики П.С. Рыкова. Младшими научными сотрудниками были М.Н. Комарова (жена Михаила Петровича) и А.Н. Рогачев, будущий известный специалист по палеолиту. Я бы сказал, что состав экспедиции сборный, т.е. набрали кого смогли, и послали куда надо. К слову сказать, что никто из них не имел опыта работы в Центральном Казахстане, и только П.С. Рыков и М.П. Грязнов в середине 1920 гг. немного поработали в Западном Казахстане. Напомню читателям, что П.С. Рыков в начале научной карьеры занимался изучением археологии радимичей, после – латгальцев, с начала 1920 годов он работал в Поволжье, изучая памятники от эпохи бронзы до средневековья, занимался музейной деятельностью и научно-организационной работой, в 1937 г. был репрессирован, и в 1942 г. умер во Владивостоке.

Цель экспедиции заключалась «в установлении степени угрожаемости сохранности археологических памятников в связи с развитием сельскохозяйственных работ совхоза», причем «...взятый для изучения

район был совершенно неизвестен ранее с археологической стороны и вызвал к себе особый интерес...» [11, с. 40]. Другими словами говоря, цель работ была спасти и изучить неизвестные памятники в неизученном районе, но который «...вызвал к себе особый интерес...». Конечно, П.С. Рыков не мог тогда написать, что работы он вел на месте будущего Карагандинского ИТЛ – печально знаменитого Карлага. Дело в том, что в октябре 1930 года Наркомзем удовлетворил заявку НКВД, и выделил 1 млн га земли для организации Казакстанского (так писали в то время) ИТЛ ОГПУ (по другому Казлаг, или Казулон), который бы занимался лесозаготовками, делал кирпичи для Турксиба и мощения улиц Алма-Аты, и организовал бы совхоз «Гигант». В сентябре 1931 года этот ИТЛ ликвидировали, оставив только совхоз «Гигант», который должен был стать крупным образцовым социалистическим животноводческим хозяйством. Предполагалось, что это хозяйство станет основой продовольственной базы предприятий Караганды, Балхаша и Карсакпая. Летом 1932 г. геолог Д.Н. Бурцев в 12 км южнее поселка Долинка (Долинское) в отвалах оросительного канала совхоза обнаружил следы угольных пластов. Затем буровики нашли

здесь угольные пласты рабочей мощности, так было открыто Шурубай-Нуриное местонахождение угля.

В этот неизученный археологически, но уже осваиваемый хозяйственно район и послали Нуринскую экспедицию, которая была одной из многих экспедиций на местах великих строек. Известно, что в 1932-33 годах археологи работали на трассах канала Москва-Волга, Беломорканала, БАМа, на местах строительства московского метрополитена, гидроэлектростанций в Ярославле, Перми, Нарыне, Баксане, на Южном Урале и т.д., т.е. в тех местах, где был большой объем земляных работ, где работали множество заключенных и где работы курировал НКВД. Именно поэтому было предложение Госплана закладывать в смету строительства расходы на археологические работы, поэтому Академия наук послала множество отрядов на «стройки социализма», отправляя кого куда придется: Б.Н. Гракова (скифолога) на Южный Урал, Т.С. Пассек (специалистку по триполью) и С.В. Киселева (специалист по Алтаю) на московский метрополитен, Г.П. Сосновского (специалиста по эпохе камня Сибири) в Сестрорецк, он же обрабатывал материалы, полученные на Бие и Иртыше и т.д. Ну а П.С. Рыков -

внештатный сотрудник ИИМК - поехал в Казахстан, причем там уже шли и мелиоративные, и геологические работы.

Метод, которым экспедиция проводила обследование гигантского района, я бы назвал маршрутно-кустовой. Всего было сделано 4 длинных маршрута (2 по Нуре, 1 по Шурубай-Нуре - по орфографии того времени Чурубай-Нуре - и 1 по Джаксы и Джаман-Сары-Су). Кроме того, археологи прошли 26 коротких маршрутов. Полагаю, что фактически это было обследование территории и поиск памятников, перспективных для исследований. В итоге Нуриной экспедицией были раскопаны памятники у аула Дандыбай (писали также Дынды-бай и Дындыбай), у аула Алеп, у с. Долинского и хутора Центрального. Раскопки вели старшие научные сотрудники, а начальник экспедиции, похоже, осуществлял общее руководство, младшие же научные сотрудники, вероятно, помогали старшим. На каждом памятнике каждый археолог изучил несколько насыпей.

Судя по объему выполненной работы, к работе экспедиции привлекали рабочих со стороны. П.С. Рыков отмечал доброжелательность местных жителей и огромные возможности работать по хозяйственным договорам. Правда, неясно кого он

называл местными жителями: казахов, заключенных, администрацию Карлага. Если говорить о казахах, то в их доброжелательности и гостеприимстве никто не сомневается. Администрация подобных учреждений просто обязана была быть предупредительной по обязанности. Можно вспомнить поездку советских писателей во главе с Максимом Горьким на Беломорканал, которую организовал НКВД, а можно посмотреть планы и карты памятников изученных экспедицией ИИМК. В архиве есть фотокопии карт в масштабе 1:50000 (пятисотметровки), которые и сейчас секретны. Их могли получить только у администрации, и выдача таких карт – явное свидетельство внимания администрации к проводимым работам. Ну а огромные возможности по хозяйственным – скорее всего это труд заключенных, что практиковали при раскопках в зоне строительства.

Сразу по окончании работ П.С. Рыков написал небольшую заметку [11, с. 57-58], а затем и развернутую обобщающую статью [12, с. 40-88]. К сожалению, в этой работе слишком мелкие рисунки керамики, которые, конечно, передают общий контур сосуда и отчасти его орнамент, но об их особенностях по этому рисунку судить очень трудно.

Скорее всего, археологов обязали подготовить эти работы, поскольку два тома работ отчетно-информационного характера – 109 и 110 выпуски Известий Государственной Академии истории материальной культуры – вышли в свет почти мгновенно: всего через год после окончания полевых работ.

М.П. Грязнов не один раз прорисовал, описал, проанализировал многочисленные материалы по этим раскопкам, и опубликовал их частично только после Великой Отечественной войны. Подготовительные материалы к статье хранятся в МАЭ ОмГУ.

Алакуль Северного Казахстана. До своего ареста в 1936 году М.П. Грязнов активно собирал все доступные ему материалы по бронзовому веку Казахстана, в том числе и хранящиеся в Институте истории материальной культуры (ИИМКе). Там-то он и познакомился с материалами раскопок Ю.П. Аргентовского, исследовавшего в 1911 году андроновский могильник близ Петропавловска. В 1934 году, когда М.П. Грязнов изучал коллекцию материалов могильника у оз. Пестрого, дневники Ю.П. Аргентовского хранились в ИИМКе под номерами 74-1911 и 89-1911, а коллекция имела номер 171. Материалы (керамику, вещи) М.П.

Грязнов тщательно перерисовал, причем вещи он рисовал дважды, сосуды нарисованы с разной степенью тщательности и в разных манерах. Сохранились фотографии сосудов, вероятно, они более всего заинтересовали исследователя (по крайней мере, есть несколько фотографий сосудов). М.П. Грязнов скалькировал план могильника, планы всех курганов и могил, а также законспектировал описания могил и курганов (рис. 3). Эти материалы позволяют судить как о характере памятника, так и о его методике раскопок.

Итак, в 1911 году Ю.П. Аргентовский раскопал восемь курганов, а материалы передал в Санкт-Петербург, вероятно, в Императорскую археологическую комиссию, правопреемником которой стал Институт истории материальной культуры, где М.П. Грязнов и обнаружил эти данные. Сведения о расположении могильника сверхкраткие – он расположен в четырех верстах на юг от Петропавловска в 200 саженях от его восточного побережья в березовой роще. Судя по снятому Ю.П. Аргентовским плану, могильник располагался у дороги, ведущей на юг от вокзала г. Петропавловска, а роща была довольно густая. Насыпи образовывали дугу (располагались по вершине гривы? возвышенности? озерной

террасе? солифлюкционному образованию?), и стояли близко друг к другу, почти соприкасаясь полами. Выбивался из цепочки только курган 3. Два южных кургана (1 и 2) частично были разрушены дорогой, которая у кургана 2 поворачивала на юго-запад (обходила препятствие?).

Все курганы были земляные, имели округлую форму, были ограблены, поскольку в могилах найдены по большей части обломки костей человека и керамики. Ю.П. Аргентовский раскопал курганы траншеей, идущей через центр насыпи по линии север-юг. Затем он расчищал полностью попавшую в траншею могилу. Вероятно, какие-то могилы остались не выбранными, допустим в западных и восточных частях курганной насыпи. На каждый курган был составлен план в масштабе 1:100 с указанием места расположения траншеи и могилы, основных находок (останки людей, керамика, вещи). Был сделан и разрез насыпи, на котором указана глубина могил. Отдельные планы имеются только на могилу кургана 6 с парным захоронением. Здесь показаны два уровня расчистки могилы. Размеры курганов примерно одинаковы: диаметр около 10 м, и высота около 0,5 м. Судя по материалам курганов 3 и 6 с сохра-

нившимися погребениями, умерших хоронили скорченно на левом боку, головой на юго-запад, что не редкость для андроновских могильников. В остальных могилах есть кости умерших, но их трупоположение не определено из-за плохой сохранности. В кургане 5 прослежены зола и угли, что может свидетельствовать о трупосожжении. Глубина могил была около 60-70 см ниже ... хотелось бы написать материка, однако, непонятно до какого уровня была выкопана траншея, поэтому напишу... ниже дна траншеи. Особенности могильной ямы описать трудно, поскольку неизвестно, как ее раскопали в 1911 г. На некоторых планах стенка показана волнистой линией, может быть Ю.П. Аргентовский не особенно и заботился о том, как найти стенку могилы, и определить какие углы были у могильной ямы. Хотя один раз он определил форму могилы в кургане 3 как овальную.

Итак, могильник состоял из восьми земляных насыпей округлой формы диаметром около 10 м и высотой около полуметра. Под насыпями были одна (центральная) или две вытянутые могильные ямы (центральная и боковая), ориентированные по линии 3-В или ЮЗ-СВ. В могилах были погребены один или два человека, скорее

всего скорченно на левом боку головой на юго-запад. Погребальный инвентарь составляли керамические сосуды (около полутора десятков с разнообразной андроновской орнаментацией, выполненной гребенчатым штампом), бронзовые булавки, подвески из бронзы, клыков животный, раковин, пастовые бусы.

Получается, что был раскопан могильник андроновского типа, такого же самого, который был изучен А.Я. Тугариновым – биологом, собиравшим коллекции для Красноярского краеведческого музея – в 1914 г. близ д. Андроновно Енисейской губернии. К сожалению, раскопки Ю.П. Аргентовского остались неизвестными широкой научной общественности, Вероятно, в начале XX века их обработке помешала начавшаяся вскоре Первая Мировая война, затем две революции, гражданская война. Обработанный в 1934 году материал М.П. Грязнов не использовал, поскольку был репрессирован.

Обобщающая монография. Начатые работы по изучению бронзового века Казахстана были прерваны. П.С. Рыкова безвинно арестовали, и он погиб в лагере, но был реабилитирован в 1956 году. М.П. Грязнова арестовали и после следствия выслали на несколько лет в Вятку.

Однако в 1940 году М.П. Грязнов вновь начинает исследования по оставленной ранее теме, но берет ее глобальнее, задумав написать книгу (рис. 4), и занялся этим целенаправленно. Он завел папку (сначала одну, затем несколько), куда помещал материалы по археологии бронзы Казахстана: оттиски ранних статей, сведения, полученные от коллег, рисунки сосудов, реконструкции штампов по нанесению орнамента и т.д. Появился у него и план работы над темой. Он выделил направления: техника, хозяйство, быт, социальный строй с небольшими подразделами, и поставил главную проблему: Дандыбай – это единичное явление? Это крайний предел – запад Казахстана? Или это пока первый памятник карасукского типа в Казахстане? Эти папки М.П. Грязнов постоянно пополнял. Внутри них он группировал материалы в отдельные тетради, где были помещены данные о конкретных памятниках: планы могильников, рисунки и фотографии, керамики, реконструкции керамических штампов и т.д. Интересно, что керамические сосуды М.П. Грязнов рисовал и фотографировал несколько раз, сопровождая рисунок описанием орнамента, орнаментира, теста из которого лепили сосуд и внешней поверхности.

Но и эта работа не была закончена. Началась Великая Отечественная война. В архиве ученого остались материалы, которые собрали его коллеги: Л.Ф. Семенов по Акмолинскому округу в 1929 г., Н. Харламов по Коктыкулю (рукопись 1939 г.), О.А. Гракова – по Алексеевке (раскопки 1931, 1935, 1936 гг.), К.В. Сальников – по Джанатану (1936). Есть еще находки разных лет С.И. Руденко (1921), А.Я. Брюсова (1945), А.А. Формозова (1944), Г.В. Подгаецкого. Иными словами, М.П. Грязнов собрал значительное количество материалов по Казахстану, и, похоже, стал признанным специалистом.

Новые горизонты и молодые коллеги. После окончания Великой Отечественной войны в Казахстане выросли свои археологи. Первым был заведующий отделом Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана А.Х. Маргулан, который с 1946 г. начал проводить раскопки археологических памятников. Затем к нему присоединились К.А. Акишев, А.М. Оразбаев, М.К. Кадырбаев. Интересно, что А.Х. Маргулан в 1936–1938 гг. был научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР, А.М. Оразбаев участвовал в раскопках Грязнова на Ближних Елбанах – памятников

на Большой речке в 1948 г., М.К. Кадырбаев окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета в 1955 г. Т.е. молодые археологи были связаны с Ленинградом, и, конечно, с М.П. Грязновым. Вероятно, поэтому, бывая на сессиях в ЛОИИМК, они знакомили его с новыми материалами, возможно, обсуждали научные темы.

С тех пор в архиве М.П. Грязнова отложились материалы по памятникам Бегазы, Атасу, Былкылдак-1–3 (рис. 5), Бугу-лы-1–3, и других из раскопок А.Х. Маргулана. А.М. Оразбаев познакомил М.П. Грязнова с материалами раскопок Белья-сара, Канаттаса, К.А. Акишев — Каныра, М.К. Кадырбаев — Тасмолы, обсуждал с ним тезисы своего выступления. Интересно, что все эти четыре археолога вместе написали первую обобщающую работу по археологии Центрального Казахстана [10].

Большую статью по могильнику Дандыбай М.П. Грязнов опубликовал в 1952 году. Возможно, что катализатором работ М.П. Грязнова стали раскопки

А.Х. Маргулана (1947 год) и Л.Р. Кызласова (1948 год) на памятнике Бегазы, и их совместная статья [9, с. 126-136]. Хотя еще в 1946 году М.П. Грязнов просил профессора С. Ванина определить породы дерева, найденные в кургане 11 могильника Дандыбай. В статью М.П. Грязнов поместил материалы только кургана 11, который копал он сам [6, с. 129-162]. Курган был самый богатый, даже несмотря на то, что был ограблен. Другие могилы до сих пор не опубликованы. Редактором этого выпуска «Советской археологии» был М.И. Артамонов, участник той самой рыковской экспедиции.

Продолжал М.П. Грязнов собирать данные об археологии Казахстана, знакомясь с материалами русских коллег: Е.Е. Кузьминой, Л.Ф. Семенова, К.Ф. Смирнова, В.С. Сорокина, С.С. Черникова. Последний документ в папках о Казахстане датирован 1961 г. Вероятно, после этого времени М. П. Грязнов плотно занялся проблемами археологии Саян, Алтая, и ранних кочевников в целом

ЛИТЕРАТУРА

1. Всевиов Л.М., Бобровская Е.В., Длужневская Г.В. Литература о М.П. Грязнове // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и

Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. — СПб.: ЭлекСис, 2012. — С. 63–65.

2. Грязнов М.П. Раскопки на Урале // Природа. — 1926. — № 9–10. — С. 96.
3. Грязнов М.П. Описание костей человека из древних могил на Урале // Казаки. — Л., 1927а. — Вып. 1. — С. 238–257.
4. Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. — Л., 1927б. — Вып. 1. — С. 179–221.
5. Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. — Л., 1930. — Вып. 3. — С. 149–162.
6. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА, XVI, 1952, с. 129–162.
7. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА. — № 48. — 1956. — 161 с.
8. Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. — Л.: Наука, 1980. — 62 с.
9. Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИ-ИМК, вып. XXXII, 1950, с. 126–136
10. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древние культуры Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — 436 с.
11. Рыков П.С. Нуринская экспедиция // ПИМК, 1933, №9–10, с. 57–58.
12. Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). Отчет о работах // Археологические работы академии на новостройках / Известия ГАИМК. Вып. 110. М.-Л., 1935, с. 40–88.
13. Тихонов С.С. Андроновский могильник у с. Пестрое // Маргулановские чтения—2009. — Петропавловск, 2009а. — Т. 1. — С. 87–98.
14. Тихонов С.С. Могильник Дандыбай и его исследования Нуринской археологической экспедицией Института истории материальной культуры // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: матер. междунар. научн. конф. «Маргулановские чтения—2008». — Караганда, 2009б. — С. 189–193.
15. Тихонов С.С. Полевые материалы 1929 года и изучение древностей Акмолинска // Маргулановские чтения—2011: матер. междунар. археол. конф. — Астана: НИИ археологии им. К. А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева, 2011. — С. 151–154.
16. Тихонов С.С. Материалы М. П. Грязнова по Северному и Центральному Казахстану и современные археологические исследования // Маргулановские чтения—2012: матер. междунар. археол. конф. — Астана, 2012. — С. 96–99.
17. Тихонов С.С. Вклад М. П. Грязнова в археологию Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. — Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. — С. 93–98

ТҮЙІН

Тихонов С.С. Грязнов М.П. және Қазақстандағы қола дәуірінің зерттелуі

Автор Қазақстандағы қола дәуірін зерттеген белгілі кеңес ғалымы М.П. Грязновтың археологиялық жұмыстарын қарастырды. Онда ғалымның тек үш

далалық мезгілінің өтуіне қарамастан, оның жұмыстарының маңызы зор. Ол андронов мәдениетінің ең батыс ескерткіштерін тапқан, Дандыбай қорымының қазбасына қатысты, Қазақстандағы қола дәуірі бойынша жарияланған және мұрағаттық көптеген мәліметтерді жинаған. Өкінішке орай оның зерттеу жұмыстары репрессия, кейін Ұлы Отан соғысы жылдары тоқталылған. Сондықтан археологтың монография шығару орасан жоспары аяқталмай қалды. М.П. Грязновтың зерттеу жұмыстарын онымен соғысқа дейін және соғыстан кейін Ленинградта бірге қызмет еткен қазақ ғалымдары жалғастырды.

Түйін сөздер: қола дәуірі, Қазақстан, М.П. Грязнов, Дандыбай, археология тарихы

АННОТАЦИЯ

Тихонов С.С. М.П. Грязнов и его исследования бронзового века Казахстана

Автор рассматривает археологические работы известного советского ученого М.П. Грязнова по изучению бронзового века Казахстана. Несмотря на то, что этот ученый там провел лишь три полевых сезона, значение его работ очень велико. Он первый нашел самые западные памятники андроновской культуры, участвовал в раскопках могильника Дандыбай, собрал большое количество опубликованных и архивных материалов по археологии бронзы Казахстана. К сожалению, его работы были прерваны в годы репрессий, затем Великой Отечественной войны. Поэтому грандиозный план ученого по подготовке монографии остался незавершенным. Но работы М.П. Грязнова продолжили казахские ученые, сотрудничавшие с ним до войны после нее в Ленинграде.

Ключевые слова: бронзовый век, Казахстан, М.П. Грязнов, Дандыбай, история археологии

ABSTRACT

Tikhonov S.S. M.P. Gryaznov and his studies of the Bronze Age of Kazakhstan

The author examines the archaeological works of the famous Soviet scientist M.P. Gryaznov on the study of the bronze age of Kazakhstan. Despite the fact that this scientist spent only three field seasons there, the significance of his work is very great. He first found the most western monuments of Andronov culture, participated in the excavations of the Dandybai burial ground, collected a large number of published and archival materials on the bronze archeology of Kazakhstan. Unfortunately, his work was interrupted in the years of repression, then the Great Patriotic War. Therefore, the scientist's grandiose plan for the preparation of the monograph remained incomplete. But the work of M.P. Gryaznov was continued by Kazakh scientists who collaborated with him before the war after it in Leningrad.

Key words: Bronze age, Kazakhstan, M.P. Gryaznov, Dandybai, the history of archeology

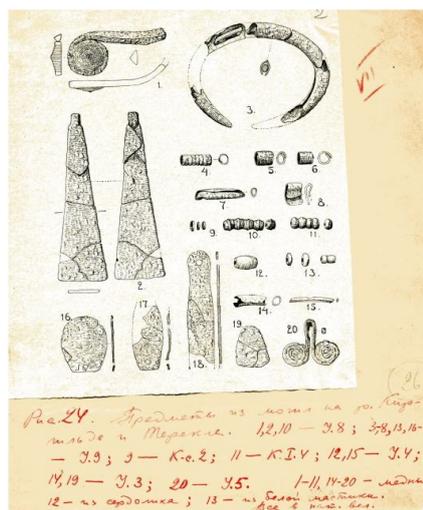
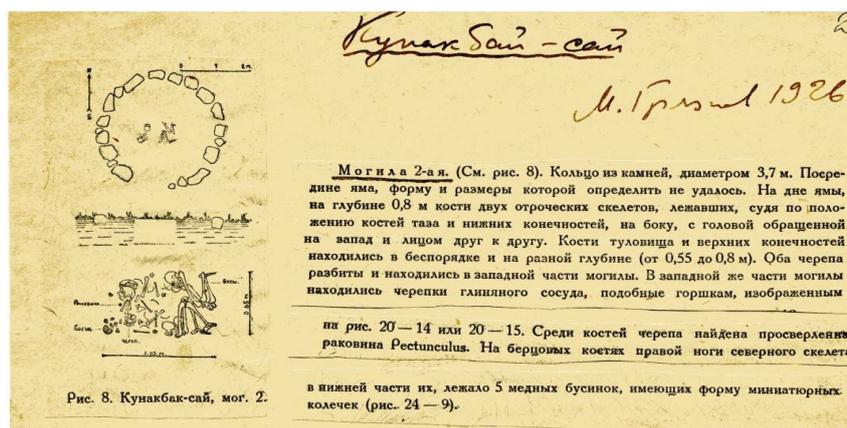
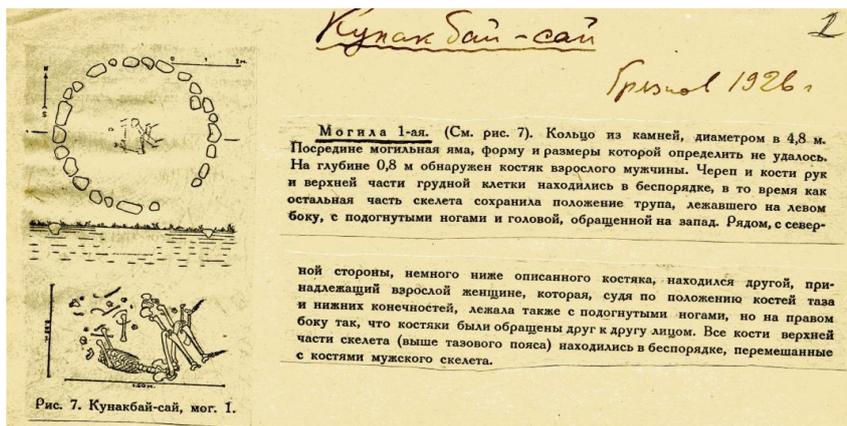

Рис. 1. Материалы раскопок на Урале

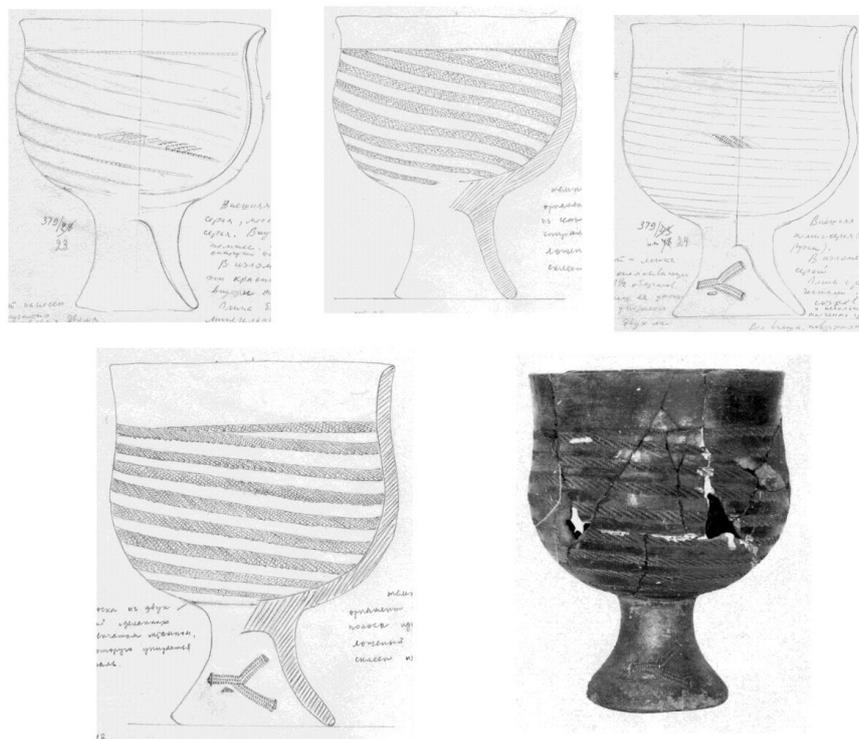
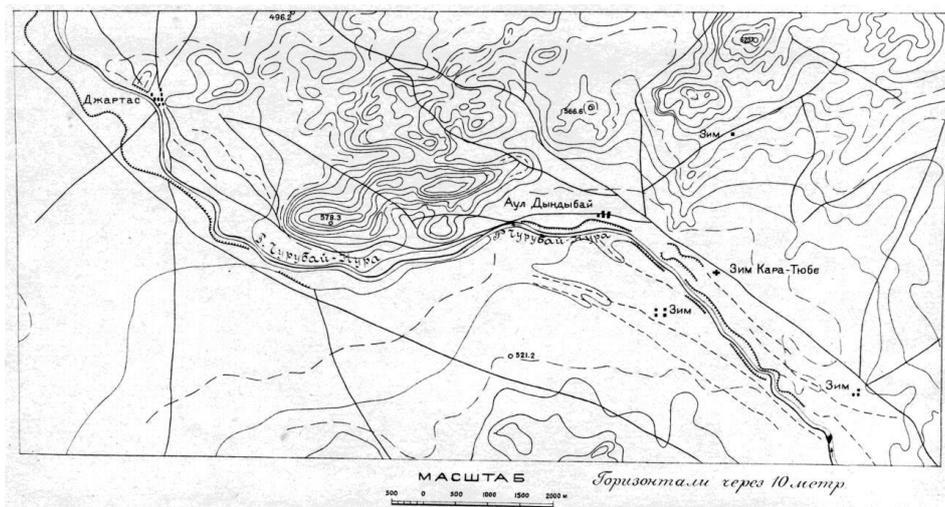

Рис. 2. Могильник Дандыбай

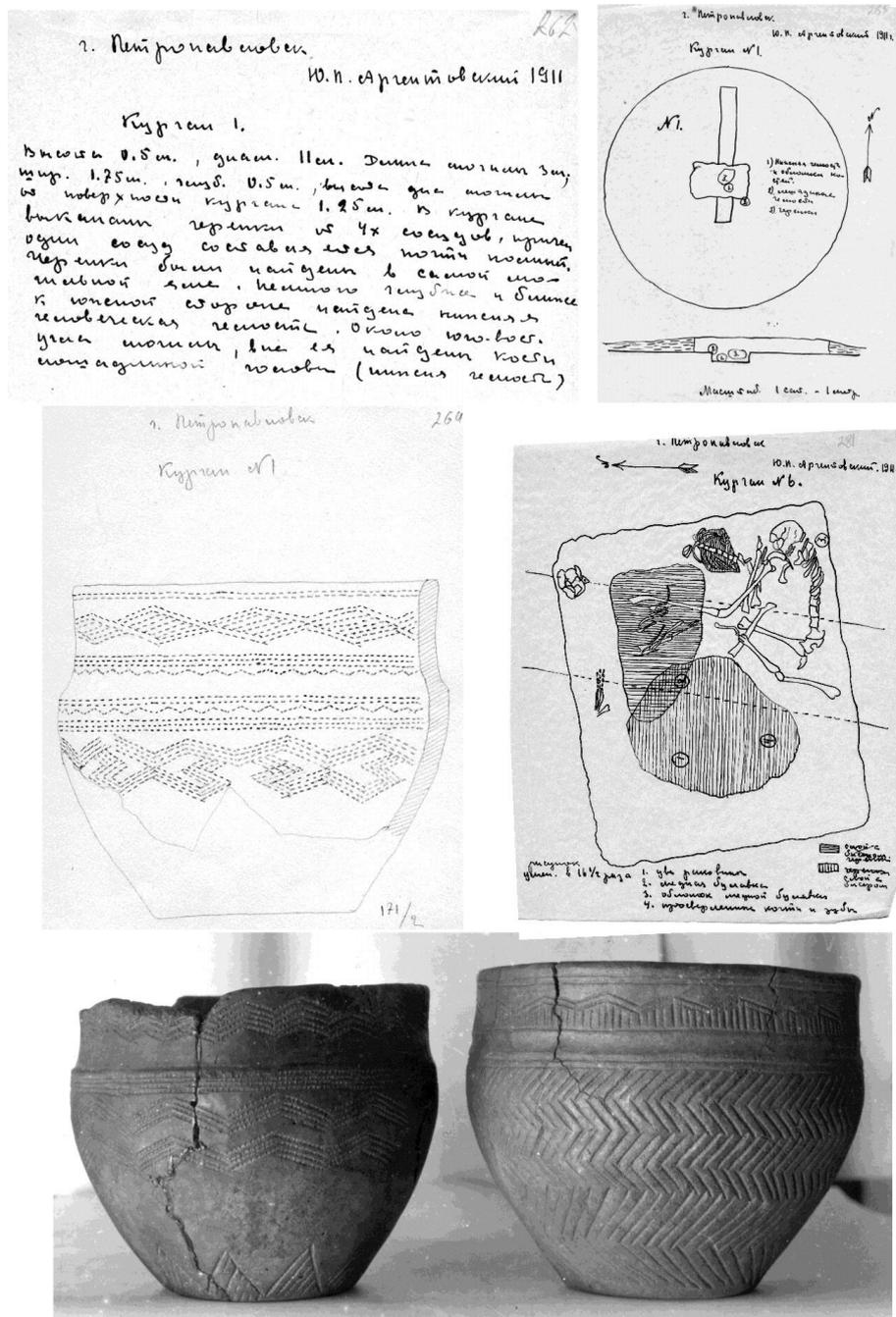

Рис. 3. Могильник у озера Пестрое

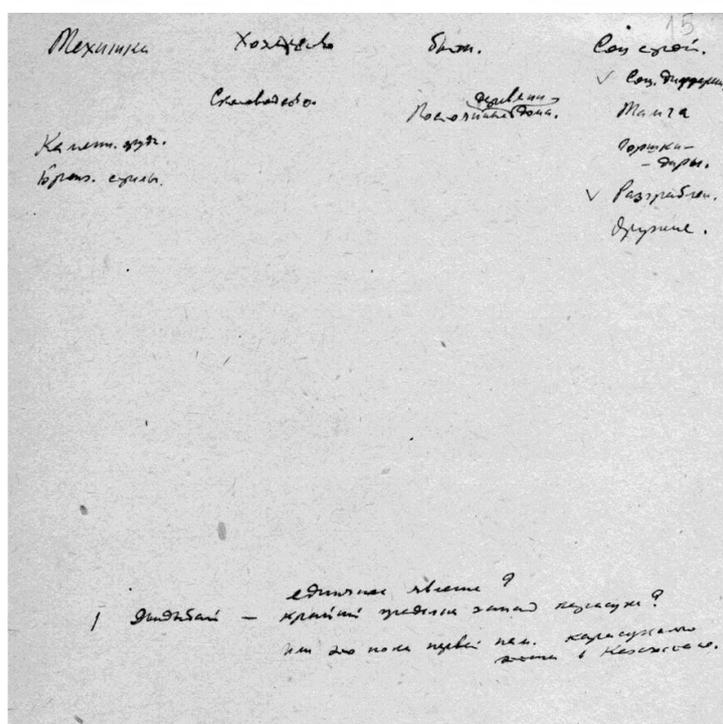
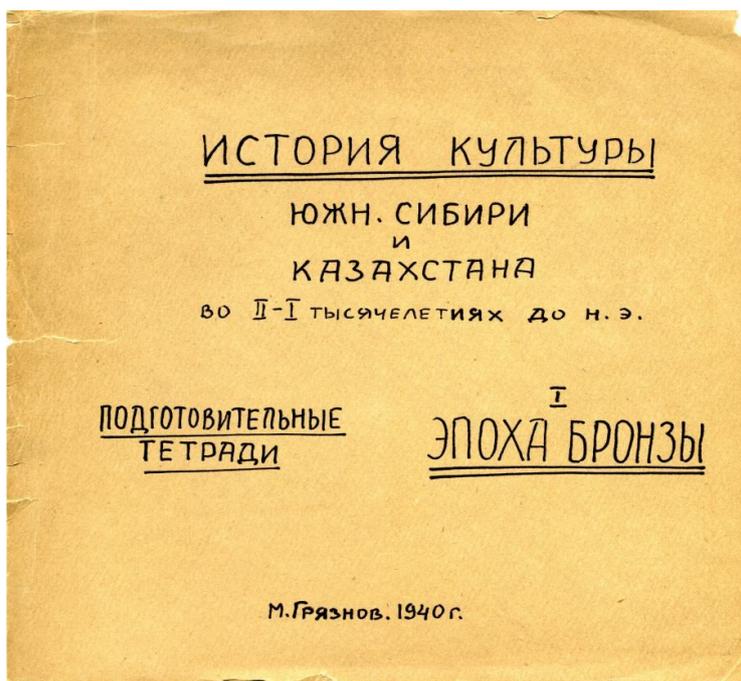
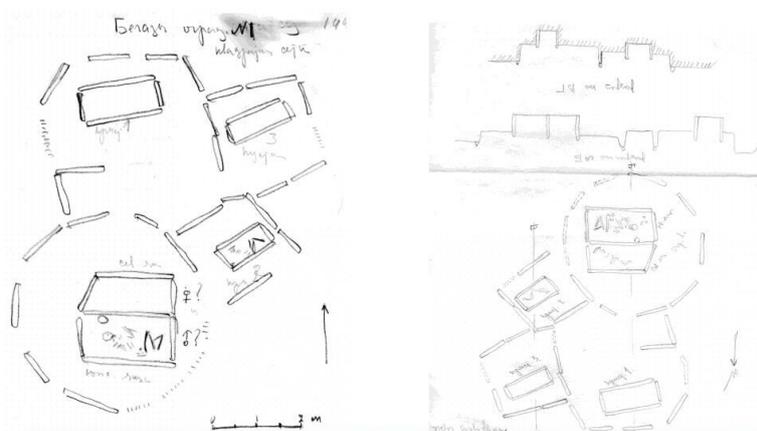

Рис. 4. Материалы к монографии

БЕГАЗЫ А.Х. Маргулан
Андроновские могилы

БЫЛКЫЛДАК I А.Х. Маргулан
Андроновские могилы

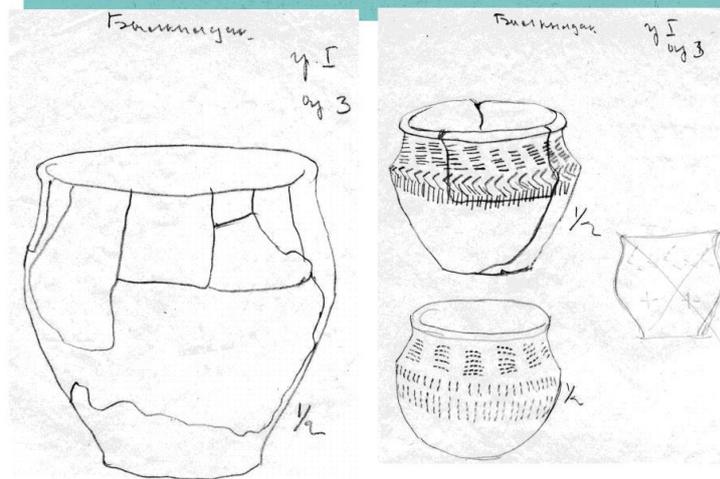

Рис. 5. Материалы А.Х. Маргулана

Умиткалиев Улан Умиткалиевич
кандидат исторических наук, доцент
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан
Тлеугабулов Данияр Толегенович
магистр, докторант PhD
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан

УДК 903/904

ИССЛЕДОВАНИЯ А.М. ОРАЗБАЕВА В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

В силу разных причин археологические исследования в северных регионах нашей страны проводились более разносторонне и в больших объемах, чем в других частях нашей родины. Во-первых, это было связано с главным академическим направлением советской археологии – изучением бронзового века, или как еще его называют – андроноведением. Во-вторых, данный регион, приграничный к Зауралью, где свои исследования проводил К.В. Сальников, представлял большой интерес для исследователей.

После окончания Второй мировой войны археология получила новое развитие. В результате этого были организованы новые экспедиции, давшие богатый материал для реконструкции древней истории. Открытие большого числа археологических памятников эпохи бронзы, введение их в научный оборот позволили осуществить первые периодизации. Один из первых крупных исследователей бронзового века М.П. Грязнов возглавил новое направление исследований – изучение

особенностей степных и лесостепных регионов Казахстана, ограниченных Южной Сибирью, лесной полосой Западной Сибири, и открыл дорогу для местных квалифицированных молодых кадров.

А.М. Оразбаев в своей периодизационной схеме бронзового века 1958 года использовал известные на тот момент сведения о памятниках Северного Казахстана и Челябинской области. Для расширения источниковой базы ученый использовал материалы исследований своего коллеги С.С. Черникова, раскопавшего в 1938 году поселения и места рудных выработок в Северном Казахстане [8].

В частности, основные материалы, позволившие А.М. Оразбаеву выделить «замараевский» этап поздней бронзы Северного Казахстана, были получены из исследованных С.С. Черниковым поселений и рудных месторождений Степняк, Бестобе, Сталинский рудник, Аульная площадь, Черная пика, Кыстау карагай, Ашылыколь, Борилии другие.

В целом же, периодизация была осуществлена на основе матери-

алов из фондов Государственного музея Эрмитажа в Ленинграде и незначительного количества сведений по результатам полевых работ. Выводы по реконструкции жизнедеятельности, хозяйственному укладу и аспектам мировоззрения древнего общества эпохи от ранней до поздней бронзы Северного Казахстана, длительностью более тысячи лет, были сделаны по результатам исследования пяти групп погребальных памятников, насчитывающих 45 оградок, и четырех поселений древних металлургов. Учитывая неполное научное обследование этих погребальных памятников и поселений, а также их разграбленность, становится ясно, что этих материалов было недостаточно для полноценной реконструкции жизни древнего общества.

Абдыманап Медеуович в своей периодизации бронзового века делает предположение, что памятники ранней бронзы и их общее описание должны соответствовать памятникам Кожумбердинского типа. Учитывая устоявшиеся в научной среде того времени положения при составлении своей периодизации бронзового века, он принял решение о необходимости первичного изучения памятников эпох, предшествовавших бронзовому веку, и посвятил свои научные изыскания исследованию данного направления.

А.М. Оразбаев отмечал, что в это время каменные орудия труда по-прежнему занимали ведущее место, и это отражалось в большом количестве этих орудий на посе-

лениях и в могильниках. Но вместе с тем древние жители Северного Казахстана добились больших успехов в деле разведения скота, возделывания земли и производстве металла, что и обусловило наступление эпохи бронзы [5, с. 216-218].

Несмотря на то, что Абдыманап Медеуович Оразбаев в определении периодизации андроновской культуры не прерывал последовательного развития федоровской и алакульской культур, одним из его научных достижений было выделение различий этих двух периодов, в частности, в погребальном обряде. Таким образом, исследования ученого по бронзовому веку Северного Казахстана, стали вкладом в археологию Евразии. В трудах ученого рассматривается проблема глобальных изменений, связанных с изменением последовательности федоровки и алакуля, или их синхронности. Она вызвана накоплением большого количества материалов, и является заслугой всех ученых, изучавших бронзовый век. Вклад в это внесли и передовые отечественные ученые. Мнения относительно сосуществования этих двух этносов на одном пространстве в одной природной среде до сих пор остаются дискуссионными, и это является одной из главных проблем в изучении бронзового века.

Абдыманап Медеуович считал памятники поздней бронзы Северного Казахстана очень схожими с памятниками замараевского этапа, выделенного К.В. Сальниковым для сопредельного региона России – Челябинской области. Поэтому он предложил выделить памятники

этого региона в замараевскую культуру. Помимо этого, в связи с малой изученностью замараевских памятников Северного Казахстана, предлагал считать их тождественными памятникам Челябинской области и не торопиться давать им новое название [5, с. 277].

Мы можем заметить, что в хозяйстве и бытовом укладе племен замараевской культуры произошли большие изменения. Найденные на поселении Шалкар сбруя и удила, указывали, что в Северном Казахстане люди разводили лошадей для использования в качестве ездовых животных. Он считал, что использование лошади под верх было вызвано выпасом скота на удаленных пастбищах, или же необходимостью защиты скота, ведением войн за осуществление контроля над территориями [5, с. 281].

О развитии земледелия и хлебопашества, наряду с кочевым способом скотоводства, говорят находки бронзовых серпов, предназначенных для сбора зерновых. О больших изменениях в металлургии этого периода говорят находки огромного количества разных орудий труда из бронзы на поселениях, а также нахождение многочисленных форм для изготовления оружия. Появились орудия труда с черенком, которые отливались из готовых слитков. Изменения коснулись и посуды. По сравнению с андроновской керамикой, на сосудах появился валик, орнаменты наносились без должной аккуратности, небрежно. Можно сказать в итоге, что развитие производства замараевской культуры дало толчок раз-

витию кочевого хозяйства последующего периода – раннего железного века. При сравнении со схожими памятниками соседних регионов, следует отметить, что в позднюю бронзу развитие достигло своей вершины и это общество стало основой сложения племенных объединений, основанных на кочевом способе производства [5, с. 282].

Следует отметить, что культуры бронзового века Северного и Центрального Казахстана рассматривались как единые культуры в непрерывной взаимосвязи. В частности, на поселениях и могильниках поздней бронзы встречаются толстостенные сосуды с валиком и невыразительным, по сравнению с андроновской посудой, орнаментом. Поэтому он высказал мнение, что такие изменения в изготовлении сосудов представляют собой культурные различия, и будущие исследования докажут нам это [5, с. 280].

Позиция А.М. Оразбаева в выделении круга памятников с валиковой керамикой в отдельную культуру нашла поддержку со стороны таких ученых, как С.Я. Зданович, В.В. Евдокимов.

С.Я. Зданович провела раскопки на комплексе Саргары, состоящем из поселения и могильника, что расположены на реке Жабай недалеко от города Атбасар. Эти два памятника примечательны находками только лишь сосудов с валиком [3].

Этот факт окончательно опроверг мнения противников выделения комплексов с валиковой керамикой в отдельную культуру.

Наряду с этим, В.В. Евдокимов опубликовал материалы собственных раскопок на знаменитом поселении Алексеевка. Здесь он раскопал остатки однослойного жилища с валиковой керамикой. В результате данных исследований С.Я. Зданович и В.В. Евдокимов смогли обосновать необходимость выделения комплексов сваликовой керамикой в отдельную культуру [1].

Помимо этого, по результатам своих работ они предложили новое название для культуры валиковой керамики на территории Казахстана. Дело в том, что встречающиеся в трудах по эпохе бронзы Казахстана и Южного Зауралья термины «замараевский период» или «замараевская культура» являются чуждыми для степных культур. В трудах таких ученых как В.С. Стоколос, Т.М. Потемкина и др. неоднократно упоминается, что этот термин применяется к памятникам лесной полосы, таким как поселение Замараево [7]. Поэтому С.Я. Зданович предложила называть культуру валиковой керамики саргаринской [2]. К концу 70-х годов Т.М. Потемкина провела анализ всех собранных материалов по поздней бронзе степной и лесостепной полосы, и сделала вывод о культурных различиях валиковых комплексов. Она предложила данную культуру называть алексеевской, по названию поселения Алексеевка на берегу Тобола [6]. По истечении времени в научный оборот вошло новое наименование культуры – саргаринско-алексеевская [1, с. 15].

Направление научной деятельности Абдыманап Медеуовича Оразбаева резко изменилось в шестидесятые годы. Он сконцентрировался на решении хозяйственных и социальных проблем в изучении отдельно взятого поселения Шаггалалы, давшего богатый материал. Ученый для подкрепления своих идей и концепций продолжил изучение проблем бронзового века.

В 1968 году Абдыманап Медеуович Оразбаев провел исследование поселения бронзового века Садчиковское, что расположено в Костанайском районе Костанайской области, в 800 метрах западнее села Садчиковское. На поселении были заложены две траншеи, и датировано оно было поздней бронзой. Поселение было расположено на правом берегу Тобола, в месте с обильной травой, поросшем камышом и деревьями. Оно было удобно для проживания человека, а также для ведения рыбного промысла. Результаты этих работ дополнили исследования 1948 года О.А. Кривцовой-Граковой, а также дали много новых материалов [4].

К большому сожалению, этими исследованиями завершаются полевые археологические работы Абдыманапа Медеуовича на территории Северного Казахстана. В 2000-х годах среди таких крупных отечественных исследователей бронзового века, как В.В. Евдокимов, В.В. Варфоломеев, Ж.К. Курманкулов, А.З. Бейсенов нашла поддержку идея ученого, которая намного опередила свое время. Он предлагал выделить для комплексов с валиковой керамикой Северного

Казахстана отдельную «замараевскую» культуру [1, с. 15]. Мы должны превратить в традицию пропаганду наследия нашего незабвенного учителя для воспитания будущих поколений исследователей, рассказывать о его глубоких суждениях и интересных идеях, значимых трудах за всю его научную деятельность, которые оставили свой след в истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейсенов А.З, Варфоломеев В.В. Беғазы зираты. Орталық Қазақстан Беғазы-Дәндібай дәуірінде. – Алматы: «Інжу маржан», 2008 – 126 б.
2. Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области //ВАУ. – 1973. – Вып. 12. – С.22-43.
3. Зданович С.Я. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. автореф. дис...канд. ист. наук. – М:МГУ, 1979. – 20 с.
4. Оразбаев А.М. Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Фонд №64, Дело №64, 3-67 с.
5. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института Истории археологии и этнографии. Том 5. – Алматы: Изд-во АН КазССР, 1958. – С. 216-283.
6. Потемкина Т.М. К вопросу о соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // - СА, 1979, №2. – С. 53-60.
7. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). – М: Наука, 1972. – 168с.
8. Черников С.С. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане // КСИИМК, вып 53. 1954. – С. 29-49.

ТҮЙІН

Умиткалиев Ұ.У., Тлеугабұлов Д.Т. Ә.М. Оразбаевтың Солтүстік Қазақстандағы зерттеулері.

Мақалада Ә.М. Оразбаевтың Солтүстік Қазақстан аумағында жүргізген зерттеулері туралы айтылады. Зерттеу жұмыстардың нәтижесі бұл аймақтың қола дәуірін алғашқы кезеңдеу сызбалары болып табылады. Ә.М. Оразбаевтың еңбектері Қазақстан археологиясының көптеген мәселелері бойынша болашақ зерттеулердің негізін қалады.

Кілт сөздер: қола дәуірі, Солтүстік Қазақстан, кезеңдеу, андронов мәдениеті

АННОТАЦИЯ

Умиткалиев У.У., Тлеугабұлов Д.Т. Исследования А.М. Оразбаева в Северном Казахстане.

В статье говорится об исследованиях А.М. Оразбаева на территории Северного Казахстана. Результатом этих работ стала одна из первых периодизационных схем эпохи бронзы для этого региона. Работы А.М. Оразбаева заложили

У.У. Умиткалиев

фундамент для будущих исследований по многим проблемам казахстанской археологии.

Ключевые слова: бронзовый век, Северный Казахстан, периодизация, андроновская культура

ABSTRACT

Umitkaliyev U., Tleugabulov D. A. Orazbayev's Studies in Northern Kazakhstan.

The article speaks about the research of A.M. Orazbayeva in the territory of Northern Kazakhstan. The result of these works was one of the first periodization schemes of the Bronze Age for this region. Works by A.M. Orazbayeva laid the foundation for future research on many problems of Kazakhstan's archeology.

Keywords: BronzeAge, the Northern Kazakhstan, periodization, andronov culture

*Ганиева
Айнагуль Сабитовна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института
истории
государства КН МОН РК
г. Астана, Казахстан*

УДК 903

ИССЛЕДОВАНИЕ К.А. АКИШЕВЫМ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Исследования андроновской культуры, выделенной С.А. Теплоуховым по курганным могильникам близ с. Андроново Минусинского края, указывали, что следы ее можно найти не только близ Минусинска, но также и на значительной части Казахстана [21, с. 89]. Открытия последующих десятилетий множества курганных могильников и поселений андроновской культуры подтвердили правильность наблюдений С.А. Теплоухова и установили, что андроновская культура бронзового века сыграла крупную роль в становлении и развитии истории Казахстана. Для этого времени характерны зарождение и развитие ярких самобытных культур.

Особое место в трудах К.А. Акишева занимают проблемы бронзового века. Именно с изучения эпохи бронзы Центрального Казахстана началась научная биография ученого. В дальнейшем, когда непосредственные раскопки памятников бронзового века им уже не проводились, материалы эпохи бронзы и, в целом, развитие археологии бронзы всегда остава-

лись в поле его внимания. Вклад К.А. Акишева в изучение эпохи бронзы, по характеру участия в исследовательском процессе, можно разделить на два этапа:

1) непосредственное участие в разработке проблем андроновской археологической культуры (конец 40-х – начало 60-х гг. XX века);

2) опосредованное участие через привлечение материалов эпохи бронзы в разработке проблем сакской археологии, исследовании теоретических вопросов становления ранних государств и возникновения кочевого скотоводства.

Выбор этого направления археологии Казахстана обусловлен объективными причинами. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана численно преобладают над памятниками других эпох. Уже первые разведочные маршруты Центрально-Казахстанской археологической экспедиции позволили А.Х. Маргулану выделить районы особой концентрации разнообразных видов археологических объектов бронзового века. Скопление курганов, оград, менгиров, древних шахт, оросительных сооружений

(позднее были открыты и поселения) было характерно для района реки Атасу, горных долин Ортау, Баян-Аула и Каркаралинска. А.Х. Маргулан пишет, что памятники расположены на расстоянии 3-5-10 км вдоль русла рек, но есть и более насыщенные регионы. Например, в долине реки Акблек они тянутся сплошными рядами на протяжении 80 км [15, с. 54].

Само становление академической археологии Казахстана было связано с исследованием памятников бронзового века. Изучение памятников других эпох станет задачей будущих десятилетий. Первые раскопки академических экспедиций (Нуринской экспедиции ГАИМК 1933 г. и ЦКАЭ во второй половине 1940-х гг.) дали яркий материал, относящийся к кругу андроновских и карасукских древностей. К середине XX в. памятники эпохи бронзы были исследованы в довольно большом количестве. Вообще, период второй половины 1940-х гг. может быть отмечен в истории андроноведения, как время открытия Центрального Казахстана как нового центра андроновской культуры. В эти годы планомерные раскопки проводились только в двух регионах андроновской культуры: на Южном Урале (К.В. Сальников) и в Центральном Казахстане (А.Х. Маргулан). Каждый сезон приносил новые открытия. Казахстанский материал привлекал внимание и активно обсуждался в статьях ведущих андроноведов – М.П. Грязнова, А.Х. Маргулана, М.Н. Комаровой, С.С. Черникова. В такой атмосфере настоящей яв-

лялась задача обобщения и введения в научный оборот всех накопленных источников.

Основные раскопочные работы ЦКАЭ были сосредоточены в Жана-Аркинском, Шетском, Актонгайском и Каркаралинском районах. Топография этой местности весьма разнообразна, однако преобладают речные долины и межгорные впадины, где в основном расположены памятники эпохи бронзы и раннего железа. Уже в 1946 г. при проведении широкой археологической разведки по р. Сарысу и ее притокам было открыто много новых археологических памятников [11]. В 1947 г. была продолжена разведка в северной и северо-западной части Бетпак-Далы, давшая интересный материал по эпохе бронзы и раннего железа [13]. Здесь были выявлены могильники Айшрак, Дарат, Сангру, поселения Атасу I, Бугулы I, II, III. В этом же году начались раскопки могильника Бегазы, исследование его было продолжено в 1948 г. Полученный материал относился к двум периодам эпохи бронзы: андроновскому и поздней бронзе. Результаты работ вскоре были опубликованы [14].

К середине XX в. значительные успехи были достигнуты в изучении андроновской и карасукской культур бронзового века. Были определены восточные и западные границы андроновской культуры, появились первые концепции по проблеме происхождения андроновской культуры и проблеме перехода от бронзы к раннему железу. Были определены хронологи-

ческие рамки и этапы, были открыты и раскопаны первые поселения андроновской культуры (Алексеевское и Садчиковское), начаты планомерные работы по изучению древнего горного дела и металлургии. Эту работу в Казахстане возглавил С.С. Черников [23, 24]. Важным достижением в изучении андроновской культуры была периодизация и хронология андроновских древностей, обоснованная К.В. Сальниковым на материалах Челябинской области. Согласно ей развитие андроновских племен проходит через три этапа: федоровский, алакульский и замараевский. Первые два этапа были выделены по материалам могильников. Замараевский этап вычленен на материалах поселения [18]. В курганах такая керамика не встречалась. Эволюционная концепция К.В. Сальникова стала определяющей для андроновской культуры на последние два десятилетия. По ней сверяли все новые памятники, открытые в разных частях андроновского мира.

Немаловажную роль в развитии археологии бронзового века Центрального Казахстана имела поддержка геологической науки. Рудные месторождения края были отмечены следами доисторических разработок в виде древних шахт, колодцев, отвалов отработанной породы и находками старинных орудий горного дела. Все это привлекало внимание ученых-геологов. Первые расчеты о количестве вынутой руды в древности и процентном содержании меди в отвалах отходов после обогащения были сде-

ланы К.И. Сатпаевым [19]. В дальнейшем эти данные неоднократно привлекались археологами при характеристике экономики бронзового века и факторах могущества андроновских племен Центрального Казахстана. Первые археологические раскопки рудных разработок, изучение конструкции медеплавильных печей было предпринято геологом Н.В. Валукинским [4]. В итоге этих исследований стало понятно, что несметные богатства края разрабатывались с глубокой древности.

Еще в студенческие годы К.А. Акишев принимает участие в работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. В 1948 г. А.Х. Маргулан поручает ему раскопки ограды 3 могильника Бегазы. В 1951-1952 гг. К.А. Акишев в составе ЦКАЭ ведет раскопки могильников Былкылдак I, II, Аксу-Аюлы I, II, Айшрак I, II. Полученные материалы легли в основу кандидатской диссертации К.А. Акишева [1].

Диссертация К.А. Акишева была первым опытом обобщения и систематизации материалов, накопленных к этому времени по эпохе бронзы Казахстана. При хронологическом членении были учтены все раскопанные курганы и ограды. Следуя принятым в те годы требованиям, диссертация завершалась характеристикой социально-экономической истории племен бронзового века. Хотя материал не был многочисленным (всего 118 оград из 18 могильников [1, с. 3]), но он был обобщен с учетом всей информации известной к это-

му времени по андроновской культуре.

Материал 118 оград был расчленен на хронологические этапы, соответствующие принятой в то время периодизации К.В. Сальникова. По аналогии с челябинскими комплексами были выделены и охарактеризованы памятники федоровского и алакульского этапов. Изменения были внесены в наименование третьего этапа, который был назван К.А. Акишевым дандыбаевским. В раннюю, федоровскую группу памятников были включены 4 могильника (Бугулы I, Байбала I, Канаттас, Ботакара, Косагал, Акшатау), насчитывающие 19 могильных сооружений, в алакульскую – 14 могильников (82 ограды), в основном расположенные в верховьях реки Атасу (Айшрак I, II, Атасу, Сангру II, Былкылдак I-III, Аксу-Аюлы I, Бегазы (ранняя группа), Карабие, Карасай и др.) [1, с. 4-5]. Позднее этапы андроновской культуры Центрального Казахстана были переименованы: нуринский и атасуский (по названиям рек Нура и Атасу, где сосредоточены наиболее характерные памятники), а культура поздней бронзы названа бегазы-дандыбаевской (по имени широко известных памятников Бегазы и Дандыбай) [14, с. 61]. Новые названия этапов андроновской культуры Центрального Казахстана отражают локальные отличительные особенности памятников, но в общих чертах они синхронны и близки по культуре федоровскому и алакульскому этапам Зауралья.

Погребения федоровского этапа имеют ряд отличительных черт.

Основной их особенностью является обряд трупосожжения. Погребальные сооружения в большинстве случаев представляют собой небольшую насыпь высотой от 0,2 м, иногда до 1 м. По основанию кургана проходит круглая или четырехугольная ограда, составленная из плит, врытых на ребро. Покойника хоронили в прямоугольной грунтовой яме, перекрытой гранитными плитами. Наряду с захоронениями в каменных ящиках и грунтовых ямах встречаются погребения в склепе. Для этого периода характерна посуда типа горшков, нет того многообразия форм керамических изделий, которые характерны для последующих этапов, однако эта посуда отличается завершенностью форм.

Следующим этапом в развитии племен Центрального Казахстана явился алакульский. Он генетически связан с культурой федоровского этапа и является его продолжением. Большинство исследованных памятников эпохи бронзы в Центральном Казахстане относятся к этому времени. Все могильники этого периода состоят из плоских оград, обрамленных врытыми на ребро гранитными плитами, выступающими над поверхностью земли от 10 до 80 см, в виде кругов, четырехугольников, овалов, вытянутых по направлению восток-запад, иногда с отклонениями на юг-север. Покойники уложены в ящики, составленных из четырех каменных плит. Ящики перекрывались 2-4 гранитными плитами, иногда сооружалась рама из четырех бревен. Для алакульского этапа в отличие

от федоровского характерен обряд труположения. Умершего клали в скорченном положении, преимущественно на левом боку, с согнутыми в локте руками, головой на запад. В могилу ставили сосуды, предметы украшения.

В диссертации подробно описывается конструкция погребальных сооружений, планировка оград, выделяются многомогильные ограды, которые К.А. Акишев относит к семейным усыпальницам. Описываются форма, орнамент и технология изготовления федоровской и алакульской керамики Центрального Казахстана, выделяются 7 форм андроновской посуды.

Но уже на этой стадии изучения бронзового века, К.А. Акишев отмечает черты своеобразия и отличия центральноказахстанских погребений от «эталонных» южноуральских. По многим деталям: использованию камня, высокой технике строительного дела, монолитной кладке стен могильных ям, возведению цист, составу жертвенной пищи – федоровский погребальный обряд племен Центрального Казахстана отличается от челябинского и западноказахстанского. Обращается внимание на наличие комплексов, имеющих смешанный федоровско-алакульский характер.

Несмотря на ограбленность погребальных сооружений и отсутствие поселенческих материалов, в главе, касающейся хозяйства племен эпохи бронзы, К.А. Акишев делает выводы о структуре хозяйственной деятельности, останавливается на фактах высокого развития

горного дела и металлургии, приводит данные спектрального анализа древних бронз, сделанные Н.В. Валукинским. Огромное количество древних рудников, шахт и мест обработки горной породы, расчеты о количестве добытой меди – дают основание говорить о Центральном Казахстане как мощном самостоятельном центре древней металлургии [1, с. 13]. Высокий процент олова и меди, присутствие цинка в металлических изделиях эпохи бронзы Центрального Казахстана свидетельствуют о своеобразии древнего металлургического производства.

Разный состав жертвенной пищи в федоровских и алакульских погребениях при сравнении их с аналогичными памятниками лесостепи Южного Урала, приводит ученого к выводу, что лошадь в степи, в конце эпохи бронзы была освоена под верх, стала транспортным животным [1, с. 11].

Третий этап эпохи бронзы Центрального Казахстана, назван К.А. Акишевым – дандыбаевским. В отличие от замараевского этапа, выделенного по керамике поселений, дандыбаевский этап был представлен керамикой погребений. Количество известных в то время погребений было незначительно. Всего 17 могильных сооружений, открытых в трех могильниках. Но уже со времени раскопок первого памятника этой эпохи – кургана 11 могильника Дандыбай не смолкали дискуссии относительно происхождения и датировки этого комплекса. Курган 11 имел монументальную каменную конструкцию,

был неоднократно ограблен. Сохранились 12 сосудов, облик которых не оставлял сомнений в принадлежности их к карасукской культуре поздней бронзы. Руководитель Нуринской экспедиции ГАИМК П.С. Рыков в отчетной публикации назвал этот курган памятником дандыбаевской культуры [17, с. 47]. Появление карасукской керамики в степях Казахстана С.В. Киселев определил как результат переселения карасукских племен на запад [8, с. 93]. В 1947-1949 гг. круг источников расширился за счет раскопок скальных мавзолеев Бегазы. В 1952 г. аналогичные находки были сделаны в мог. Бугулы II. Таким образом, накопилось 17 могильных сооружений, позволивших К.А. Акишеву определить их как памятники дандыбаевского этапа.

Публикация материалов Дандыбая и Бегазы с прорисовкой и подробным описанием каждого сосуда была предпринята в 1952 г. М.П. Грязновым [6]. Культуру племен, памятниками которых являются могильники Дандыбай и Бегазы, он предлагает «рассматривать как локальный вариант карасукской культуры...». Далее он пишет: «Культура этих племен ...связана генетически с андроновской, ... но называть ее андроновской мне представляется неправильным» [6, с. 161-162].

В трактовке дандыбаевского этапа К.А. Акишев расходится с мнением ученых, поддерживавших миграционную теорию происхождения культуры этих племен. В автореферате он объясняет, почему

он называет этот этап дандыбаевским: «Несмотря на близость указанных могильников с минусинскими в настоящей работе они называются памятниками дандыбаевского этапа, чтобы этим подчеркнуть наличие целого ряда отличающих их особенностей, вполне своеобразных и специфичных для данной территории. Несомненно, возникновение своеобразной культуры дандыбаевского этапа явилось не результатом влияния карасукской культуры Минусинска, хотя и нельзя отрицать его роли, а результатом развития культуры алакульского этапа, на достижениях которого она и выросла» [1, с. 9]. Таким образом, уже в 1953 г. К.А. Акишев отстаивает самостоятельность и местное андроновское происхождение дандыбаевских памятников.

Исследователи других районов Казахстана (Западный, Северный и Восточный) отмечают, что андроновская культура на этих территориях доживает до IX-VIII вв. до н.э. и переход к кочевому скотоводческому хозяйству происходит на ее последнем замараевском этапе [8, 24].

В археологии Казахстана и Евразии до настоящего времени актуальной остается проблема культурологической интерпретации финальной бронзы и смыкающейся с ней проблемы переходного этапа от бронзы к раннему железу. В 50-е годы вопрос звучал таким образом: доживает ли андроновская культура до скифской эпохи или между ними была особая культура, как, например, карасукская на востоке андроновского мира. Материалы

дандыбаевского этапа играли важную роль в решении этой проблемы, т.к. представляли собой яркое историко-культурное явление. Исключительность его заключалась в керамике и конструкции погребальных сооружений, известных сегодня под названием «скальные мавзолеи».

С 30-х гг. XX в. до настоящего времени проблема происхождения этого феномена решается либо с позиции автохтонности, либо с позиции миграционной теории. Позднее круг источников неизмеримо пополнился за счет раскопок погребальных и поселенческих памятников. Четверть века спустя, в конце 1970-х гг., А.Х. Маргулан выделил для эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана бегазы-дандыбаевскую культуру, датировав ее XIII-IX вв. до н.э. [15, с. 76]. Позднее накопление источников, раскопки поселений привели к открытию в Центральном Казахстане новых комплексов поздней бронзы, известных в настоящее время как алексеевские или саргаринско-алексеевские. Это привело к появлению новых проблем – проблемы соотношения бегазы-дандыбаевской и алексеевской культур. Это разные археологические культуры или разные типы памятников одной культуры. Какова связь их с андроновской линией развития, какова степень участия их в этногенезе сакских культур раннего железного века? Круг проблем расширяется, дискуссии, и научные споры не стихают. К памятникам дандыбаевского этапа К.А. Акишев неодно-

кратно обращался уже в связи с изучением истории сакских племен.

В начале 1950-х гг., на этапе первого обобщения эпохи бронзы Центрального Казахстана заслуга К.А. Акишева была в том, что материал эпохи бронзы Центрального Казахстана был систематизирован и вписан в общую канву археологии Евразии. И в том, что уже на первом этапе осмысления накопленных источников были сделаны выводы, во многом опередившие ход изучения андроновской археологической культуры. Они сводятся к следующим пунктам:

1) существование смешанных федоровско-алакульских комплексов. Сопровождение трупосожжения (федоровский признак) – керамикой алакульского типа и наоборот, сосуществование двух видов обряда в одном комплексе. В дальнейшем такие факты стали реальностью и для других регионов андроновского мира и вступили в противоречие с эволюционной схемой периодизации К.В. Сальникова;

2) намечены черты своеобразия федоровских и алакульских комплексов Центрального Казахстана, свидетельствующие не только о хронологических, но и этнографических различиях на разных территориях андроновского мира. Позднее это подчеркивалось многими андроноведами [25] и послужило для К.А. Акишева основанием для переименования этапов андроновской культуры Центрального Казахстана – на нуринскую и атасускую [14, с. 54];

3) высказано мнение, что в эпоху бронзы Центральный Казах-

стан являлся мощным очагом древнего горного дела и металлургии (и даже «одним из мировых центров древней металлургии» [1, с. 13]). Эти выводы были довольно смелыми для периода, когда находки бронзовых вещей в курганах были единичны, а поселения еще не копались. Официальная точка зрения на открытие в курганах Бегазы бронзовых втульчатых наконечников стрел, производство которых, вне сомнения, отражало высокий уровень бронзолитейного дела – принимала их как продукт взаимодействия или влияния карасукской культуры;

4) интерпретация дандыбаевского этапа как высшей стадии развития андроновских племен в конце бронзового века. Грандиозные и трудоемкие по возведению погребальные постройки не оставляли сомнений в принадлежности их родо-племенной знати. Могущество племен алакульско-дандыбаевского типа базировалось на разработках рудных богатств, развитии межплеменного обмена.

Все эти выводы были изложены позднее в коллективной монографии 1966 г. [14]. Монография завершает период непосредственного участия К.А. Акишева в изучении бронзового века. К этому времени круг источников несоизмеримо вырос. Начинается новый этап в изучении андроновских древностей в степях Центрального Казахстана. В 1960-70-е гг. все явственнее проступают этнографические различия разных территорий и это приводит к появлению локально-хронологических периоди-

заций со своими местными наименованиями этапов. В этот период в северной части региона работают археологические экспедиции Целиноградского и Карагандинского областных краеведческих музеев и Карагандинского государственного университета; в южной части – Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана. Накопление материалов способствовало появлению разнообразных концепций о происхождении и взаимодействии культур, развивавшихся в рамках андроновской общности. К этому периоду на всей территории распространения андроновской культуры на основе трехэтапной периодизации К.В. Сальникова были разработаны периодизация и хронология памятников [1, 9, 10, 16]. Лишь для территории Восточного Казахстана С.С. Черниковым была разработана новая периодизация [26]. Несмотря на все эти открытия, основные теоретические выводы, сделанные К.А. Акишевым в начале 1950-х годов, сохранили свою актуальность.

По результатам раскопок андроновских курганов ученым была сделана реконструкция одежды андроновской женщины. Как в любом традиционном обществе одежда являлась социально-возрастным маркирующим символом [3, с. 16].

Многолетние исследования культуры эпохи бронзы, сосредоточение большой массы андроновских памятников в одних районах и единичности их в других (Семиречье, Северный и Южный Казахстан)

при одинаковой изученности этих районов, по мнению К.А. Акишева свидетельствовало о том, что во II тысячелетии до н.э. на всей территории расселения андроновских племен сложились крупные центры андроновской культуры и далекая окраина [2, с. 112]. Центры андроновской культуры были основными районами расселения андроновских племен, выделяются они скоплением большой массы различных памятников на локальной территории, внешний вид памятников, техника их сооружения, уровень производства предметов материальной культуры характеризуют уровень развития культуры. А вышеназванные отдаленные регионы отличаются единичностью находок андроновских памятников, их внешний вид, уровень изготовления различных предметов, орнаментация и т.д. свидетельствуют о низком по сравнению с центрами уровне развития культуры. Скопление памятников в одних, отсутствие и редкость их в других, говорит о малонаселенности отдаленных регионов. Эти районы в силу своих природных условий были малоприспособлены для обитания андроновских племен с их пастушеским скотоводством и примитивным пойменным земледелием. Эта форма хозяйства была рождена степью с мелкосопочником и приспособлена к ее природным особенностям. Неравномерное размещение памятников (могильников, поселений, рудных разработок и т.д.) свидетельствует о том, что андроновская культура не была равномерно распространена на огромной территории степей Евразии.

По сосредоточению памятников и по уровню развития материальной культуры выделяются три крупнейших центра развития андроновской культуры. Первый центр – восточный или сибирский, включающий Минусинскую котловину, Алтай и Восточный Казахстан; вел свое развитие на базе Калбо-Нарымских месторождений меди и олова [2, с. 138].

Второй – центральноказахстанский, охватывает всю территорию Казахского мелкосопочника; базировался на древних разработках меди в районе Джезказгана и на добыче олова в районах Южное Бурактау, Атасу, Аякжартау. Уральский центр занимает территорию Южного Приуралья, Притоболья и Западного Казахстана.

Таким образом, существование местных меднорудных и оловоносных месторождений, географическая среда, способствовавшая развитию комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, явились основными факторами зарождения в этих районах культуры периода освоения металла, а в дальнейшем сложения трех самостоятельных центров расселения андроновцев и развития их культуры. Наличие андроновских памятников на малообжитых этими племенами территориях имеет пришлый характер. Проникновение андроновцев в регионы юга Казахстана, Среднюю Азию сыграло немаловажную роль в сложении местных культур.

Природно-географические и климатические условия делают эти районы наиболее приспособлен-

ными для развития пастушеского, позднее, кочевого скотоводства. В связи с интенсивным ростом поголовья скота, характерного для первого периода перехода к кочевому скотоводству резко понизились запасы корма и воды для обитания людей в традиционных для них территориях. Это стало одной из причин переселения андроновских племен в поисках пастбищ, необходимых для содержания растущего поголовья скота на юг Казахстана, Северную Киргизию и в степную часть Средней Азии. Андроновские племена начинают заселять предгорные районы новых земель.

В результате массового переселения андроновцев и их потомков в новых районах расселения получило дальнейшее развитие два направления в хозяйстве – кочевническое и оседло-земледельческое.

Второй этап движения северных племен на юг и юго-восток К.А. Акишев относит к X-IX вв. до н.э. и связывает с переходом от пастушеского к кочевому скотоводству, приведшему к изменению материальной культуры [2, с. 130].

Изменение экономической основы общества, связанное с переходом к кочевому скотоводству, изменило облик степных культур бронзового века и способствовало появлению новой, отличной от андроновской, бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана – новой культуры кочевых андроновских племен. Свидетельством этому служит появление новых специфических форм сосудов: узкогорлых с раздутым туловом (мо-

гильник Сангру), шаровидных с выпуклым (круглым) дном (Бегазы, Дандыбай, Сангру), которые были приспособлены к кочевому образу жизни. Керамика по технике изготовления отличалась от андроновской.

Выделялась группа тонкостенных кубковидных сосудов. Наряду с изящными красивыми по форме и орнаментации сосудами встречались и грубо сделанные плоскодонные горшки с наlepным валиком по шейке. Дандыбаевский керамический комплекс по облику соответствовал посуде карасукской культуры Минусинской котловины и замараевского этапа Южного Урала. Появление новых форм бронзовых ножей и кинжалов (Степняк, Бегазы) и новые типы наконечников стрел втульчатых с шипами (Бегазы 2) и черешковых трехперых, (Бегазы, Алеп-аул) широко распространенных в скифо-сакское время, свидетельствует об усилении вооруженной охраны стад во время передвижения. Археологическими материалами засвидетельствован второй этап миграции кочевых северных племен, фиксацией в курганах могильника Тагискен на р. Инкар-Дарья типичной дандыбай-бегазинской керамики Центрального Казахстана.

Волна передвижений на юг Казахстана и Семиречья не прекращалась и в сакское время. В это время густонаселенный в андроновское время Центральный Казахстан пустеет, памятники сако-усуньского времени здесь встречаются в незначительном количестве. Переселившиеся племена принесли на

территорию Средней Азии и юга Казахстана элементы своей культуры: бронзовые орудия – вислобушные топоры, тесла, ножи, втульчатые лавролистной формы наконечники стрел, типы погребальных сооружений «курганы с усами» и каменные ящики, западную ориентировку и андроновский антропологический тип населения [2, с. 133].

Таким образом, изменение климатической ситуации в евразийских степях в IX-VIII вв. до н.э. – резкое увеличение континентальности, поставило андроновцев перед выбором: мигрировать с традиционной территории своего проживания в более благоприятные районы, сохранив привычный уклад жизни или изменить хозяйственную стратегию, перейдя к кочевому скотоводству. Андроновцами был выбран второй путь – путь интенсификации.

Населением Северного и Центрального Казахстана был избран меридиональный путь кочевания. Их маршруты начинались в Центральном Казахстане, проходили через Северный Казахстан и далее шли на юг Западной Сибири (Кулунда). Этому способствовали накопленные знания в предыдущие эпохи о сезонной фитопродуктивности в той или иной природной зоне и о местонахождении источников пресной воды [2, с. 115; 20, с. 176].

Становление этой системы, по мнению К.А. Акишева, было обусловлено следующими причинами:

- природно-климатическими условиями; зональностью и посе-

зонными особенностями продуктивного периода с активной вегетацией растительного покрова и его низкой кормовой производительностью;

- ярко выраженной аридностью и неравномерностью распределения водных источников, их сезонностью; периодичностью поедания скотом скудного растительного покрова, и рядом других факторов [2, с. 154].

Выбор же маршрутов и амплитуда кочевания были обусловлены ландшафтом, гидрографической сетью, наличием источников воды и их сезонным распределением, отдаленностью сезонных пастбищ друг от друга, учетом миграций копытных животных степей и полупустынь: лошади, сайгака, кулана.

Систематизация материалов эпохи бронзы Центрального Казахстана сделанная К.А. Акишевым в 50-х гг. XX в., сыграла важную роль в определении роли и места андроновской историко-культурной общности не только на территории Казахстана, но и всей степной зоны ее распространения. Оно стало одним из первых шагов в создании периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана, рассмотрении материальной и духовной культуры, общественного строя, социально-экономических процессов, протекавших в древности. Решение многих вопросов затруднялось малым объемом археологической информации, но, тем не менее, весь накопленный материал на методологическом уровне был проанализирован и систематизирован. Ученым также

были определены основные направления хозяйственной деятельности племен эпохи бронзы, поставлены вопросы предпосылок перехода к кочевому скотоводству в конце эпохи бронзы, разложения первобытнообщинного строя и возникновения раннеклассовых обществ на территории Казахстана. Многие поставленные вопросы до сих пор находятся на путях своего решения. Проблемы, охватившие ареал исследования, возможно решить на основе максимально полного археологического изучения комплексов с разнотипными и разновременными памятниками, с использованием методов естественных наук.

Археолого-топографическое обследование остатков древних поселений и могильников, рудных месторождений, проведенные за последние десятилетия, позволили получить дополнительную информацию по важному для истории Казахстана периоду – эпохе бронзы.

К различным аспектам андроноведения в разные годы обращались Ф.Х. Арсланова, Е.А. Агеева, А.Г. Максимова, С.С. Черников, М.К. Кадырбаев, В.В. Евдокимов, Н.А. Аванесова, Г.Б. Зданович, С.Я. Зданович, В.В. Варфоломеев, Н.Б. Виноградов, Ж.К. Курманкулов, А.А. Ткачев, Т.С. Малютина, Э.Р. Усманова и др.

В 80-90-е гг. XX в. проводится активное изучение памятников атасуской культуры в северной зоне Центрального Казахстана. В пределах Нуринского археологического микрорайона это – поселения Энтузиаст I, Энтузиаст II, Майоровка, в

разных частях региона - свыше десятка могильников. Исследование новых памятников позволяет дать всестороннюю характеристику атасуской культуры и наметить этапы ее развития.

Большой и разнообразный материал по северной Бетпак-Дале позволил М.К. Кадырбаеву и Ж.К. Курманкулову по-новому рассмотреть периодизацию и хронологию памятников всего Центрального Казахстана, а также сопредельных территорий. Выделены ранний – XV-XIII вв. до н.э. и поздний – XII-VIII вв. до н.э. периоды. Ранний период подразделяется на два этапа – первый – XV-XIV вв. до н.э. и второй – XIV-XIII вв. до н.э. Относительная хронология и культурная принадлежность устанавливались по керамическим комплексам. Выделены типы керамики – алакульско-атасуский, федоровско-нуринский раннего периода и бегазыдандыбаевский, алексеевско-саргаринский позднего периода [7].

Отражением современного уровня археологических исследований памятников региона и разработки хронологии памятников эпохи бронзы могут служить периодизации 90-х гг. карагандинских археологов. Большой объем работ был выполнен археологической экспедицией Карагандинского государственного университета. В 1973-1976 гг. экспедицию возглавлял Г.Б. Зданович, с 1977 г. – В.В. Евдокимов. Были открыты: погребение ранней бронзы в могильнике Карагаш, погребение с колесницей в могильнике Сатан. Исследованы андроновские могильники Копа, Нуркен,

Акимбек, Ташик, Бозинген, Алпымса, Нуртай, Майтан, Лисаковский и др. Проведены раскопки на поселениях Коба I, Упаис, Акимбек, Домалактас, Лисаковское, Ташик, Майоровка, Энгузиаст и др. Отрядом по изучению эпохи поздней бронзы были проведены раскопки могильников Енбек-Суйгуш, Донгал, Дермен, Самара, Шоиндыколь, Карагаш, Тасырбай. С 1985 г. исследуется уникальное поселение протогородского типа Кент.

Периодизация для периода поздней бронзы Сары-Арки разработана В.В. Варфоломеевым [5]. Он выделяет 3 последовательно сменяющихся этапа дандыбай-саргаринской культуры XIII-IX вв. до н.э. Первый ранний этап (XIII в. до н.э.) связан с формированием валиковых комплексов, второй – кентский этап (XII-X вв. до н.э.) связан с существованием комплексов алексеевско-саргаринской керамики, третий – донгальский этап (IX в. до н.э.) – финальный период эпохи бронзы региона.

Периодизация А.А.Ткачева по периоду средней (развитой) бронзы Центрального Казахстана включает памятники алакульской (XVII-XIII вв. до н.э.) и федоровской (XVI-XIII вв. до н.э.) культур. Культуры в свою очередь подразделяются на этапы: раннеалакульский – XVII-XVI вв. до н.э., раннефедоровский – вторая половина XVI – начало XV вв. до н.э.; алакульский, федоровский – XV-XIV вв. до н.э.; поздний алакульско-федоровский – конец XIV-XIII вв. до н.э. Поздний алакульско-федоровский отражает зафиксированные им факты совместного залегания посуды алакульского и федоровского типов [22].

Многообразна археологическая проблематика, связанная с изучением эпохи бронзы Центрального Казахстана. Можно без преувеличения сказать, что проблематика эта является ключевой в исследовании бронзового века Казахстана. И следует помнить, что первая научная систематизация материалов, обоснование основных направлений исследований связаны прежде всего с именем Кималя Акишевича Акишева, ставшего одним из разработчиков этой важнейшей темы, создателем фонда источников, первой системы их культурно-исторической интерпретации. Несмотря на то что материалы, которыми располагал ученый были невелики по объему, тем не менее ему удалось на основании их анализа поставить ряд существенных и актуальных для своего времени вопросов изучения эпохи бронзы. В дальнейших своих исследованиях ученый неоднократно возвращался к историческим вопросам, связанным с эпохой бронзы. При изучении проблем перехода к кочевому скот-оводству и выделении его этапов, происхождении культур раннего железного века и искусства «звериного стиля», этногенетических процессов на территории Казахстана и т.д.

Последующие исследования в значительной мере подтвердили его выводы по выделению этапов, характеристике хозяйства, быта андроновских племен Центрального Казахстана. С открытием новых могильников и поселений, накоплением нового археологического материала произошли изменения

А.С. Ганиева

хронологии и периодизации памятников. Выделены новые культуры (бегазы-дандыбаевская, пет-ровская, атасуская, нурина, нуртайская, донгальская и др.) и их этапы. Несмотря на дискуссионность данной научной проблематики

был заложен фундамент исследований.

Проблемы андроновской культуры турно-исторической общности настолько обширны, что еще не одно поколение исследователей будет заниматься их решением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана: автореф. ... канд. ист. наук. – Л., 1953. – 18 с.
2. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: АН КазССР, 1963. – 310 с.
3. Акишев К.А. Древняя Сары-Арка и степная цивилизация // Музеи Казахстана. – Астана: Президентский центр культуры РК, – 2003. – №1. – С. 15-18.
4. Валукинский Н.В. Раскопки в урочище Милекудук в южной части рудника Джебказгана // Известия АН КазССР. Серия археологии. – 1948. – №1. – С. 48-61.
5. Варфоломеев В.В. Сары-Арка в конце бронзовой эпохи: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1991. – 21 с.
6. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // Советская археология. – 1952. – Т. XVI. – С. 129-162.
7. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алматы, 1992. – 247 с.
8. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии. – 1949. – №9. – С. 90-98.
9. Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1962. – Вып.5. – С. 50-75.
10. Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – С. 86-161.
11. Маргулан А.Х. Археологические разведки в бассейне р. Сары – Су // Вестник АН КазССР. – 1947. – №7. – С. 17-22.
12. Маргулан А.Х. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археол. – 1948. – Вып. 1. – С. 119 - 145.
13. Маргулан А. Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак – Дала // Вестник АН КазССР. – 1949. – С. 3-36.
14. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.
15. Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
16. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – 1958. – Т.5. – С. 216-294.

17. Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) Археологические работы на новостройках // Известия ГАИМК. – 1935. – Т. II. – Вып. 110. – С. 40-68.
18. Сальников К.В. Бронзовый век Зауралья // МИА. – 1951. – № 21. – С. 66-79.
19. Сатпаев К.И.. Доисторические памятники в Джекказганском районе// Народное хозяйство Казахстана. – 1941. – №1. – С. 69-72.
20. Таиров А.Д. Климат и становление номадизма в урало-казахстанских степях // Экология древних и современных обществ: Доклады конф. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 174-176.
21. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Т. III. – Вып. 2. – С. 85-90.
22. Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана: автореф. ... докт. ист. наук. – М., 2003. – 52 с.
23. Черников С.С. Древнее горное дело в районе г. Степняк (по материалам обследования 1938 г.) // Известия АН КазССР. Сер. археолог. – 1948. – Вып. 1. – С. 13-32.
24. Черников С.С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана // Советская археология – 1951. – Т. XV. – С. 78-91.
25. Черников С.С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // Краткие сообщения института этнографии. – 1957. – XXVI. – С. 58-63.
26. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии. – Л., 1960. – №88. – 272 с.

ТҮЙІН

Ганиева А.С. К.А. Ақышевтың Орталық Қазақстанның қола дәуірінің ескерткіштерін зерттеу

Мақала авторы атақты археолог К.А. Ақышевтың Орталық Қазақстанның қола дәуірінің ескерткіштерін зерттеуге арналған. 1950 жылдардың басында, осы материалдарды алғашқы қорыту сатысында К.А. Ақышевтың үлесі, Орталық Қазақстанның қола дәуірінің материалдарын Еуразия археологиясының жалпы құрылымында жүйелендіріліп, қосқаны. Және де, осы материалдарды жинақтау кезеңнің алғашқы қадамында Андронов археологиялық мәдениетін зерделеу үрдісінен асып түсетін қорытындылар жасалғаны көрсетілген.

Кілт сөздер: қола дәуірі, андронов мәдениеті, Орталық Қазақстан, кезеңдеу.

АННОТАЦИЯ

Ганиева А.С. Исследование К.А. Акишевым памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана

В статье автором проведен анализ работ известного археолога К.А. Акишева по изучению памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана. В начале 1950-х гг., на этапе первого обобщения этих материалов заслуга К.А. Акишева была в том, что материал эпохи бронзы Центрального Казахстана был систематизирован и вписан в общую канву археологии Евразии. И в том, что уже на первом этапе

А.С. Ганиева

осмысления накопленных источников были сделаны выводы, во многом опередившие ход изучения андроновской археологической культуры.

Ключевые слова: эпоха бронзы, андроновская культура, Центральный Казахстан, периодизация.

ABSTRACT

Ganieva A.S. K.A. Akishev researchs of monuments of the bronze age of Central Kazakhstan

In the article the author analyzed the works of the famous archaeologist K.A. Akisheva about the study of monuments of the bronze age of Central Kazakhstan. In the early 1950s, at the stage of the first generalization of these materials, the merit of K.A. Akisheva was that the material of the bronze age of Central Kazakhstan was systematized and inscribed in the general outline of the archeology of Eurasia. And already at the first stage of comprehension of the accumulated sources there were conclusions that largely outstripped the course of the study of the Andronov archaeological culture.

Key words: Bronze Age, andronov culture, the Central Kazakhstan, periodization.

Татауров Сергей Филиппович
Кандидат исторических наук
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
Омск, Российская федерация

УДК 902

РАСКОПКИ В.И. МАТЮЩЕНКО В ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1987 ГОДУ

В богатой археологической жизни В.И. Матющенко раскопки на восточном берегу Бухтарминского водохранилища в Казахстане в августе 1987 года на первый взгляд выглядят небольшим эпизодом. Вот только выбранное место раскопок показывает, что эта рекогносцировка была подготовлена и проведена очень точно и очень тщательно. Он несколько раз побывал в Усть-Каменогорске и познакомился с коллекциями музея, основательно изучил литературу по этому краю и только после этого выехал на раскопки. В.И. Матющенко всю свою жизнь изучал эпоху бронзы Западной Сибири и неоднократно обращался к материалам Казахстана, так как справедливо считал, что многие вопросы формирования западносибирских археологических культур необходимо искать на южных сопредельных территориях.

Поэтому совершенно неудивительно, что, несмотря на результат раскопок, этих работ оказалось достаточно, чтобы Владимир Иванович включил эти памятники в свою, наверное, самую главную и значимую в жизни монографию «Древняя история Сибири», вышедшую в 1999-м году. Цитата из

этого издания показывает, какое место в исторических процессах Сибири ученый отводил Восточному Казахстану: «Алтай известен рядом выдающихся памятников скифо-сарматского и гуннского времени. Назовем некоторые из таких памятников... Писаницы (петроглифы): Кула-Журга, Большие скалы, долина р. Чуи, Юстыда, Катунь и многие другие» [2, с. 149].

Работы были проведены в августе 1987 г. Местом раскопок стало урочище Кула-Журга на восточном берегу Бухтарминского водохранилища на 58 км от Большого Нарыма по тракту Большой Нарым-Курчум. На берегу ручья В.И. Матющенко (рис. 1-1) и поставил свой лагерь (рис. 1-7).

Памятники в урочище Кула-Журга впервые были выявлены Восточно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством Сергея Сергеевича Черникова. В 50-е годы 20-го века им были проведены раскопки курганов в окрестностях сел Кула-Журга, Славянка, Юпитер, Кызыл-Ту, Пчела, и выделен кулажургинский этап культуры ранних кочевников Восточного Казахстана (ныне Кулажургинская культура). Тогда же обнаружены западнее «заимки аула

Кула-Журга, на гранитных выдувах - наскальные изображения в виде фигур людей, оленей, козлов и других животных» [3, с.144].

Место расположения памятника представляет собою долину между отрогами Нарымского хребта. Ширина долины по линии тракта 600-650 м, а выше, на уровне поля - 400 м. С западной стороны у отрога хребта находится русло пересыхающего ручья. Оно начинается примерно в 800-850 м в широком ущелье южнее долины. С юга долина ограничена скальными выходами, оставляя широкий проход там, где русло ручья. До создания водохранилища территория памятника находилась достаточно высоко от уреза р. Иртыш - у самого подножья скальных выступов и представляла собой серию вытянутых вдоль гор возвышенностей (всего было зафиксировано 12), между которыми располагались грунтовые захоронения в виде кольцевых каменных выкладок со стелами (рис. 1-3). Как предполагал В.И. Матющенко – это был один из найденных Восточно-Казахстанской археологической экспедицией курганных могильников.

В качестве объекта исследования были выбраны две близко стоящие насыпи 9 и 10. Как оказалось, за насыпи кургана были приняты остатки построек одной из первых сельскохозяйственных коммун в Казахстане, которая работала здесь в конце 20-х – начале 30-х годов XX века. Поэтому в верхних слоях насыпей были обнаружены металлические детали от сельхозтехники, обувь и предметы быта этого вре-

мени. Но ниже пошли дерновые стены и, наконец, каменные выкладки, которые оказались вымощенными полами этих сооружений. На уровне пола был получен инвентарь и керамика, которые свидетельствовали о том, что это поселение земледельцев примерно первой половины I тыс. н.э. – различные терочники, каменные мотыжки, пряслица и т.д.

Так, вместо памятника бронзового века было исследовано средневековое поселение, Владимир Иванович обратил свое внимание на грунтовый могильник и раскопал одну из кольцевых могил с небольшой стелой и получил искомые андроновские материалы, курганный могильник бронзового века был где-то рядом, но не в этой долине. Времени на продолжение раскопок уже не было.

По результатам раскопок В.И. Матющенко написал заключение: исследованный памятник сложен в интерпретации. Нам известны аналогичные памятники. Предлагаю вниманию читателя свое понимание раскопанного комплекса.

Характер памятника. Скорее всего, данный комплекс представляет собою остатки жилого сооружения, как составная часть большого поселенческого комплекса, разместившегося в урочище. Основанием для такого заключения служат следующие наблюдения:

а) возведенные вертикальные каменные выкладки, которые можно интерпретировать как остатки стен;

б) горизонтальные выкладки галечника, которые, скорее всего,

можно воспринимать как вымостку пола, что совершенно необходимо в условиях, когда подстилающим горизонтом является сыпучий крупнозернистый песок; без такой галечниковой вымостки пол в жилище невозможен.

Время памятника не может быть определено достоверно. Наличие однородной керамики в разных горизонтах культурного слоя дает основание считать этот комплекс в целом принадлежащим одному сравнительно недолговременному отрезку времени. По нашему мнению это время можно определить в пределах первой половины I-го тысячелетия нашей эры. Не противоречит этому и другой материал, происходящий из памятника.

В качестве компенсации, в ходе осмотра горных склонов мы нашли кула-жургинские петроглифы, открытые известным специалистом по наскальным рисункам Казахстана, одной из открывателей петроглифов Тамгалы Анной Григорьевной Максимовой (рис.1-2) [1]. Была проведена подробная фотофиксация, сделаны прорисовки и описания рисунков (рис. 1-2,4-6). Зафиксированные нами композиции оказались разновременными, очень богатыми по своим композициям, поэтому, В.И. Матющенко и вставил их в свое пособие.

Экспедиция, несмотря на то, что перед этим был насыщенный полевой сезон в Сибири, прошла очень хорошо. Я позволю привести небольшой фрагмент одной из участниц экспедиции, сотрудника

Усть-Каменогорского краеведческого музея Г.И. Суворовой:

«Кулажургинский» этап в жизни Владимира Ивановича Матющенко. Имя Владимира Ивановича Матющенко навсегда останется связанным с западносибирской археологией. Но в зоне его научных интересов были и другие регионы страны, в том числе и Восточный Казахстан. В 80-х годах 20-го века, Владимир Иванович неоднократно бывал в Усть-Каменогорске. Им был прочитан курс лекций по археологии Сибири в Усть-Каменогорском педагогическом институте, налажены связи с областным историко-краеведческим музеем, в 1987 году организована совместная археологическая экспедиция и проведены раскопки в урочище Кула-Журга Большенарымского района Восточно-Казахстанской области.

В 1985-86 годах, в целях паспортизации археологических памятников, начала свою работу АЭ ВКОМ. В 58 км от с. Большенарымское, по трассе на Курчум, в долине между отрогами Нарымского хребта, был обнаружен ряд объектов с земляными насыпями, принятыми нами за курганы.

Местонахождение объектов получило название Кула-Журга совершенно спонтанно, честно говоря, по неопытности и незнанию автора. Но случилось так, что оно заинтересовало Владимира Ивановича и, в 1987 году, в один из знойных августовских вечеров, после долгой и утомительной поездки по совершенно разбитой горной дороге, здесь высадился отряд архео-

логов из студентов - омичей и усть-каменогорцев.

Экспедиция началась. Мы устроились основательно, разбив лагерь под сенью березовой рощи у подножия скальных выходов, на самом берегу великолепного ручья. Поужинали при свете последних лучей обезумевшего от зноя солнца и в изнеможении расползлись по палаткам. Ночь пролетела как один миг, на исходе которой страшный рев оглушил долину. Это стадо коров с соседней фермы пришло на водопой. Стало ясно, что выбранный нами райский уголок придется делить с другими обитателями. Мы склонились к позиции мирного сосуществования со всем окружающим и старались четко придерживаться этого принципа и с заползающими в хозяйственную палатку змеями, и с осами, слепившими гнездо в камералке, и, даже, спокойно воспринимали вой волков, спускавшихся, ближе к осени, с гор. Вот только бык Яшка плачевно закончил свой земной путь на бойне, после того как распустил на ленточки одну из палаток и в очередной раз буквально вспахал наш раскоп. А раскоп был полон сюрпризов: то железный топор, то звено от тракторной гусеницы, то не весть кем забытый кирзовый сапог обнажался в ходе зачистки верхнего слоя! «Чудны дела твои, господи!» - каждый раз восклицал Владимир Иванович после очередной находки. А что еще оставалось? Курганом кулажургинской культуры даже не пахло, а ведь именно за этим вез он студентов в такую даль.

Мне было ужасно стыдно за свою некомпетентность в вопросах определения памятников, а тут еще и студенты окрестили наше мероприятие «пропащей экспедицией». Но свежий горный воздух, буйство зелени и красок, бодрящая вода Бухтарминского моря, где мы просиживали свободные полуденные часы, поскольку работали по «знойному» графику, а главное, бесшабашная, еще не омраченная будущими потрясениями молодость, делали свое дело. Все дальше от лагеря разбредались по вечерам романтические парочки, оставляя Владимира Ивановича наедине с документацией, а меня – с двумя семилетними археоложатами - дочерью и племянницей. И уж не помню, кто из студентов, запыхавшись от бега, сообщил сногсшибающую весть: «найлены рисунки на скалах!». «Чудны дела твои, господи!» - восклицал беспрерывно Владимир Иванович, стоя у подножия древней художественной галереи и любясь изящной головкой «скифского», того самого, еще Черниковского оленя! Все-таки это была, пусть частично, но сохранившаяся Кула-Журга! Не унесли ее бурные воды Бухтармы, не осквернили безжалостные люди!

Теперь мы работали буквально на износ, пытаюсь быстрее добраться до кулажургинского слоя памятника. Такой темп выдержали не все, раньше времени вернулся в Питер физик-романтик, которого мы искренне считали, с высоты своей молодости конечно, человеком «пожилым и слабым».

Владимиру Ивановичу тоже приходилось несколько раз уезжать в Омск, откуда он возвращался несколько удрученным – там были какие-то проблемы.

Как мы ни старались, но до кулажургинского слоя так и, не дошли. Вместо этого пошли каменные выкладки стен, фрагменты керамики, орудия для земледелия, то есть, чисто поселенческий материал. Естественно, все были разочарованы результатами, да и лето, знойный и безумный в тот год август, сменились проливными дождями.

Разочарование от результатов работы сквозит в каждой строчке отчета, написанного Владимиром Ивановичем Матющенко. Он без энтузиазма датирует памятник серединой I-го тыс. н.э. И пишет, что такие памятники известны. Но где?

Теперь, по прошествии более чем двадцати лет, могу констатировать, что на территории Восточного Казахстана ни до, ни после той экспедиции, раннесредневековые поселения ни только не исследовались, они просто не известны казахстанской археологии до сих пор. Пока это единственное раннесредневековое поселение, исследованное на территории нашей области. Остается надеяться, что не последнее.

Хотелось бы рассказать о дальнейшей судьбе памятника. В 2004 году, в рамках подготовки к изданию «Свода археологических памятников Восточного Казахстана», мы вновь побывали там. От земляных насыпей сохранились едва просматриваемые белесые пятна

и лишь громадных размеров железная тренога, установленная на месте «кухни», напоминала о той экспедиции. А в 2005 году разыгрался пожар. Выгорела роща, не выдержала и древняя галерея. Что не смогла сделать вода, довершил огонь и люди. Сотрудники музея, побывавшие там, говорят, что камни с рисунками превратились щебень. Хорошо, что я не поехала. Слишком больно стоять на руинах прошлого.

Послесловие...

Раскопки В.И. Матющенко были эпизодом в его научной деятельности, но не эпизодом в его связях с Казахстаном – он был очень дружен со своими казахстанскими коллегами, неоднократно принимал участие в проводимых ими научных конференциях, обменивался своими монографиями.

В архиве Владимира Ивановича Матющенко хранится письмо ему от одного из основателей казахстанской археологии Кемаля Акишевича Акишева. В этом письме выражена мысль о единстве российских и казахстанских ученых, о том, что наш союз выдержит все временные испытания. И мы в это верим!

Дорогой Владимир Иванович!

Благодарю Вас за присланные, очень нужные книги (старая гвардия не сдаётся!!) и за милые моему сердцу слова о том, что наперекор временному времени мы будем вместе. Да будет так! Россия и Казахстан – одна евразийская кровь, как поется в известной песне «если радость на всех одна, то и беда

С.Ф. Татауров

она». Я и Марал послали тезисы на конференцию «Грязновские чтения», наш приезд в Омск, как сами понимаете, по возможности, вам

*Искренне Ваш.
К. Акишев*

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата: Онер, 1985. – 143 с. ил. 24.
2. Матющенко В.И. Древняя история Сибири: Учеб. Пос. - Омск: Омск. Гос. Ун-т, 1999. – 232 с.
3. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. - № 88. - М.: АН СССР, 1960. – 285 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Отчет о работах по исследованию археологического комплекса в урочище Кула-Журга в Большенарымском районе Восточно-Казахстанской области Казахской ССР, проведенных совместно кафедрой всеобщей истории Омского государственного университета и Восточно-Казахстанского краеведческого музея в августе 1987 года. ВКОМ, КПО 63 -26178.

ТҮЙІН

Татауров С.Ф. В.И. Матющенконың 1987 жылғы Шығыс-Қазақстан облысындағы қазбалары.

Мақала Матющенко Владимир Ивановичке және оның 1987 жылғы Шығыс Қазақстан облысы Бұқтырма су қоймасының шығыс жағалауындағы Құла-Жорға қойнауында жүргізген қазбаларына арналады. Бұл экспедиция Омбы мемлекеттік университетімен және Шығыс Қазақстан өлкетану музейімен (Өскемен) ұйымдастырылды. Орта ғасырлық қоныс, андронов дәуірінің қорымы мен петроглифтер зерттелді.

Кілт сөздер: археология, Шығыс Қазақстан, В.И. Матющенко, қола дәуірі, петроглифтер

АННОТАЦИЯ

Татауров С.Ф. Раскопки В.И. Матющенко в Восточно-Казахстанской области в 1987 году.

Статья посвящена Владимиру Ивановичу Матющенко и его раскопкам в урочище Кула-Журга в Восточно-Казахстанской области на восточном берегу Бухтарминского водохранилища в урочище Кула-Журга в 1987 году. Эта экспедиция была организована Омской государственной университетом и Восточно-Казахстанским краеведческим музеем (Усть-Каменогорск). Было исследовано поселение эпохи средневековья, могильник андроновского времени и петроглифы.

Материалы Международной научно-практической конференции 28 сентября 2017 г.

Ключевые слова: археология, Восточный Казахстан, В.И. Матющенко, бронзовый век, петроглифы

ABSTRACT

Tataurov S.F. V.I. Matyushchenko's excavation in the East Kazakhstan region in 1987 year.

Article is devoted to Vladimir Ivanovich Matyushchenko and his excavation in the natural boundary Coolah-Zhurga in the East Kazakhstan region on east coast of the Bukhtarminsky reservoir in the natural boundary Coolah-Zhurga in 1987 year. This expedition was organized by the Omsk State University and the East Kazakhstan Local History Museum (Ust-Kamenogorsk). The settlement of an era of the Middle Ages, the burial ground of andronovsky time and petroglyphs have been explored.

Keywords: archaeology, the East Kazakhstan, V.I. Matyushchenko, Bronze Age, petroglyphs

Рис. 1. Экспедиция В.И. Матющенко в Восточно-Казахстанской области в 1987 г.

- 1- В.И. Матющенко, 1987 г.;
- 2 - А.Г. Максимова, открыла Кула-Жургинские петроглифы;
- 3 – стела надпогребальном комплексе;
- 4 – петроглифы Кула-Журги;
- 5 – петроглифы Кула-Журги;
- 6 – петроглифы Кула-Журги;
- 7 – лагерь В.И. Матющенко в урочище Кула-Журга, 1987 г.

Варфоломеев Виктор Васильевич
кандидат исторических наук
Карагандинский государственный университет
Караганда, Республика Казахстан
Ломан Валерий Григорьевич
кандидат исторических наук
Карагандинский государственный университет
Караганда, Республика Казахстан

УДК 902/908

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ МОГИЛЬНИКА БАДА*

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан 0286/ГФ4 «Археологическое и антропологическое исследование раннебегазинского могильника Бада»

Могильник Бада находится в 3,3 км к ВЮВ от аула Байбала Талдинского сельского округа Шетского района Карагандинской области. Географические координаты памятника: N49 05'51,44" E74 04'43, 21". Он расположен на надпойменной террасе левого берега р. Талды, правого притока р. Шерубай-Нура, у границы двух сельских округов – Талдинского и Акшокинского. Через площадку памятника проходит грейдер из с. Талды в с. Акшоки. С юга долина Бада, ограничена отрогами горного массива Котыр-Кызылтау. На площадке памятника зафиксировано 27 погребальных сооружений. Все сооружения, за исключением оград 4 и 21 – земляные курганы округлой,

редко овальной формы, с оградями из плит гранита.

В результате полевых работ были исследованы каменные ограды с погребениями по способу ингумации и способу кремации. Погребения сопровождалась керамикой федоровского облика. Кроме того, во рвах, окружавших самую большую ограду, были найдены многочисленные фрагменты керамики раннего железного века.

Технико-технологический анализ керамики могильника Бада был проведен по методике А.А. Бобринского [2], с использованием микроскопа МБС-10. Программа исследований включала анализ исходного сырья (глин), состава формовочных масс, способов конструирования сосудов и обработки их поверхности. Технико-технологическому изучению подвергаются обычно лишь те обломки, которые имеют достаточную площадь, так как анализ проводится по свежим изломам, причем часть фрагмента дополнительно нагревается в муфельной печи при температуре 850°С–900°С. Помимо особенно-

стей исходного сырья, определялись качественный состав искусственных минеральных примесей и размерность их включений, в соответствии с принятой шкалой: мелкие – 0,5-0,9 мм; средние – 1-1,9 мм; крупные – более 2 мм [2]. По методике А.А. Бобринского в коллекции керамики могильника Бада было изучено 6 сосудов федоровской культуры и 3 сосуда раннего железного века.

Керамика федоровской культуры:

Сосуд 1 (сооружение 1, ящик) (рис. 1, -1).

Исходное сырье – среднежелезненная среднепластичная глина. Формовочная масса – некалиброванная средняя дресва в концентрации 1:3 + навоз в малой концентрации. Полое тело – лоскутно-комковатое. Начин – емкостный. Обработка поверхности – лощение по влажной основе.

Сосуд 2 (сооружение 1, ящик) (рис. 1, - 2).

Исходное сырье – среднежелезненная высокопластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка. Формовочная масса – слабокатанный средний песок в концентрации 1:5 + навоз в большой концентрации. Полое тело – лоскутно-комковатое, из двух слоев лоскутов. Начин – емкостный. Обработка поверхности – лощение по влажной основе поверх заглаживания пучком травы.

Сосуд 3 (раскоп 1, пристройка 1) (рис. 1, - 4).

Исходное сырье – слабожелезненная высокопластичная глина. Формовочная масса – некалибро-

ванная средняя дресва в концентрации 1:4 + навоз в малой концентрации. Полое тело – лоскутно-комковатое. Начин – емкостный. Обработка поверхности – лощение по влажной основе.

Сосуд 4 (раскоп 1, пристройка 1) (рис. 1, - 3).

Исходное сырье – слабожелезненная высокопластичная глина. Формовочная масса – некалиброванная крупная дресва в концентрации 1:4 + навоз в малой концентрации.

Сосуд 5 (раскоп 1, пристройка 1) (рис. 1, - 6).

Исходное сырье – слабожелезненная высокопластичная глина. Формовочная масса – некалиброванная крупная дресва в концентрации 1:3 + навоз в малой концентрации. Полое тело – лоскутно-комковатое, из двух слоев лоскутов. Начин – емкостный. Обработка поверхности – лощение по влажной основе.

Сосуд 6 (раскоп 1, пристройка 2) (рис. 1, - 5).

Исходное сырье – среднежелезненная среднепластичная глина. Формовочная масса – некалиброванная средняя дресва в концентрации 1:5 + навоз в малой концентрации. Полое тело – лоскутно-комковатое. Обработка поверхности – заглаживание травой.

Общие результаты по федоровским материалам памятника

Выделено 2 вида исходного сырья:

- 1) слабожелезненная глина – 50%,
- 2) среднежелезненная глина – 50%.

По особенностям концентрации естественного мелкого песка слабожелезненные глины относятся к высокопластичным, среднежелезненные — к среднепластичным (2 экз.) и высокопластичным (1 экз.).

Формовочные массы. Добавлялись следующие виды примесей: органические — навоз травоядных животных (присутствует во всех рецептах); минеральные — дресва и песок.

Зафиксировано два рецепта формовочных масс:

1) глина + дресва + навоз в малой концентрации — 83,3%,

2) глина + песок + навоз в большой концентрации — 16,7%.

При выявлении связи размерности дресвы с ее концентрацией было установлено, что дресва применялась некалиброванная, в черепке присутствуют частицы всех видов размерности, при этом преобладали среднеразмерные частицы (60%), в концентрациях 1:3, 1:4 и 1:5. Песок добавлялся средний, в концентрации 1:5.

Конструирование начинов. Наблюдалась одна программа конструирования начинов, характерная для федоровской культуры — емкостная. Она относится к группе составных, подгруппе лоскутных, виду лоскутно-комковатых. По модельным особенностям емкостные начини являлись неполными одноэлементными.

Конструирование полого тела. Выделены способы конструирования, относящиеся к классу ручных,

группе составных, подгруппе лоскутных, виду лоскутно-комковатых, принадлежащих к подвидам однослойных (3 экз.) и двухслойных (2 экз.). Один из образцов имел слишком малую площадь для определения способа изготовления полого тела.

Формообразование. Сосуды могильника делались в формах-емкостях, причем начини после изготовления ставили на твердую поверхность и изнутри в них вмазывалось лоскутное дно, затем на внешнюю сторону этого слоя лоскутов намазывался еще один, в результате этого дно приобретало двухслойную структуру.

Обработка поверхности. Удалось зафиксировать заглаживание травой — способ, принадлежащий к безгрунтовочному направлению, классу «заглаживание», группе «бороздчатое», а также лощение.

Один из сосудов (сооружение 1, ящик) (рис. 1, - 2) выделяется из общей серии могильника по исходному сырью (высокопластичная среднежелезненная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка) и рецептуре формовочной массы (слабоокатанный кварцевый песок средней размерности в концентрации 1:5 + навоз в большой концентрации). По-видимому, данный экземпляр происходит из другой общины.

Из керамики раннего железного века изучено два фрагментированных сосуда и придонная часть от третьего сосуда.

Сосуд 1, из ямы 1 (рис. 2, - 2).

Исходное сырье — среднежелезненная запесоченная глина; ре-

цептура формовочной массы – глина + кварцевый песок средней размерности в концентрации 1:5 + навоз жвачных животных; полое тело изготовлено спирально-жгутовым налепом; начин – донно-емкостный. Сосуд был изготовлен внутри кожаной формы-емкости.

Сосуд 2, из ямы 1 (рис. 2, - 1).

Исходное сырье – среднежелезненная среднепластичная глина; рецептура формовочной массы – глина + дресва средней размерности в концентрации 1:2 + навоз жвачных животных; полое тело – изготовлено лоскутно-комковатым налепом; Способ конструирования начина не определен, так как отсутствует придонная часть сосуда.

Сосуд 3, из ямы 4 (рис. 2, - 3).

От сосуда сохранилась только придонная часть на небольшую высоту, поэтому способ конструирования полого тела не определен. Исходное сырье — среднежелезненная среднепластичная глина;

Формовочная масса – глина + слабоокатанный песок крупной размерности в концентрации 1:2 + навоз жвачных животных;

Начин – донно-емкостный, изготовлен из глиняных жгутов, по спиральной траектории.

Технология изготовления изученных сосудов целиком совпадает с гончарными традициями, выявленными по материалам поселений раннего железного века Карагандинской области [1, с. 241-245], что говорит об их местном происхождении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. –264 с.
2. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – Москва: Наука, 1978. – 272 с.

ТҮЙІН

Варфоломеев В.В., Ломан В.Г. Бада қорымының керамикасын техникалық-технологиялық талдау

Авторлар Қарағанды облысы Шет ауданы Талды ауылдық округінің Байбала ауылынан ШОШ бағытында 3,3 шақырымда орналасқан Бада қорымының техникалық-технологиялық талдау нәтижелерін ғылыми айналымға енгізеді. Техникалық-технологиялық талдау МБС-10 микроскопын пайдалану арқылы А.А. Бобринский әдісімен жүргізілді. Зерттеу бағдарламасына бастапқы шикізатты (топырақты), қалыптық массалардың құрамын талдау, ыдыстарды құрастыру және олардың бетін өңдеу әдістері кірді. Бада қорымының керамикалық коллекциясында 6 федоров мәдениетінің және 3 ерте темір дәуірінің ыдыстары зерттелді.

Кілт сөздер: қола дәуірі, ерте темір дәуірі, қоры, керамика, техника, технология, талдау

АННОТАЦИЯ

Варфоломеев В.В., Ломан В.Г. Техничко-технологический анализ керамики могильника Бада.

Авторы вводят в научный оборот результаты технико-технологического анализа керамики могильника Бада, находящегося в 3,3 км к ВЮВ от аула БайбалаТалдинского сельского округа Шетского района Карагандинской области. Техничко-технологический анализ керамики был проведен по методике А.А. Бобринского, с использованием микроскопа МБС-10. Программа исследований включала анализ исходного сырья (глин), состав формовочных масс, способы конструирования сосудов и обработки их поверхности. В коллекции керамики могильника Бада было изучено 6 сосудов федоровской культуры и 3 сосуда раннего железного века.

Ключевые слова: бронзовый век, ранний железный век, могильник, керамика, техника, технология, анализ

ABSTRACT

Varfolomeev, V. V., Loman V. G. Technological analysis of the ceramics of the burial ground Bada.

The authors introduce into scientific circulation the results of the technological analysis of the ceramics of the burial ground Bada, located 3.3 miles ESE from the village Baybala Taldinskaya rural district of Shet district of Karaganda region. Technological analysis of ceramics was carried out according to the method of A. A. Bobrinsky, using a microscope MBS-10. The research program included the analysis of raw material (clay), composition of the molding compositions, methods of construction of vessels and processing apowersoft. In the collection of burial pottery Bada was studied 6 of the Fedorov culture vessel and 3 vessel of the early iron age.

Key words: bronze age, early iron age, burial, ceramics, engineering, technology, analysis.

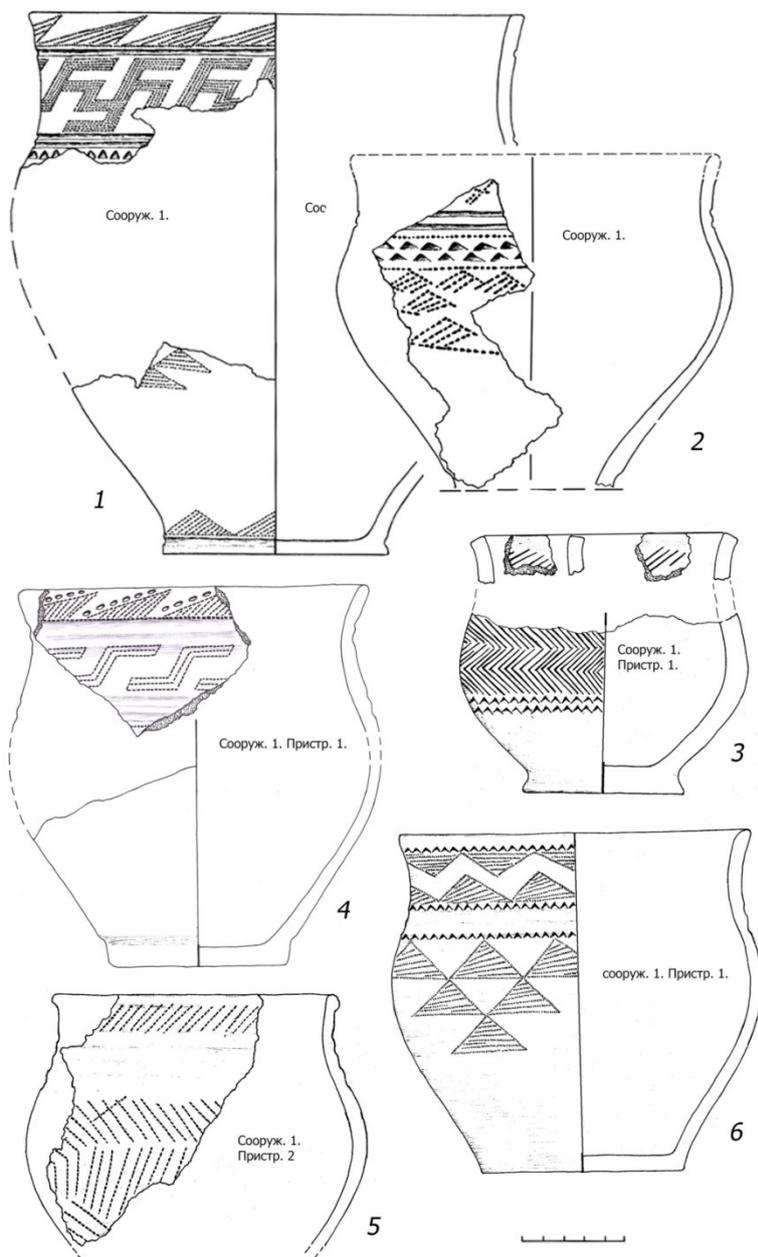

Рис. 1. Сосуды Федоровской археологической культуры

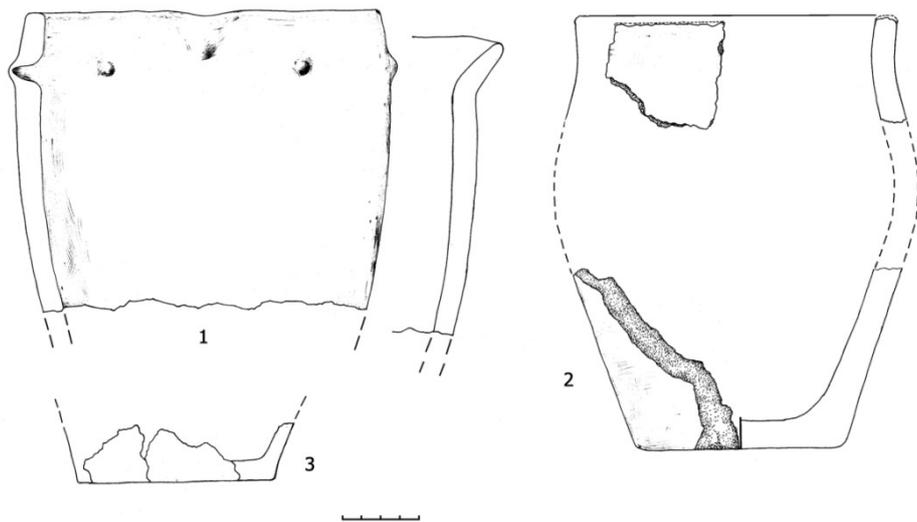

Рис. 2. Сосуды раннего железного века

*Солодовников Константин Николаевич
кандидат исторических наук
ТНЦ СО РАН
г. Тюмень, Россия*

УДК 572, 902

МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ, ПОЗДНЕЙ И ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА*

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан 0286/ГФ4 «Археологическое и антропологическое исследование раннебегазинского могильника Бада»

История антропологического изучения Центрального Казахстана эпохи бронзы связана с именами таких исследователей, как Г.Ф. Дебец, В.В. Гинзбург, В.П. Алексеев и О. Исмагулов. Результаты их исследований позволили заключить, что население бронзового века относилось в среднем к своеобразному андроновскому варианту проевропейского антропологического типа, широко распространенного по степной полосе Евразии в древности. Формирование андроновского варианта, по мнению этих исследователей, связано с территорией Казахстана [1; 6; 7; 9; 11; 13; 14]. Прослеживалось и некоторое морфологическое разнообразие черепов эпохи бронзы Центрального Казахстана [6; 13] в пределах европеоидной расы.

Томским антропологом В.А. Дремовым были выявлены антропологические различия федоров-

ского и алакульского населения на территории Центрального Казахстана, и принадлежность алакульского – к другому варианту древних европеоидов, с более лептоморфным строением по сравнению с андроновским типологическим вариантом [12]. Значительные по численности краниологические материалы эпохи бронзы и раннего железного века с территории Казахстана (в том числе Центрального) были исследованы Ж. Сармиенто Бендесу с соавторами [20]. На новых материалах были подтверждены выводы советских ученых об антропологической преемственности населения бронзового и раннего железного веков Казахстана. Однако проведенное исследование существенно обесценивается отсутствием определений половой принадлежности многих черепов взрослых индивидов, а также отсутствием некоторых важных признаков, используемых, в частности, для разделения европеоидов и монголоидов (угол выступания носа к линии общего лицевого профиля, размеры переносья и носовых костей в месте наибольшего сужения) [20, Annexes II, III].

Сравнительно недавно опубликованы результаты исследования краниологических материалов эпохи бронзы из раскопок карагандинских археологов 1970-80-х гг., хранящихся в кабинете антропологии Томского госуниверситета. В соответствии с современным состоянием интерпретации археологических источников, все имеющиеся краниологические находки, включая изученные в советское время другими исследователями, были распределены в четыре краниологические серии: петровской, алакульской, федоровской и саргаринско-алексеевской культур [18]. Изучение этих материалов методами многомерной статистики позволило прийти к следующим выводам:

1. Обнаруживается расово-генетическая преемственность и европеоидная принадлежность населения Казахстана в эпоху бронзы.

2. Выявляется исходно западное (южно-уральское или восточно-европейское) происхождение населения большинства культурных образований эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана.

3. Подтверждается реальность антропологических различий населения алакульской и федоровской культур Казахстана, и отсутствие антропологической связи носителей этих культурных комплексов по принципу «предок – потомок». Однако имеющиеся краниологические материалы дают возможность предполагать их смешение на территории Центрального Казахстана.

4. Имеющиеся материалы свидетельствуют о ведущей роли миграционных процессов в появлении федоровской культуры на территории Центрального и Северного Казахстана. Поскольку в настоящее время отсутствуют антропологические серии раннебронзового времени Северного, Центрального и Восточного Казахстана, говорить об этих регионах как о месте формирования характеризующего федоровцев андроновского варианта протоевропейского типа преждевременно.

5. Формирование населения поздней бронзы Казахстана происходило не на федоровской, а, по-видимому, главным образом на алакульской основе, при возможном новом притоке западных групп.

Также исследованы два черепа из погребений донгальского типа финальной бронзы Центрального Казахстана, предварительные результаты изучения которых опубликованы [3]. По своему морфологическому строению они являются европеоидными, и сходны с черепами местного, в широком смысле, населения предшествующего времени.

По-прежнему остается актуальным вопрос выявления прародины андроновских (федоровских) племен, в отношении которой наиболее аргументированно предполагается территория Казахстана, но фактических данных для подтверждения этой гипотезы на антропологических материалах недостаточно [15]. Также остается во многом невыясненным происхож-

дение населения эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана, в частности, антропологический облик носителей слагающих его различных культурных групп древнего населения. Изучение антропологических материалов предсакского времени может способствовать выяснению происхождения населения следующего важнейшего этапа историко-культурной периодизации – эпохи ранних кочевников, и в частности, роли и масштаба миграционных процессов в формировании населения сакского времени на территории Казахстана. Поэтому накопление и ввод в научный оборот палеоантропологических материалов эпохи бронзы с территории Центрального Казахстана остается насущной задачей современной науки.

Автором исследованы антропологические останки из погребений бронзового века в Карагандинской области из раскопок археологической экспедиции КарГУ под руководством В.В. Варфоломеева могильников Бада и Танкара у аула Байбала Шетского района, и Коржар у с. Акбастау Абайского района. Приводим имеющиеся половозрастные определения.

Могильник Бада:

Сооружение 1 (выкид из погребения, верхний скелет). Федоровская культура (?). Фрагменты посткраниального скелета и черепа. Женщина возмужалого возраста (20-35 лет).

Сооружение 1 (погребение в ящике). Федоровская культура. Фрагменты посткраниального скелета и черепа. Мужчина 30-40 лет.

Сооружение 3, погр. 2. Федоровская культура. Фрагменты посткраниального скелета и черепа. Женщина зрелого возраста (35-55 лет).

Могильник Танкара:

Сооружение 1. Бегазы-Дандыбаевская культура. Фрагменты посткраниального скелета, зубы. Взрослый человек возмужалого возраста (20-35 лет).

Сооружение 2. Федоровская культура. Фрагменты посткраниального скелета и черепа. Мужчина 30-40 лет.

Могильник Коржар:

Сооружение 1, могила 1. Федоровская культура. Кости посткраниального скелета. Женщина 20-30 лет.

Сооружение 1, могила 2. Федоровская культура. Фрагменты посткраниальных скелетов и черепов: 1) женщина 20-30 лет; 2) ребенок 8-9 лет.

Сооружение 1, могила 3. Федоровская культура. Фрагменты посткраниального скелета и черепа. Ребенок 7-9 лет.

Сооружение 1, могила 4. Федоровская культура. Фрагменты посткраниального скелета и черепа. Ребенок 7-8 лет.

Сооружение 1, могила 5. Федоровская культура. Фрагменты посткраниального скелета, зубы. Ребенок 5-6 лет.

Сооружение 1, могила 6. Федоровская культура. Фрагменты посткраниального скелета и черепа. Новорожденный ребенок в возрасте до 1 года.

Сооружение 1, могила 7. Федоровская культура. Фрагменты

посткраниального скелета. Новорожденный ребенок в возрасте до 6 месяцев.

Сооружение 2. Бегазы-Дандыбаевская культура. Фрагменты посткраниального скелета, череп. Ребенок 10-12 лет.

Сооружение 8, могила 1. Федоровская культура. Кости посткраниального скелета. Мужчина 20-30 лет.

Сооружение 8, могила 2. Федоровская культура. Кости посткраниального скелета, зубы. Ребенок 10-12 лет. Здесь же диафизы бедренных и больших берцовых костей ребенка до 2-х лет.

Сооружение 8, могила 3. Федоровская культура. Фрагменты черепа. Новорожденный ребенок в возрасте до 1 года.

Сооружение 9. Бегазы-Дандыбаевская культура (?). Фрагменты посткраниального скелета. Субъект юношеского возраста 15-16 лет.

Сооружение 10. Федоровская культура (?). Кости посткраниального скелета и фрагменты черепа. Женщина возмужалого возраста (20-35 лет). Из измерительных признаков: наименьшая ширина ветви нижней челюсти (71a) – 35,8^{мм}; высота тела нижней челюсти (69(1)) – 32,8^{мм}; толщина тела нижней челюсти (69(3)) – 11,2^{мм}.

Сооружение 11. Федоровская культура. Кремированные кости. Из определимых – фрагменты свода черепа, позвонки. Ребенок в возрасте от 5 до 12 лет.

Сооружение 12. Бегазы-Дандыбаевская культура. Кости посткраниального скелета и череп. Женщина 25-30 лет.

Сооружение 13, могила 2. Бегазы-Дандыбаевская культура.

1) Кости посткраниального скелета и череп. Женщина 25-30 лет;
2) Фрагменты посткраниального скелета и черепа. Новорожденный ребенок в возрасте до 1 года.

Судя по фрагментам черепа из сооружения 3 федоровской культуры могильника Бада, взрослый индивид женского пола характеризовался средней степенью развития элементов наружного рельефа, длинной и слабовыпуклой лобной костью средней ширины на уровне фронто-темпоральных точек и лобно-скуловых швов. При этом угол поперечного изгиба лба малый, а назо-малярный – средней категории величин (табл. 1). Средняя уплощенность лица на верхнем уровне, а также визуально фиксируемая уплощенность переносья, и, в целом, строение верхнечелюстного отростка лобной кости, производят впечатление некоторого ослабления степени выраженности европеоидных черт. Если не переоценивать возможное существенное влияние индивидуальных черт, да еще на фрагментарном черепе плохой сохранности, это ослабление европеоидных особенностей находится примерно на уровне уралоидного краниологического типа, фиксирующегося на территории лесостепи Волго-Уралья с эпохи камня [19], и присутствующего в качестве компонента у населения различных культурных образований бронзового века Южного Урала [16]. На некоторых фрагментарных материалах алакульской культуры лесостепного Зауралья также фиксиру-

ется уплощенность лица на назомалиарном уровне, как отражение воздействия на пришлое андроновское население местных краниологических комплексов через женскую часть популяции [2]. Также на некоторых женских черепах развитой бронзы, но уже из погребений федоровской культуры лесостепной зоны Северного Казахстана, наблюдается ослабление горизонтальной профилировки лица, несильное выступание и невысокая спинка носа. В сочетании с характерными признаками европеоидного андроновского типа, это было определено В.В. Гинзбургом [8, с. 308] как возможная небольшая примесь монголоидной расы, что на современном уровне накопления и интерпретации палеоантропологических материалов возможно рассматривать именно как влияние «уралоидных» или «западно-сибирских» краниологических комплексов.

Для краниологического изучения после небольшой реставрации пригодны два женских черепа из сооружений 12 и 13 эпохи поздней бронзы могильника Коржар (табл. 1). Их морфологическое сходство позволяет приводить описание краниологических параметров суммарно. Черепа овоидных очертаний, довольно крупные, с несильно развитым наружным рельефом. Продольный диаметр большой, поперечный – малой или средней величины, по поперечно-продольному указателю оба черепа долихокраничные. Высота мозговой капсулы у обоих большая как от базисона, так и от ушных точек. Лобная

кость небольшой длины, неширокая как в месте наибольшего сближения височных линий, так и в коронарной части, резко профилированная в горизонтальном плане, и слабовыпуклая в сагиттальной плоскости. Постановка лобной кости в одном случае вертикальная, в другом наклонная. Затылок широкий, выпуклый, и очень сильно изогнутый. Лицевой отдел неширокий, скуловой диаметр, зафиксированный на черепе из соор. 13, характеризуется малой величиной, верхняя ширина лица в обоих случаях небольшая. Высота лица большая у черепа из соор. 12, более широкого по перечным параметрам, и малая – у более узкого. Ширина орбит на границе средних и больших значений признаков, высота малая или средняя при хамеоконхной пропорции. Горизонтальная профилировка лица в целом резкая, при небольшой уплощенности на уровне орбит у черепа из сооружения 13. В вертикальном плане лицевой отдел ортогнатный у черепа с более крупным лицом, и мезогнатный по общему лицевому углу при выраженном прогнатизме в альвеолярном отделе и по указателю выступания у другого. Альвеолярная дуга длинная и среднеширокая. Переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения абсолютно и относительно высокие. Угол выступания носа к линии общего лицевого профиля большой. Нижние челюсти длинные и среднеширокие от углов, с вертикально поставленными широкими и средневысокими ветвями.

Морфологический облик этих черепов, в целом, выражено европеоидный, и представляет антропологический тип древнего населения евразийских степей, обитавшего на территории Центрального, Северного и Восточного Казахстана, и преобладающий у населения археологических культур алакульской линии развития, включая соответствующие культурные образования эпохи поздней бронзы. Отличия между краниумами из могильника Коржар сводятся, главным образом, к индивидуально несколько большим поперечным размерам мозгового и лицевого отделов черепа из сооружения 12. Менее широкий череп из сооружения 13 отличается, соответственно, более долихо-лептоморфными пропорциями.

Морфологически близкий комплекс признаков фиксируется на краниологических материалах поздней бронзы Казахстана, например, на женских черепах с поселений Кент и Икпень [18, табл. 1]. Но наиболее сходен с черепами из могильника Коржар, по-видимому, мужской краниум из погр. 3, погр. 3 могильника Шоиндыколь в Карагандинской области [18], отличаясь еще более выраженными европеоидными характеристиками в строении лицевого отдела, в частности, очень резкой горизонтальной профилировкой (табл. 2). В этом отношении подобен мужскому черепу из могильника Шоиндыколь женский череп из могильника Ак-Жар близ Актюбинска [10]. Ранее он не рассматривался в качестве относящегося к эпохе поздней бронзы (финальной – по восточно-

европейской системе хронологии и периодизации), и включался в суммарную серию андроновской культуры Западного Казахстана [1]. Судя по хронологической позиции погребения, вероятно его принадлежность к саргаринско-алексеевской культуре.¹ Черепа из могильников Коржар, Шоиндыколь и Ак-Жар, при общей сильно выраженной европеоидности и резкой долихокрании, объединяют малые размеры лицевого отдела.

Насколько выраженная гипоморфность характерна в целом для населения эпохи поздней бронзы Казахстана, в настоящее время сложно оценивать. Так, два черепа эпохи поздней бронзы Кустанайского Притоболья (мужской из могильника Лисаковский I, и женский из погр. 21 Алексеевского могильника, по которому сделана реконструкция «андоновской» женщины [4] отличаются большей гиперморфностью при сходных пропорциях мозгового и лицевого отделов с вышеописанными краниологическими материалами [5; 17]. Поэтому при данном, все еще недостаточном уровне накопления материалов поздней бронзы Казахстана, является преждевременным заключение, связаны ли различия в уровне гиперморфности черепов с типологическими отличиями возможных слагающих компонентов, или перед нами проявления инди-

¹ Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность археологу, к.и.н. В.В. Ткачеву (г. Орск) за ценные консультации и помощь в археологической атрибуции черепов из погребений эпохи бронзы Казахстана и Южного Урала.

видуальной изменчивости. Но в любом случае, общие антропологические особенности – долихокrania и резко выраженные европеоидные особенности (табл. 2), морфологически сближают данные материалы эпохи поздней бронзы Казахстана, и позволяют предполагать существование краниологических особенностей, которые определяют антропологический облик населения эпохи поздней бронзы этой территории. Очевидны отличия этого краниологического типа от андроновского типологического варианта, и сходство с типом алакульского и предшествующего населения Казахстана и Южного Урала [16; 18; 19], и, шире, населения срубно-алакульской общности.

Подробная морфологическая характеристика черепов из погребений могильника Кызыл, относящегося к донгальскому этапу финальной бронзы Центрального Казахстана, дана в предварительной публикации [3]. Здесь следует подчеркнуть сходство мужского и, особенно, женского черепа с краниологическими материалами поздней бронзы Центрального и Западного Казахстана, а также женскими черепами эпохи поздней

бронзы из пристроек к мавзолеям Северного Тагискаена в Приаралье [9, табл. 13]. Их объединяют выраженные европеоидные особенности, сходные размеры и пропорции черепа.

Таким образом, на основании ранее проведенных исследований и изучения нового материала, прослеживается расо-генетическая преемственность населения Казахстана на протяжении от ранних этапов бронзового века вплоть до финальной бронзы. Однако это касается, в основном, популяций, в археологическом отношении характеризующихся алакульской линией развития. Появление федоровского населения с присущим ему, большей частью, андроновским вариантом протоевропейского типа, для территории Центрального Казахстана выглядит в определенной степени чужеродным, и является эпизодом в формировании антропологического покрова. Оно отразилось на морфологическом облике населения последующих этапов бронзового века в гораздо меньшей степени, чем антропологический тип потомков носителей алакульской культурной линии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // Советская археология. 1967. № 1. – С. 22-26.
2. Багашев А.Н Палеоантропологические материалы из погребений Хрипуновского могильника // Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 397-404.
3. Бейсенов А.З., Солодовников К.Н. К характеристике донгальских погребений могильника Кызыл // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной ар-

хеологической конференции. Астана, 20-22 апреля 2011 г. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 208-211.

4. Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевские (саргаринско-алексеевские) погребения из могильников Лисаковский I и Алексеевский // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. – Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. – С. 262-263.

5. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с.

6. Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. Том 1: Археология. 1956. – С. 159-171.

7. Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахстана // Антропологический сборник I. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 238-298.

8. Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сб. МАЭ. Том XXI. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 297-337.

9. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 372 с.

10. Гинзбург В.В., Фирштейн Б.В. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // Сб. МАЭ. Том XVIII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 390-427.

11. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с.

12. Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 264 с.

13. Исмагулов О. Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. Том 18. 1963. - С. 163-173.

14. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. – Алма-Ата: Наука, 1970. – 240 с.

15. Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н. Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // Археология, этнографии и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). - С. 122–142.

16. Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011. – 26 с.

17. Колбина А.В. Краниологическая характеристика человека из саргаринско-алексеевского погребения // Вестник антропологии. 2015. № 2 (30). - С. 26-31.

18. Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Ломан В.Г. Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). - С. 113-131.

19. Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века): монография. – Самара: СГСПУ, 2017. – 368 с.

20. Bendezu-Sarmiento J., Ismagulova A., Bajpakov K.M., Samashev Z. De l'âge du bronze à l'âge du fer au Kazakhstan, gestes funéraires et paramètres biologiques. Identités culturelles des populations Andronovo et Saka. – Paris: De Boccard. 2007. – 602 p.

ТҮЙІН

Солодовников К. Н. Орталық Қазақстанның дамыған, кейінгі және соңғы қола дәуірі антропологиясының материалдары

Орталық Қазақстанның қола дәуірі жерлеу орындарының антропологиялық материалдары зерттеледі. Бұрын алынған және жарияланған краниологиялық материалдар негізінде Қазақстанның кейінгі қола дәуірі тұрғындарына тән морфологиялық ерекшеліктер анықталады. Андронов (Федоров) мәдениетінің бұл аймаққа антропологиялық жағынан жат екендігі, және алакөл мәдениет сызығының ерте сатылардан соңғы кезеңге дейін генетикалық сабақтастығы расталатын болады.

Кілт сөздер: плеоантропология, краниметрия, қола дәуірі, Орталық Қазақстан, европеоидтар.

АННОТАЦИЯ

Солодовников К. Н. Материалы к антропологии эпохи развитой, поздней и финальной бронзы Центрального Казахстана

Исследуются антропологические материалы из погребений бронзового века Центрального Казахстана. На основе полученных и ранее опубликованных краниометрических данных выявлены характерные морфологические особенности населения Казахстана эпохи поздней бронзы. Подтверждена антропологическая чужеродность населения андроновской (федоровской) культуры для этой территории, и генетическая преемственность населения алакульской культурной линии развития от ранних этапов до финальной стадии эпохи бронзы.

Ключевые слова: палеоантропология, краниметрия, эпоха бронзы, Центральный Казахстан, европеоиды.

ABSTRACT

Solodovnikov K.N. Materials to anthropology of the Middle, Late and Final Bronze Age of the Central Kazakhstan

The anthropological materials from the entombments of the Bronze Age of Central Kazakhstan are investigated. Specific morphological features of the Kazakhstan population of the Late Bronze are obtained on the basis of received and previously published craniometrical data. The anthropological foreignness of the population of the Andronovo (Fedorovo) culture for this territory, and the genetic continuity of the population of the Alakul cultural line from the early stages to the final stage of the Bronze Age are affirmed.

Key words: paleoanthropology, craniometry, Bronze Age, Central Kazakhstan, Caucasoids.

Таблица 2

Череп из погребений поздней и финальной бронзы Центрального, Северного и Западного Казахстана

Могильник, погребение	Коржар, соор. 12		Коржар, соор. 13, мог. 2		Шонды-коль, отр. 3, погр. 3		Ак-Жар, кург. 3, нижнее погр.		Лисаковский I, гр. I, отр. 1, погр. 1		Александрский, погр. 21		Сооловников, соор. 6		Сооловников, соор. 8	
	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂
Автор	Сооловников	Сооловников	Сооловников	Сооловников	Сооловников	Сооловников	Гинзбург, Фирштейн, 1958	Колбина, 2015	Трасимов, 1955	Сооловников	Сооловников	Сооловников	Сооловников	Сооловников	Сооловников	Сооловников
1	181	181	181	184	184	190	190	194	182	182	191	187	191	187	187	187
8	138	131	133	133	133	132	132	141,5	135	135	134?	141	134?	141	141	141
8:1	76,2	72,4	72,3	72,3	72,3	69,5	69,5	72,9	74,9	74,9	70,2?	75,4	70,2?	75,4	75,4	75,4
17	132	130	139?	139?	139?	-	-	135,5	126	126	144?	135	144?	135	135	135
17:1	72,9	71,8	75,5	75,5	75,5	-	-	69,8	69,2	69,2	75,4?	72,2	75,4?	72,2	72,2	72,2
17:8	95,7	99,2	104,5	104,5	104,5	-	-	95,8	93,3	93,3	107,5?	95,7	107,5?	95,7	95,7	95,7
20	112	120	113	113	113	119	119,5	119,5	122?	122?	122?	110	122?	110	110	110
5	104	100	113?	113?	113?	-	-	101	97	97	119?	108	119?	108	108	108
9	94,8	86,0	94,5	94,5	94,5	88,0	88,0	98,0	94,0	94,0	93,3	94,3	93,3	94,3	94,3	94,3
32	79	90?	78	78	78	88	88	80	80	80	80	74	80	74	74	74
40	99	107	100?	100?	100?	-	-	100	106?	106?	106?	100	106?	100	100	100

40:5	Указатель выступления лица	95,2	107,0	88,5?	–	99,0		89,1?	92,6
45	Скуловой диаметр	–	120	127?	120?	137,5	129	128?	138
48	Верхняя высота лица	71	61	66?	65	73	70	70?	72,5?
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	53,8	46,9	47,5?	–	53,9	55,6	48,6?	53,7?
48:45	Верхний лицевой указатель	–	50,8	52,0?	54,2?	53,1	54,3	54,7?	52,5?
72	Общий лицевой угол	88	82	88?	85?	82		91?	86
74	Угол альвеолярной части	77	63	–	75?	75		78?	71
77	Назо-малярный угол	134,9	142,8	130,7	131,3	140,4		130,5	138,7
∠Zm'	Зиго-максиллярный угол	–	121,6	123,8?	124,5	121,9		126,8?	123,4
51	Ширина орбиты от mf.	41,4	39,8	41,2	46,0	42,0		44,0	43,4
51a	Ширина орбиты от d.	39,9	38,0	38,1	42,0	40,0	40,0	41,0	40,6
52	Высота орбиты	33,2	28,6	30,3	32,0	31,0	32,0	34,0	33,7
52:51	Орбитный указатель от mf.	80,2	71,9	73,5	69,6	73,8		77,3	77,6
52:51a	Орбитный указатель от d.	83,2	75,3	79,5	76,2	77,5	80,0	82,9	83,0
55	Высота носа	50,0	46,0	49,8	49,0	52,5	55,0	53,5	52,0
54	Ширина носа	21,8	25,3	24,7	23,0	23,5	26,0	25,2	26,0
54:55	Носовой указатель	43,6	55,0	49,6	46,9	44,8	47,3	47,1	50,0
75 (1)	Угол выступления носа	30	27	39?	20?	39		36?	33
SC	Симотическая ширина	8,3	9,5	–	–	10,0		10,3	10,0
SS	Симотическая высота	3,9	4,8	–	–	5,0		5,5	6,5
SS:SC	Симотический указатель	47,0	50,5	–	–	50,0		53,4	65,0
DC	Дакриальная ширина	22,0	17,0	24,7	–	21,0		–	21,8
DS	Дакриальная высота	11,4	11,2	16,4?	–	8,5		–	14,6
DS:DC	Дакриальный указатель	51,8	65,9	66,4?	–	40,5		–	67,0

*Сакенов Сергазы Кайырбекович
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
археологии им. К.А. Акишева
г.Астана, Казахстан*

УДК 902.2

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ШАГАЛАЛЫ II

Исследование жилых конструкций поселения эпохи бронзы Шагалалы II. Археологический материал – один из надежных источников дописьменной истории древнего Казахстана, благодаря которому можно сделать научную реконструкцию системы жизнеобеспечения племен, населявших территорию Казахстана в эпоху бронзы во II тыс. до н.э. Значительный пласт информации предоставляют результаты исследования культурных слоев поселенческих памятников.

Объектом нашего исследования, итоги которого приведены ниже, стало поселение Шагалалы II, являющееся опорным памятником эпохи бронзы Северного Казахстана. Поселение расположено в верховьях р. Шагалалы, на правом берегу в 33 км на юго-запад от г. Кокшетау и около 21 км на северо-запад от районного центра с. Зеренда. Поселение находится в 1,85 км севернее села Кеноткель и в 3,15 км южнее села Павловка. Географические координаты: 53°04'32,8"N; 69°00'13,5"E.

В данной статье будут освещены результаты археологических работ пяти полевых сезонов (2010-

2015 гг.), в ходе которых на поселении Шагалалы II исследовано 4 жилища, 1 мастерская, 2 колодца и межжилищное пространство. Совокупная площадь исследований составила 1107 кв. м.

Благодаря последовательному и систематическому изучению поселения, мы можем выявить и проанализировать следующие виды систем жизнеобеспечения древних людей: тип и типология ландшафта, систему жилищ и их архитектурные особенности, по остаткам материальной культуры – хозяйство.

Жилище №1. Жилище фиксировалась на поверхности в виде котлована размерами 7,20×5,60 м. Котлован овальной формы вытянут по линии север-юг. В процессе раскопок на глубине 40 см контуры жилища проступали более отчетливо в виде гумусированного пятна. В северо-восточном углу располагался вход шириной 1,60 м, длиной 2,20 м. С этого уровня по всему периметру жилища мощным слоем идет зола. В золистом заполнении обнаружено большое количество фрагментов керамики разных типов и предметы быта. По мере углубления стало понятно, что это однока-

мерное жилище с угловым входом. Дно жилища расчищено на глубине 80-100 см. По центру жилища параллельно друг другу идут два ряда столбовых ямок. Вдоль стенок котлована через каждые 1,2–1,5 м зафиксированы столбовые ямки от каркасной конструкции. Часть обугленных деревянных плашек лежала вдоль стен жилища. Еще одно направление дерева: от стен – радиально к центру. Вдоль стен хорошо сохранились горизонтально лежащие бревна, которые позволяют нам при реконструкции обозначить границы тамбурного входа. О наличии двери свидетельствуют сохранившиеся перед входом две столбовые ямки диаметром 30 см, расстояние между которыми 1 м.

Жилище №2. Жилище фиксировалось на поверхности в виде котлована, вытянутого по линии север-юг, длиной 7,5 м, шириной 5,4 м. Вдоль котлована на поверхности прослеживался вал шириной 2,1 м и вход в северо-западном углу в виде углубления длиной 3 м, шириной 2,1 м. В процессе раскопок на уровне 0,3 м четко зафиксировалось темное прямоугольное жилищное пятно. После расчистки, на уровне 0,9 м выявлена неполная столбовая каркасная конструкция, достаточно хорошо законсервированная благодаря обугленности деревянных плашек, лежащих вдоль стен. В центральной части жилища расчищено зольное пятно овальной формы, вероятно, это очаг открытой формы, о чем свидетельствует прокаленная земля (мощность слоя - 0,3 м). Возле очага найден каменный курант размерами 0,2×0,3 м с

обработанной поверхностью. Очаг находился ближе к восточной стене и вписан во внутреннюю подквадратную конструкцию, составленную из четырех вертикально вкопанных столбов. Функция данного сооружения заключалась в следующем: они поддерживали кровлю жилища и одновременно являлись дымоходом. При расчистке золы в очаге обнаружены фрагменты керамики и один сосуд в виде кубка. Стратиграфия данного жилища немного отличается от предыдущего, мы прослеживаем два строительных горизонта. В первом случае это жилище полуземлянка, каркасно-столбового типа, жилая площадь которого составляла 40 кв. м, с тамбурообразным входом. Артефакты обнаружены вдоль стены с наружной стороны в золистом слое. Верхний стратиграфический слой показывает, что в более позднее время, жилище было почищено, отремонтировано, об этом свидетельствуют остатки дополнительных столбовых ям по углам, во внутренней части в культурном слое нами обнаружены фрагменты керамики, датирующиеся позднее, чем в первом слое.

Жилище №3. Жилище на поверхности фиксировалось как западина. Расположено в 10 м западнее второго жилища, практически в одном ряду. Жилищная западина овальной формы вытянута с севера на юг размерами 8,5×8 м. В северо-западной части в виде небольшого углубления прослеживался длинный проход. При расчистке на уровне 30 см, четко проявились контуры жилища, а так же хозяй-

ственные постройки за его пределами. Дно жилища расчищено до уровня 80 см. Жилище прямоугольной формы, размеры длинных стен составили 6 метров каждая, короткие стены по 4,5 м. Оно представляло собой однокамерную постройку общей площадью 27 кв. м. Вдоль южной и восточной стены хорошо сохранились обугленные столбы. В некоторых местах удалось зафиксировать поперечные столбы, которые были одним концом направлены к конструкциям стен, а другим – в центральную часть жилища. По натоптанному полу расчищены все контуры жилища, а также длинный проход шириной 1,1 м, длиной 7 м. Проход имел общую стену с жилым помещением (западная стена). Полная длина входа зафиксирована благодаря параллельно расположенным остаткам столбовых ям. В привходовой части зафиксированы две столбовые ямки отличающиеся от других диаметром, в некоторой части они укреплены камнями. В центральной части жилища имеется небольшое углубление в полу со следами прокала, окруженное несколькими камнями. Это, скорее всего, очаг открытого типа, о чем свидетельствуют фрагменты керамики, остеологический материал и камни со следами копоти. Археологический материал в малом количестве происходит из культурного слоя внутри самого жилища, однако в основном, они обнаружены за его пределами в межжилищном пространстве. Так, например, с южной стороны хорошо прослеживаются остатки хозяйственного со-

оружия, предварительно мы можем его отнести не к жилищу №3, а к другому жилищу. За пределами жилища №3, в юго-восточном углу обнаружено два колодца. Колодец №1 диаметром 115 см, глубиной 190 см. Заполнение его представлено супесью пепельного цвета вперемешку с желто-коричневым суглинком. В заполнении встречается большое количество фрагментов керамики и костей. На дне обнаружены обломки плоских каменных плит. Колодец №2 диаметром 140 см, глубиной 210 см. Стратиграфия несколько иная, первый слой гумусированный, мощностью 35 см, затем идет прослойка зольного цвета, далее эти слои чередуются, а ближе ко дну фиксировался щебенистый слой. В заполнении встречается большое количество фрагментов керамики, костей и рогов крупного рогатого скота.

В северо-восточной части между жилищем №2 и №3, благодаря столбовым ямам, обнаружена хозяйственная постройка, примыкающая к жилищу №3. На территории внутренней части, возможно, крытой хозяйственной постройки, хорошо фиксируются хозяйственные ямы. Ямы имели различную форму, круглые и овальные, а размеры связаны с величиной и формой того или иного сосуда, которые соответственно располагались внутри и определяли форму ям (таблица 1).

Жилище №4. Жилище расположено на 15 м южнее жилища №3. На поверхности фиксировалось в виде впадины округлой формы и не

большой глубины. Исследование проводилось методом сплошного вскрытия. Раскоп размерами 15×12 м охватил всю западину. В процессе раскопок на уровне – 20 см, четко фиксировалось в виде гумусированного слоя жилищное пятно круглой формы 10×9 м. С юго-восточной стороны был зафиксирован вход в виде темной полосы шириной 1,10 м, который ведет к другой впадине. При расчистке жилища обнаружено много фрагментов «валиковой» керамики. В некоторых частях по краям стен жилища обнаружены каменные плиты. Предварительно можно считать эти камни подпорками. В центральной части на уровне 40 см обнаружено скопление камней круглой формы диаметром около метра. По следам копоти на камнях и слою золы можно предположить, что это центральный очаг открытого типа. Отличительной чертой от предыдущих жилищ является отсутствие остатков обугленных бревен и столбовых ям. Вход в жилище обнаружен благодаря утоптанному полу, он находился с восточной стороны и Г-образно поворачивает на север, т.е. в сторону реки. Несмотря на архитектурные и планиграфические особенности, у всех изученных жилищ вход направлен в сторону реки.

Гончарная мастерская. В центральной части поселения, севернее жилищ №1 и 2 в 90 м от береговой линии реки Шаггалалы нами была раскопана впадина овальной формы длиной 18 м, шириной 6 м. Впадина ориентирована длинной осью с востока на запад и

окружена валом шириной 2 м с южной и северной стороны и 3 м – с восточной и западной. Впадина в шаговом интервале 1,5 м углубляется на -0,2/0,4 м. Максимальная глубина составила -0,7 м. После снятия дернового слоя на уровне -0,4 м, в восточной части раскопа ближе к северной части жилища №1 зафиксированы следы каркасно-столбовых и каменных конструкций. Первая конструкция расположена во внешней части объекта, а вторая соответственно во внутренней.

Описание внешней конструкции. Следы каркасно-столбовой конструкции сохранились благодаря обугливанню составлявших ее бревен. Наибольшую степень сохранности обнаруживают остатки в северной привходовой части. По юго-восточным и юго-западным углам зафиксированы несколько поперечных перекладин. На основе наблюдений можно сделать вывод, что южной стены не было, так как в этой части никаких следов конструкции стены не обнаружено. Сооружение имеет подпрямоугольную форму. Общая длина северо-восточной стены вместе со стенкой входного коридора составляет 7 м. Ее длина восстановлена благодаря остаткам столбовых ям (расстояние между столбами 0,8 м), расположенных на одной линии, а также по остаткам шести поперечных обугленных столбов, которые вытянуты одним концом к краю данной каркасной стены, а другим ориентированы в сторону центральной части сооружения. Длина северо-западной и юго-восточной стен состав-

ляет 5 м. Таким образом, внешняя каркасно-столбовая конструкция имела размеры 5×6 м. Длина входного тамбура 2 м, ширина 1,1 м. Сохранились его столбовые, продольные и поперечные бревна. В середине прохода около стены входа *in situ* обнаружен камень-подпятник круглой формы диаметром 12 см, толщиной 5,5 см. В центре имеется выемка диаметром 4,5 см, глубиной 1 см. Рядом найден развал крупного сосуда с валиком. Сосуд горшечной формы диаметром 22 см, серого цвета. В изломе тесто однородное, хорошего обжига, на внутренней поверхности имеются следы выравнивания, напоминающие работу кисточки после покраски. Венчик выделен с помощью бордюра, а валик орнаментирован пальцевыми защипами. Это единственная находка подобных сосудов в помещении, так как внутри мы обнаруживаем фрагменты только станковой керамики. В центральной части ближе к внутренней каменной конструкции хорошо фиксируются центральные столбы – опора кровли. Они были связаны между собой балками, об этом свидетельствуют остатки обугленного бревна длиной 2,3 м, которое лежит параллельно к стенкам каменной конструкции, на которые опирались описанные выше поперечные столбы, связанные одним концом со стеной.

Описание внутренней каменной конструкции. Сооружение сложено из вертикально вкопанных гранитных плит. Имеет двойную структуру, первая внешняя стена П-образной формы выложена из

крупных гранитных плит, щели дополнительно утрамбованы мелкими плитками. Длина стенок 3 м, ширина торцевой части 1,6 м. Вторая часть представлена каменным сооружением по форме напоминающим корыто/бассейн. Она сложена из ровных гранитных плит, вкопанных вертикально, плотно закрывающих все стороны. В плане имеет прямоугольную форму размерами 0,5×3 м. Весь комплекс сооружения утоплен в материк на глубину 0,5 м. При зачистке внутренней части П-образной конструкции был обнаружен слой глины красноватого цвета, а во внутренней емкости комкообразные куски. При внимательном осмотре выявлено, что это комки теста из глины со следами пальцев.

В устье всего каменного сооружения обнаружено скопление множества фрагментов станковой керамики. Внутри помещения встречаются обломки каменных орудий труда: обломки куранта, каменные песты, круглые диски и т.д. На рабочей поверхности некоторых предметов имеются следы сработанности. У входа был найден хорошо сохранившийся бронзовый нож, сделанный из цельной бронзовой пластины длиной 27,5 см. Клинок слегка изогнутый, однолезвийный, шириной 4,4 см. На лезвие ближе к тыльной части имеется ребро жесткости. Толщина клинка составляет 0,4 см. Длина прямоугольной рукояти 8 см, ширина 1,8 см, толщина 0,8 см. Острие ножа скругленное. Мы предполагаем, что подобные бронзовые ножи исполь-

зовались в качестве тесаков – для рубки веток и обтесывания кольев.

Интерпретация объекта. По археологическим данным сооружение можно интерпретировать как ремесленную гончарную мастерскую. В археологии эпохи бронзы открытие объектов данного типа довольно редкое событие.

В первую очередь нам необходимо аргументировать функциональное назначение данного сооружения, выяснить его датировку и технологию гончарного производства. Судя по тому, что сооружение было каркасно-столбовым, мы можем говорить о сезонном его функционировании, т.е. только в теплое время года. Каменная П-образная конструкция в центре объекта и каменный бассейн представляют собой специальное сооружение для обработки глины. При этом ее внутренняя часть является так называемой «емкостью для очистки сырой глины». Как мы уже отмечали, его конструкция утоплена в материк, что было сделано специально для предотвращения утечки воды.

Обнаруженные глиняные комки, по всей вероятности, говорят о том, что сырую глину оставляли в бассейне до окончательного испарения воды, получая в итоге отмученный материал для дальнейшей обработки. При расчистке внешней части П-образной каменной конструкции данное готовое сырье мы фиксируем в виде слоя чистой глины красноватого цвета.

В районе устья П-образной конструкции в яме овальной формы на глубине 0,8 м зафиксированы

многочисленные фрагменты станковой керамики. Стоит обратить внимание на то, что данные фрагменты станковой керамики отличаются от более совершенных и качественно обожженных, которые мы обнаружили в хозяйственных ямах вокруг жилища №3 [6, с. 559-562], плохим качеством теста и слабым обжигом. Именно такая керамика широко известна в культурных слоях поселений поздне-бронзового века Центрального Казахстана, Западной Сибири и др. Внутри самой гончарной мастерской мы находим обломки каменных орудий труда, среди них необходимо отметить несколько экземпляров каменных кружочков диаметром 6,3×4,4 см, 6,5×6,5 см. Данные объекты широко известны на поселениях эпохи бронзы, при изготовлении керамических сосудов они использовались в качестве подставок для сушки и обжига [2, с. 162]. Один из обломков каменного предмета напоминает нам часть гончарного колеса, типа «маховика».

Таким образом, очевидно, что перед нами именно гончарная мастерская. В пользу этого свидетельствуют особенности архитектуры, внутренняя и внешняя конструкция; наличие остатков чистой глины и формовочных масс с отпечатками пальцев; инструменты и дополнительное рабочее пространство для сушки, сортировки и хранения сырья и т.д. Важной частью технологического процесса при гончарном производстве являются вопросы вентиляции и света. Исследованное нами строение имело

достаточно легкую проветриваемую конструкцию, свет проникал через отверстие прямоугольной формы в центре кровли, нависавшей над бассейном. Для процесса гончарного производства необходимо большое количество воды и топлива, они представлены в окрестностях поселения в достаточном количестве. Остается открытым вопрос о месте и технологии обжига. На данный момент исследования, печи для обжига не обнаружены. Датировка гончарной мастерской вторым строительным горизонтом, т.е. эпохой поздней бронзы (XIII–IX вв. до н.э.), подтверждается находкой бронзового ножа: такие типы были широко распространены в позднебронзовое время, грубой некачественной станковой керамики, а также крупного сосуда с валиком.

Интерпретация сооружения как гончарной мастерской объясняет происхождение большого количества фрагментов слабообожженной, выполненной из грубого теста станковой керамики (отличающейся от аутентичной среднеазиатской) на поселении Шагалалы II. Показывает уровень конкретных технологий и раскрывает некоторые вопросы истории развития региона в эпоху бронзы.

Интересно рассмотреть вопрос соотношения мастерской с общей планировкой поселения. В центральной части по линейной системе расположены жилища и другие конструкции периода ранней и средней бронзы. Они имеют прямоугольную форму, глубоко утоплены в материк и являются полу-

землянками. Данную систему нарушают постройки эпохи поздней бронзы. Они имеют овальную форму и являются наземными. Это в совокупности формирует сложную стратиграфию поселения имеющую несколько строительных горизонтов. Исследованная гончарная мастерская относится к объектам второго периода.

Топография поселения и архитектура жилищ. Реконструируемый нами культурный ландшафт эпохи бронзы структурируется согласно взаиморасположению поселков и могильников в природном ландшафте. Центральными точками данной структуры являются поселения, топографическое положение которых достаточно жестко детерминировано типом хозяйства и образом жизни населения, а также природно-климатическими особенностями региона. Шагалалы II не является изолированным поселением в верхней долине одноименной реки. Многочисленные археологические памятники расположены в его окрестностях и непосредственно на территории поселения.

С восточной стороны поселения окружают сопки «Адыр», на выровненных площадках которых, обнаружены и исследованы курганы раннего железного века. В то же время сопочные гряды разделяют поселение и могильник эпохи бронзы. За сопками Адыр, ближе к берегам речки Кошкарбай, известно крупное могильное поле эпохи бронзы, состоящее из нескольких десятков курганов с каменными оградами.

Поселение, как памятник многослойно, что свидетельствует о нескольких этапах функционирования. Начало застройки датируется XV-XIV вв до н.э., об этом свидетельствуют около десятка полуподземных жилищ, расположенных по широкой низкой и плоской террасе реки. Второй этап застройки датируется эпохой поздней бронзы. Прекращение функционирования поселения определяется наличием около двадцати погребений самого финала эпохи поздней бронзы, впущенных в жилища. Впоследствии, начиная с раннего железного века, территория поселения была использована в качестве пастбища для выпаса скота и лошадей, это продолжается вплоть до сегодняшнего дня.

Макротопография поселения. Поселения эпохи бронзы во многих случаях распределены не равномерно по долинам рек, а концентрируются группами по два-три поселения на отдельных участках. Долины большинства рек на территории Северного Казахстана имеют практически одинаковую структуру: неширокую пойму, иногда пойменную террасу на высоте не более метра над урезом воды. Другой берег реки, как правило, более пологий. В пойме, рядом с основным руслом, часто фиксируется старицы – обводненные или уже практически затянутые наносным грунтом. Топографические положения поселений в долинах рек подчиняются нескольким достаточно жестким принципам. Поселения располагаются на первой надпойменной террасе. Они нахо-

дятся на расстоянии от тридцати до семидесяти метров от современного либо старичного русла, которое, вероятно, было действующим в период существования поселения. Все поселения находятся на высоте не менее полутора-двух метров над урезом воды. Выбор месторасположения поселений основывался на том, что они практически оставались недоступными паводковым водам и подтапливались лишь изредка, на очень короткое время. Древние строители поселения Шагалалы II место для строительства выбирали, в первую очередь, исходя из стремления максимально сократить расстояние от поселка до берега реки, обеспечивая при этом безопасность при паводке с одной стороны, и в то же время не затрудняя доступ к воде излишне крутым или высоким спусками - с другой. Одновременно решалась задача защиты поселка от сильных зимних ветров имеющимися естественными возвышениями.

Микротопография. Реконструкция и моделирование древних производств является одной из актуальных проблем, вызывающих особый интерес. В данных исследованиях нас заинтересовало строительство жилых домов. Домостроительство – это важная часть древней материальной культуры, реконструкция даже отдельных узлов которой, позволяет нам определить «опосредованное использование природных объектов для осуществления человеческой жизнедеятельности» [7].

Анализируя полученные в ходе археологических раскопок

сведения, можно с уверенностью реконструировать план застройки поселения Шаггалалы II.

Дома на поселении Шаггалалы II строились в ряд, улицей, параллельно берегу реки. Улицы состояли из трех до десяти домов. Поселение Шаггалалы II относится к категории крупных поселений, так как мы здесь фиксируем несколько улиц параллельных друг другу. Промежуток между домами не превышает 15-20 метров. Стационарные жилища эпохи бронзы не отличаются разнообразием типов (землянка, наземные жилища и т.д.), но, несмотря на это, на сегодняшний день нет единых критериев определения типа исследуемого жилища. С точки зрения методологии исследования, нам интересен подход С.Я. Зданович. Она предлагает определять типологию жилищ на основе таких устойчивых категорий признаков, как внешний вид или форма организованного пространства; объем организованного пространства; контакты архитектурного сооружения с окружающей средой; способы организации пространства [1]. Различные конструктивные типы жилищ были показаны в работах Е.Е. Кузьминой. Она подразделяет типы жилищ на: наземные каркасно-срубные, подземные срубно-пирамидальные и полуподземные каркасно-столбовые [3, с. 14-80].

Жилища поселения Шаггалалы II можно отнести к двум типам. Жилища №1-2 относятся к типу полуподземных каркасно-столбовых. Жилища однокамерные площадью 40,2– 52,2 кв. м.

Сохранность и направление волокон обугленного дерева, топография столбовых ямок позволяют сделать реконструкцию жилища. Стены выполнены в виде каркасов, дополненных горизонтально уложенными бревнами. Кровля, скорее всего, была четырехскатной. Бревна перекрытия опирались одним концом на горизонтальные слепы, положенные на вертикальные столбы каркаса стен. Вторым концом они опирались на деревянную раму в центре жилища. Рама обрамляла отверстие в крыше над очагом. Вход в дом располагался в боковой части одной из торцовых стен. Стены подсыпались снаружи землей, как правило, перемешанной с золой и бытовым мусором, выгребаемыми из очагов. По материалам, содержащимся в культурном слое, данные дома определяются хронологически как наиболее ранние. Керамический комплекс представлен двумя вариантами: первый – в малом количестве раннеалакульская, второй – в большом количестве так называемой «бишкульской» поселенческой керамикой федоровской культуры. Жилища №3-4 относятся к категории наземных каркасно-срубных. Жилище №3 прямоугольной формы, наземной постройки с длинным входом. Жилище однокамерное площадью 27 кв. м. Вход в жилище, длина которого составляет 7 м, и наличие двух исследованных колодцев позволяют предположить достаточно холодные природные условия в период его заселения. Судя по палеоклиматическим данным, на протяжении второго тыся-

челетия до н.э. зимы в степи были малоснежными, а реки – маловодными, многие из них пересыхали к концу лета. Зимой неглубокие плесы промерзали до дна. В этих условиях становится понятным размещение в жилищах или около жилищ колодцев для поддержания водоснабжения в зимнее время. Скорее всего, такую же функцию выполняли исследованные колодцы возле жилища №3, и аналогичные колодцы исследованные в жилищах поселения Васильковка I [5, с. 445, рис. 1]. Жилище №4 круглой формы. Через проход, который мы фиксируем, оно соединяется с другой жилищной впадиной. Скорее всего, оно относилось к категории двухкамерных. По конструктивным особенностям данный тип близок жилищам на поселении Чаглинка (Шагалалы). А.М. Оразбаев относил их к типу 3 – условно называемым землянками восьмеркообразной формы, которые представляют собой два обособленных помещения, соединенных узким коридором [4, с. 144]. В культурном слое, среди керамического материала, многочисленны фрагменты сосудов с валиком. Анализируя керамический материал и особенности архитектуры, мы приходим к выводу, что жилище №4 построено в позднебронзовом веке.

Эволюция жилищ демонстрирует нам изменение палеоэкологии и хозяйства. На раннем этапе древнее население поселения Шагалалы II занималось скотоводством. Об этом свидетельствует большое количество остеологического материала. Население разво-

дило три вида копытных – лошадей, овец и коров. На следующем этапе исследования планируется привлечь специалистов для определения видового состава с применением естественно-научных методов. Оседлое скотоводство носило придомный или придомно-отгонный характер. В зимнее время скот кормился тебеневкой. В целом можно утверждать, что хозяйственная деятельность населения основывалась на комплексном походе.

Дерево разных пород применялось при строительстве домов, в изготовлении луков и стрел, а также в качестве топлива для очагов и печей. Глина использовалась в строительстве, из нее изготавливали керамическую посуду. Предварительные результаты исследования гончарной мастерской, описанной выше, дают возможность раскрыть процесс древней технологии. Из минерального сырья делали множество предметов самого разного назначения. Культурный слой поселения богат металлическими предметами, также встречаются литейные формы, что свидетельствует о развитии металлургии.

Интерес представляет изменение архитектуры в период функционирования жилища №4. Данные о жилищах надо рассматривать как индикатор изменения природно-климатической среды и, соответственно, хозяйства. На рубеже II-I тысячелетий до н.э. климат в степи становится более влажным и, возможно, прохладным. Увеличение количества осадков в зимний период затрудняло выпас скота. Второй причиной может послужить

изменение этнокультурного состава населения. Аргументами в его пользу могут послужить следующие археологические факты: дома поселения Шагалалы II сожжены, погребения в каменных ящиках расчищены и выброшены на соседние участки. Изменению подверга-

ется керамический комплекс, в большом количестве появляется керамика с валиком, которая характерна для поздней бронзы. Население степной зоны постепенно переходит к новым формам хозяйствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зданович С.Я. Поселения и жилища саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа, 1983. - С. 59-76.
2. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). - Алма-Ата: Изд-во «Гылым», 1992. - 247 с.
3. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? - М.:Наука, 1994. - 462 с.
4. Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата:Наука, 1970. - С. 129-146.
5. Сакенов С.К. Материалы исследования поселения Васильковка I//Бегазы-дандыбаевская культура Северной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова – Алматы, 2013. - С. 445-452.
6. Сакенов С.К. Станковая керамика из поселения Шагалалы II (К вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // «Диалог культур Евразии в археологии Казахстана» Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. - Астана: изд-во «Сарыарка», 2014. - С. 557-567.
7. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л.:Наука, 1983. 254 с.

ТҮЙІН

Сакенов С.К. Шагалалы II қонысындағы археологиялық жұмыстар.

Мақалада қола дәуіріне жататын Шагалалы II қонысында жүргізілген жұмыстарының нәтижелері жарияланған. Тұрғын үйінің құрылысының арнайы ерешеліктері анықталып, үй құрылысының дәстүрлі түрде қалыптасу динамикасы бақыланған. Археологиялық материалдар негізінде құмыра шеберханасы тусіндірілді.

Түйінді сөздер: қола дәуірі, Солтүстік Қазақстан, тұрғын үй, қыш құмыра шеберханасы, күйіктас.

АННОТАЦИЯ

Сакенов С.К. Археологические работы на поселении Шагалалы II.

В статье публикуются материалы, полученные при проведении работ на поселении Шагалалы II, относящегося к эпохе бронзы. Выявлена типология жи-

С.К. Сакенов

лиц и прослежена динамика развития традиций домостроения. На основе археологических материалов интерпретирована гончарная мастерская.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Северный Казахстан, жилище, гончарная мастерская, керамика.

ABSTRACT

Sakenov S. K. Archaeological work at the Shagalaly II settlement.

The article demonstrates materials obtained during the work at Shagalaly 2 settlement, which belongs to the Bronze Age. The typology of dwellings was disclosed and the development dynamics of the house-building traditions were traced. The pottery was interpreted based on archaeological materials.

Key words: Bronze Age, Northern Kazakhstan, dwelling, pottery, ceramics

Таблица 1

Содержание хозяйственных ям

№ ямы	Длина по линии	Ширина по линии	Глубина ямы от УДП	Заполнение
1	СВ-ЮЗ 140 см	СЗ-ЮВ 60 см	60 см	Камень, фрагменты станковой керамики
2	З-В 140 см	С-Ю 110 см	60 см	Камень, кости МРС, фрагменты станковой керамики
3	СВ-ЮЗ 180 см	СЗ-ЮВ 80 см	40 см	Основания истлевшего столба, кости МРС (ребра, позвонки, трубчатые кости), фрагменты станковой керамики
4	ЮЗ-СВ 200 см	ЮВ-СЗ 140 см	35 см	Бронзовый нож, бронзовый наконечник стрелы, фрагменты лепной и станковой керамики, «тупик», кости МРС
5	60 см	60 см	45 см	Фрагменты лепной керамики сверху обложенные камнями, кости МРС
6	ЮЗ-СВ 180 см	ЮВ-СЗ 80 см	45 см	Фрагменты станковой керамики (хум), фрагмент керамической подставки с меткой мастера, камни
7	ЮЗ-СВ 180 см	ЮВ-СЗ 80 см	45 см	Фрагменты лепной и станковой керамики, каменные орудия труда, кости МРС (ребра, позвонки, трубчатые кости),
8	ЮЗ-СВ 180 см	ЮВ-СЗ 50 см	20 см	Камни, кости МРС

Брынза Татьяна Васильевна
старший преподаватель кафедры археологии и этнологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
научный сотрудник Научно-исследовательского
института археологии им. К.А. Акишева
г. Астана, Казахстан

УДК 903.02

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ШАГАЛАЛЫ II

Бронзовый век Казахстана (конец III– II тыс. до н.э.) – это время расцвета производящего типа хозяйства, появление ранних городов, это освоение лошади сначала в колеснице, а затем под верх, это эпоха расцвета горного дела и древней металлургии, изобретение новых видов оружия, изобретение новых способов отливки металлических изделий, это время формирования крупных стационарных поселений.

Интерес исследователей к археологическим материалам эпохи бронзы Центрального и Северного Казахстана обусловлен, с одной стороны, их включенностью в обширный контекст евразийских культурно-исторических процессов позднего бронзового века, с другой стороны, ярко выраженным своеобразием, отражающим специфику этих процессов и регулярных контактов с разнокультурными соседними общинами.

На территории Казахстана выявлено и стационарно исследовано огромное количество памятников андроновской культурно-исторической общности, в частности, хорошо stratифицированных поселений. Благодаря этому стало возможным выделение в

рамках андроновской общности федоровской культуры.

На всей территории археологические памятники федоровских племен располагаются далеко не сплошным массивом. Районирование поселений и могильников заметно изменилось по сравнению с предыдущей алакульской эпохой. В эпоху поздней бронзы на смену длительной прохладно-влажной фазе приходит более чем тысячелетний период постепенного изменения климата в сторону потепления и большей сухости. Засушливому периоду сопутствуют уменьшение стока рек, медленное усыхание надпойменных террас, понижение уровня озер, уменьшение общей увлажненности материков Северного полушария. Это, безусловно, привело к сокращению экологических ниш, удобных для обитания человеческих коллективов. Значительная часть жилых площадок, освоенных в петровско-алакульскую эпоху, перестала функционировать. Однако места с наиболее благоприятными условиями обживались необычайно активно и эксплуатировались в течение длительного отрезка времени. Таким благоприятным местом для обитания андроновского населения являлся Чаглин-

ский микрорайон – поселение Шаггалалы II.

В коллекциях памятников эпохи бронзы, в том числе и на поселении Шаггалалы II, ведущей категорией находок является глиняная посуда – керамика. Керамика – это первый искусственный материал, который создан человеком. Предметы из глины относятся к одним из самых прочных артефактов древности, поэтому керамика – самый массовый археологический материал, который лежит в основе классификации памятников эпохи бронзы. В течение всего позднего доисторического периода керамическая посуда являлась главным объектом торговли.

Изготовление керамического изделия предполагает выбор подходящих сырьевых ресурсов, технику лепки и обжига. Традиция изготовления керамики – одна из наиболее устойчивых характеристик культуры дописьменных обществ, что делает ее источником реконструкции исторических процессов.

По мнению многих ученых керамика является важным этническим показателем. Поэтому анализ гончарства при решении андроновской проблемы очень перспективен и актуален. Гончарство, как отрасль первобытного хозяйства, получила широкое распространение с эпохи неолита и продолжает свое существование на всех этапах развития человечества, вплоть до этнографической современности [6, с. 104].

Изучение керамического производства населения евразийских степей – важнейшее направление в археоло-

гии бронзового века. Изучение керамического производства эпохи бронзы было начато еще в 30-е годы XX века В.А. Городцовым и М.В. Воеводским [7].

К настоящему времени получен значительный блок информации по технологии изготовления керамики практически всех этапов бронзового века. Привлечение данной информации к рассмотрению проблем культурогенеза основано на признании гончарства как особым образом организованной системы, устойчивое состояние которой обеспечивалось эмпирическим характером знаний о навыках труда и механизмом их передачи от поколения к поколению преимущественно по родственным линиям [1; 2]. Традиционный подход при анализе керамики опирается на типологический анализ орнаментальных схем и форм сосудов, но его возможности не всегда позволяют разграничить явления на уровне отдельных групп. Гораздо более широкие возможности демонстрирует историко-культурный подход, разработанный А.А. Бобринским [1; 2]. Техно-технологический анализ в рамках этого подхода позволяет рассмотреть явления на уровне выработки адаптивных навыков в производстве керамики, что, в свою очередь, отражает вклад конкретных мастеров [10].

На основании результатов анализа технологических, морфологических и орнаментальных особенностей посуды предпринимаются попытки реконструкции процессов формирования тех или иных культур, рассматриваются проблемы их взаимодействия и трансформации.

Т.В. Брынза

Особую важность для археологии приобретает технико-технологический анализ керамики. Более совершенные, разработанные с помощью компьютера классификации показывают, например, что добавки в глину, являются фактически предметами сложных поведенческих и природных факторов, а не простыми действиями человека. Технологический анализ сфокусирован на материале и составе гончарных глин и относит керамические сосуды к локально доступным ресурсам. Он также обеспечивает полезные, статистически обоснованные критерии для интерпретации переменности различных керамических форм и для разработки более совершенных классификаций керамики. Данный анализ керамики дает возможность значительно дополнить информацию о производстве, полученную из археологических источников. В результате анализа полученные данные расширяют знания о древнем керамическом производстве и дают представление о технологических традициях в изготовлении керамики, что позволяет по новому взглянуть на археологические комплексы, выявленные лишь на основе типологических и морфологических характеристик керамики [3].

По совокупности керамического комплекса поселение Шаггалалы II характеризуется как федоровское (нуринское). Проведенное исследование по определению традиций гончарного производства поселения Шаггалалы II позволило выявить особенности, существовавшие у населения нуринской культуры, по отбору и подготовке исходного пластичного сырья, составле-

нию формовочных масс, конструированию сосудов, обработки поверхностей изделий, а также придания им прочности и устранения влагопроницаемости. В качестве объекта проведения технико-технологического анализа была взята серия из фрагментов стенок, верхних частей сосудов с венчиками и донных частей.

Технико-технологический анализ керамики проводился Ломаном В.Г., по методике А.А. Бобринского в рамках историко-культурного подхода и выделенной им структуры гончарного производства [1; 2, с. 9-11]. Программа исследований включала анализ исходного сырья (глин), состава формовочных масс, способов конструирования сосудов и обработки их поверхности. Основной задачей исследования было выявление специфики культурных традиций на двух ступенях производственного процесса: отбор исходного сырья и подготовки формовочных масс. Важным компонентом формовочной массы являются различные добавки к глине, улучшающие ее свойства. Примеси характеризуются как органическими, так и неорганическими включениями. Качественная и количественная характеристика добавок - это важный информационный блок в системе археологических и технологических знаний о древнем гончарстве.

Для проведения технико-технологического анализа была представлена серия из 40 образцов, в том числе 26 фрагментов верхних частей сосудов с венчиками, фрагменты 2-х стенок и 12 донных частей.

Керамика поселения Шаггалалы II, по мнению В. Г. Ломана, относится

к двум периодам его существования - андроновскому (федоровскому) и позднебронзовому. По технике изготовления вся керамика поселения Шагалалы II подразделяется на две группы: лепную и станковую.

По степени ожелезненности исходного сырья и составу естественных примесей в федоровской керамики, выделено 4 вида происходящих из разных источников: 1) среднежелезненная среднепластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка - 50%; 2) среднежелезненная среднепластичная глина - 40%; 3) сильножелезненная среднепластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка - 5%; 4) сильножелезненная пластичная глина - 5%.

Таким образом, основной была традиция применения средне-железненных глин (90%).

В формовочной массе федоровской керамики отмечено 3 рецепта:

1) глина + дресва + навоз в малой концентрации — 70%;

2) глина + шамот + навоз в малой концентрации — 20%;

3) глина + дресва + шамот + навоз в малой концентрации — 10%.

Во всех трех рецептах одним из составляющих выступает навоз. В качестве пластификаторов в древности использовались экскременты животных. В них содержится большое количество органического вещества с высокими бродильными (кислотность) свойствами. Экскременты — это переработанная под воздействием соляной кислоты и биологически активных веществ органика. При добавлении в

глину она усиливает кислотность и улучшает формуемость. Обычно органику добавляли в тощие глины с высоким содержанием минеральных включений. Использование в составе формовочной массы навоза животных свойственно обществам с производящей экономикой, т.е. земледельцам и скотоводам. Широкое применение этого материала человеком началось еще задолго до возникновения гончарства как особой сферы производственной деятельности. Это нашло отражение в строительстве конструкций из саманных блоков или кирпича, которое широко было распространено уже в донеолитическую эпоху в районах с жарким и сухим климатом.

Включение в один из рецептов двух видов искусственных минеральных добавок говорит о том, что керамика поселения Шагалалы II была оставлена гончарами, жившими первоначально на разных территориях, в силу чего у них сложились разные традиции составления формовочных масс. Рецепт с дресвой и шамотом - свидетельство их смешения, проходившего на поселении.

Дресва использовалась в основном (68,8%) средней размерности, в концентрации 1:4. Встречена также мелкая (6,2%) в той же концентрации, крупная (18,8%) и даже гравелитовая (размер частиц до 7 мм) дресва (6,2%), в концентрации 1:5. Для изготовления последней использовался камень, тогда как в остальных случаях — полупрозрачный кварцит.

Шамот применялся средней размерности, в концентрации 1:4 (1 экз.) и 1:5 (6 экз.). Ожелезненность исходного

Т.В. Брынза

сырья шамота средняя, в одном случае — сильная.

В археологии под термином «шамот» понимается керамический бой (раздробленный обожженный черепок), обожженная измельченная глина, просто высушенная комковатая глина, глинистая порода и т.п. [11, с. 127]. Шамот можно назвать добавкой, увеличивающей огнестойкость изделий. Низкотемпературный археологический шамот по механизму взаимодействия с глиняным тестом аналогичен такой добавке, как сухая глина. В формовочной массе они играют роль отошителя (добавка, уменьшающая пластичность глины) и связаны с уменьшением пластичности, увеличением влагопроводности, уменьшением влагосодержания и воздушной усадки сосуда. Наличие этих примесей в тесте обеспечивает незначительную воздушную усадку и играет роль скелета в пластическом материале. Добавка в глиняное тесто крупного шамота в небольших количествах связана с усилением термостойкости сосудов - способностью не растрескиваться при резких температурных изменениях [4, с. 148].

Дресва - добавки, которые также как и шамот выполняют роль отошителя. По этнографическим наблюдениям гончары не воспринимают в качестве отошителя песок размерностью менее чем 0,4-0,5 мм, называя его «пылью». Пылевидная песчаная фракция мельче 0,25 мм снижает связность глины, что автоматически приводит к снижению прочности изделия. Крупная фракция песка в малом количестве иг-

рует такую же роль, как и шамот - увеличивает термостойкость.

Единичные экземпляры на поселении с песчаниковой дресвой средней размерности в концентрации 1:3 (рис. 1, № 5), а также из сильноожеlezненной глины с гравелитовой каменной дресвой в формовочной массе (рис. 3, № 25) и из сильноожеlezненной пластичной глины с дресвой из белого непрозрачного кварцита (рис. 1, № 1) могли принадлежать иным андроновским общинам.

Полое тело сосудов конструировалось из глиняных лоскутов, накладывавшихся без определенной системы (лоскутно-комковатый способ) в двух вариантах: а) в один слой (46,2%) и б) в два слоя (46,2%). По одному (7,6%) из венчиков (рис. 1, №3) установлено, что по крайней мере верхняя часть данного сосуда была изготовлена из лоскутов по спиральной траектории, что выделяет его из общей массы керамики данной группы. По двум венчикам, ввиду малой площади фрагментов, информацию о способах конструирования получить не удалось.

Начины были изготовлены лоскутно-комковатым способом по емкостной программе, традиционной для гончаров федоровской культуры [8, с. 150].

Сосуды обжигались при низких температурах, 50% - в восстановительной атмосфере с оставлением для охлаждения в зоне термообработки при медленном снижении конечных температур, 25% - в восстановительной атмосфере с оставлением для охлаждения в зоне термообработки при быстром снижении конечных температур,

25% - в окислительной атмосфере с извлечением из зоны термообработки.

Обработка поверхности - это завершающая стадия (перед декорированием) работы с сосудом в пластичном или полусухом состоянии. Она призвана решать самые различные задачи, начиная с исполнения окончательных операций формовки, создания специфических технологических свойств сосуда и заканчивая эстетическим оформлением изделия [13, с. 202-204, 221]. В зависимости от функций посуды, формовочной массы и способов формовки задачи обработки могут различаться. В ряде случаев на сосуде наблюдается сразу два или три вида обработки, каждый из которых реализует разные функции.

Традиционными навыками обработки поверхностей керамики поселения Шаггалалы II выступают лощение по подсушенной и по сухой основе, заглаживание травой, шерстью, пальцами, деревянным ножом, кожей и щепкой. Лощение проводилось по подсушенной основе гальками. На поверхности сосуда иногда фиксируется тонкий слой ангоба. Ангоб - это покрытие из белой или цветной глины, наносимое на керамическое изделие (до обжига) для устранения дефектов поверхности и придания ей какого-либо цвета. Ангоб - это жидко разведённая водой глина. Ангоб наносится на сырую поверхность, частично впитывается в неё, затем закрепляется обжигом. Цвет ангоба на сосудах варьирует в зависимости от обжига, чаще всего преобладает светло-коричневый.

На венчиках федоровских сосудов поселения Шаггалалы II отмечено

комбинирование способов обработки. Один из сосудов был подвержен обвариванию с целью получения темного цвета поверхности. Срез венчиков чаще уплощенный, встречаются закругленный и заостренный. Это свидетельствует о том, что керамика представлена фрагментами сосудов баночной и горшочно-баночной формы.

Анализ цветовой характеристики изломов и поверхностей сосудов позволяет говорить, что Шаггалалинские гончары обжигали сосуды при низких температурах.

Орнаментировка венчика встречается редко, чаще орнамент проходит по шейке и в верхней части тулова. Декор покрывает, как правило, внешнюю поверхность.

С технологической точки зрения орнамент можно разделить на две группы: графический и скульптурный.

Графические рисунки выполнялись при помощи прочерчивания или вдавливания по влажной поверхности. Выделяются следующие способы нанесения орнамента: прочерчивание, вдавливания, для стенок сосудов характерна шагающая гребенка. Использовалось несколько разновидностей штампов: крупнозубчатые, мелкозернистые и гладкие.

Орнаментальная зона занимает, как правило, верхнюю половину сосуда, изредка бывает вторая зона у дна. Сочетание треугольников, меандра, параллельных каннелюр образует «сложный, красивый ковровый орнамент».

К скульптурному декору относятся «валики» - небольшие утолщения и налепы, расположенные на внешней

Т.В. Брынза

поверхности сосуда и вплотную под срезом венчика. Такой орнамент мог служить не только для красоты, но и для упрочнения венчиков и стенок сосудов. Сосуды с таким валиком также обнаружены на исследуемом нами поселении Шагалалы II. Именно их присутствие позволило В.Г. Ломану разделить керамику на 2 группы и выделить второй период существования памятника.

Саргаринско-алексеевская керамика представлена 9 фрагментами венчиков и 7 - придонных частей. Выявлена принадлежность фрагмента венчика (рис. 2, №19) и одного фрагмента придонной части (рис. 3, №28) одному и тому же сосуду.

Исходное сырье. Выделено 5 видов:

1) среднежелезненная сред-непластичная глина - 57,2%;

2) среднежелезненная сред-непластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка - 21,5%;

3) среднежелезненная сред-непластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка и слюды - 7,1 %;

4) сильножелезненная пластичная глина с естественной примесью слюды - 7,1%;

5) среднежелезненная глина во влажном состоянии с естественной примесью крупного оолитового бурого железняка + сильножелезненная глина в сухом состоянии - 7,1%.

Выявлено два рецепта формовочной массы:

1) глина + дресва + навоз в малой концентрации - 78,6%;

2) глина + песок + навоз в малой концентрации - 21,4%.

Дресва использовалась в основном (81,8%) средней размерности, один из венчиков (рис. 1, № 7) имел в составе формовочной массы мелкую дресву, а одно из днищ (рис. 4, № 0,5) - крупную. Концентрация дресвы 1:4 (63, 6%) и 1:5 (36,4%).

Песок добавлялся слабоокатанный, средней размерности, в концентрации 1:4.

При обработке поверхности применялось заглаживание обеих поверхностей пальцами, лощение по подсушенной основе. Наблюдались комбинированные способы: заглаживание внешней поверхности деревянной палочкой, а внутренней - щепкой. На одном из придонных фрагментов отмечен внешний слой глиняной обмазки, которая была заглажена травой, при этом внешняя поверхность самого дна была залощена. По некоторым сосудам следы обработки удалось зафиксировать только по одной из поверхностей, так как вторая была покрыта плотными солевыми отложениями: заглаживание внешней поверхности шерстью, деревянной палочкой; заглаживание внутренней поверхности щепкой.

Полое тело трех сосудов было изготовлено из жгутов по спиральной траектории, одного - из лоскутов по спиральной траектории (рис. 3, №27), двух - лоскутно-комковатым способом. По двум экземплярам способы конструирования полого тела не установлены.

Начин шести сосудов конструировался по донно-емкостной программе, лоскутно-комковатым и спи-

рально-жгутовым способами. Днища трех сосудов было дополнительно укреплено внешним слоем лоскутов.

Сосуды обжигались при низких температурах, 42,9% - в восстановительной атмосфере с оставлением для охлаждения в зоне термообработки при медленном снижении конечных температур, 57,1% - в восстановительной атмосфере с оставлением для охлаждения в зоне термообработки при быстром снижении конечных температур.

Обнаружена достаточно информативная серия керамики, изготовленная с применением гончарного круга. Исходным сырьем данной керамики служила среднежелезистая среднепластичная глина с примесью оолитового бурого железняка и среднезернистого песка.

Формовочные массы всех станковых сосудов составлялись без применения искусственных минеральных добавок, отметим лишь следы органического раствора в виде мелких пустот с белым налетом на стенках и отпечатков отдельных травинок.

На поверхности фрагментов заметны параллельные следы от капиллярных линий пальцев, свидетельствующие о применении гончарного круга. Под этими следами скрыты признаки предыдущей обработки. Внешняя поверхность двух сосудов покрыта ангобом – коричневым (рис. 2, №17) и красным (рис. 4, №0,9).

Сосуды данной группы не вытягивались на гончарном круге, а конструировались из лент. Круг применялся лишь для профилирования основной части емкости, что соответствует четвертому этапу развития его

функций и свидетельствует о ремесленном характере производства [1, с. 27, 29, 34].

Температура обжига была от 700° С до 900°С, при этом 2 сосуда были извлечены из зоны термообработки после достижения конечных значений, а 2 оставались в такой зоне и оказались полностью прокаленными.

Определяющими признаками станковой керамики являются наличие на поверхности стенок концентрических линий, оставленных пальцами гончара, обрабатывавшего вращающийся ком глины, и следы гончарного круга на основании сосуда. Подобные особенности встречаются на керамике поселений Мыржик, Кент, Домалактас, Байшура, могильника Тасырбай в Кентских горах, что может свидетельствовать о широком распространении техники изготовления керамики на гончарном круге быстрого вращения. Т.С. Малютина по раскопкам исследуемого нами поселения писала, что данная керамика аналогична среднеазиатской и датировала ее временем Намазга VI. Среднеазиатская посуда найдена на поселениях эпохи бронзы в комплексе с керамикой федоровской, бегазинской, саргаринской и «представлена горшковидными сосудами с бомбовидным или биконическим туловом и с подкосом у дна, глубокими чашами типа «тагора», вазами на полых рельефных ножках с коническим резервуаром». Важно, что среднеазиатская посуда из поселения Шагалалы II представлена как оригинальным импортом, так и местными подражаниями станковой посуде [9, с. 155].

Автор раскопа 2010-2016 гг. Сакинов С. К., приводя процентное соотношение станковой керамики Шаггалалы II, предполагает существование ранних контактов металлургов долины реки Шаггалалы с древнеземледельческими центрами Средней Азии. Данные связи существовали в хронологическом диапазоне от среднего этапа Намазга V до Намазга VI [12].

Таким образом, в эпоху поздней бронзы на поселении Шаггалалы II четко фиксируется технология керамического производства, основанная на

шамотной традиции, а также керамический импорт, что позволяет говорить о существующих контактах шаггалалинцев, возможно родственных, с соседней территорией и с древнеземледельческими центрами Средней Азии. Разнообразие технологических традиций, которые демонстрирует керамика поселения Шаггалалы II свидетельствует о сложных процессах формирования федоровской культуры Северного Казахстана и многокомпонентном составе андроновского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. - М.:Наука, 1978. - 272 с.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения//Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). - Самара, 1999. – С. 5–109.
3. Брайан М. Фаган, Кристофер Р. ДеКорс. Археология. В начале: Техносфера. - Москва, 2007. – 191 с.
4. Бурлаков Г.С. Основы технологии керамики и искусственных пористых заполнителей. – Москва: Изд. «Высшая школа», 1972. – 424 с.
5. Гребенщиков А.В. Рецептуры формовочных масс в практике керамистов урильской культуры // Проблемы технологии древних производств. — Новосибирск: Наука, 1990. - С. 120 - 138.
6. Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. – Алматы: Гылым, 1994. – 207 с.
7. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.:Наука, 1994. – 464 с.
8. Ломан В.Г. Общие принципы выделения историко-культурной информации по данным гончарной технологии // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Астана: Изд-во KulTegin, 2003. – Т. 1. Древние эпохи. - С. 146-151.
9. Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей// Древности Восточно-Европейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. – Самара: Самарский педагогический институт, 1991. – С.141-162.
10. Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево VI // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – №2(12). – С. 115-143.

11. Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. – М.: Наука, 1982. – 210 с.

12. Сакенов С.К. Станковая керамика из поселения Шагалалы II (К вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана:Сарыарка, 2014. – С. 557-567.

13. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. – Л.: Наука, 1983. – 255 с.

ТҮЙІН

Брынза Т.В. Шагалалы II қонысының керамикасы.

Мақалада Шагалалы II қонысы керамикасының техника-технологиялық талдау нәтижелері ғылыми айналымға енгізілген. Жұмыста Шагалалы II қонысынан табылған қыш бұйымдар өндірісі, пластикалық шикізатты іріктеу және дайындау, қалыптау массаларын құю, ыдыстарды құрылымдау, бұйымның беткі өңдеуі жайлы деректер келтірілген. Техникалық және технологиялық талдау жүргізу объектісі ретінде ыдыс қабырғаларының фрагменттері, үстінгі ернеуі мен астыңғы бөліктері алынды.

Кілт сөздер: қоныс, Федоров мәдениеті, керамикалық кешен, Шагалалы, қола дәуірі.

АННОТАЦИЯ

Брынза Т.В. Керамика поселения Шагалалы II.

Статья вводит в научный оборот результаты технико-технологического анализа керамики поселения эпохи бронзы Шагалалы II. В работе приводятся данные по гончарному производству поселения Шагалалы II, дается характеристика по отбору и подготовке исходного пластичного сырья, составлению формовочных масс, конструированию сосудов, обработке поверхностей изделий. В качестве объекта проведения технико-технологического анализа были взяты серии из фрагментов стенок, верхних частей сосудов с венчиками и донных частей.

Ключевые слова: поселение, Федоровская культура, керамический комплекс, Шагалалы, эпоха бронзы.

ABSTRACT

Brynza T. Ceramics of the settlement of Shagalaly II. The article introduces into scientific circulation the results of the technical and technological analysis of the ceramics of the Bronze Age settlement of Shagalaly II. The work presents data on the pottery production of the settlement of Shagalaly II, gives a characteristic for the selection and preparation of raw plastic raw materials, the formulation of molding masses, the design of vessels, and the processing of product surfaces. As an object for conducting technical and technological analysis, series of fragments of walls, upper parts of vessels with coronals and bottom parts were taken.

Keywords: settlement, Fedorov's culture, Ceramic complex, Shagalaly, Bronze Age.

Рис. 1. Поселение Шагалалы II. Керамика

Рис. 2. Поселение Шагалалы II. Керамика позднебронзового облика

Материалы Международной научно-практической конференции 28 сентября 2017 г.

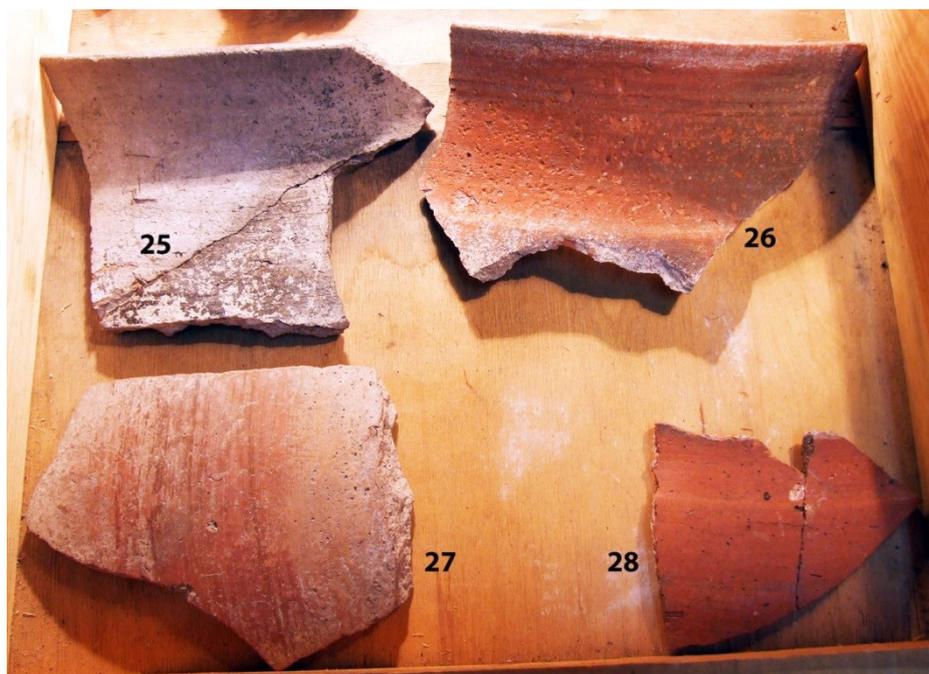

Рис. 3. Поселение Шагалалы II. Станковая керамика

Рис. 4. Поселение Шагалалы II. Керамика. Донные части сосудов

*Хабдулина Марал Калымжановна
кандидат исторических наук,
доцент ЕНУ им.Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан*

УДК 903/904

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ШАГАЛАЛЫ II

Одной из актуальных проблем андроноведения является вопрос о статусе нуринской (федоровской) археологической культуры. Масштабные раскопки поселения Шагалалы II, расположенного на кромке лесостепной и степной полосы Северного Казахстана, предоставляют новые материалы для изучения этой проблемы. Поселение Шагалалы II расположено на реке Чаглинка и известно в археологии как «чистое» однослойное поселение федоровской (нуринской) археологической культуры [16].

Памятник был открыт К.А. Акишевым в период целинных экспедиций 1954-1956 гг. В опубликованном им отчете отмечено, что на территории Кокчетавской области (ныне – Акмолинская область) зафиксировано 7 поселений и 15 могильников бронзового века, свыше 100 курганных могильников кочевых племен [1, с. 15]. На реке Чаглинка им открыто два поселения эпохи бронзы Чаглинка I и Чаглинка II, отсняты их планы [1, с. 17, 18]. Оба поселения находятся на правом берегу р. Чаглинка, расстояние между ними 100 км.

Поселение Чаглинка I расположено в 50 км севернее г. Кокшетау. Именно это поселение исследовал в 1965-1968 гг. А.М. Оразбаев [20, с. 129-146]. На нем раскопано шесть из 16 жилищ земляного типа, получена керамика позднебронзового (саргаринско-алексеевского) облика, сделана реконструкция жилищ, раскопаны первые колодцы андроновского времени, сделан анализ палеозоологического материала [20; 21; 13, с. 269-270].

Поселение Чаглинка II, по описанию К.А. Акишева, «находится на расстоянии 100 км от первого поселения вверх по течению р. Чаглинки, на том же правом берегу в одном километре на север от с. Кенсутколь (Зерендинский район). Оно расположено в 100 м от берегового обрыва и состоит из 7 впадин – остатков от полуземлянок. Каждая впадина занимает площадь от 40 до 160 кв.м. Среди остатков землянок расположены четыре прямоугольные ограды, составленные из врытых на ребро каменных плит. Несомненно, что ограды эти – более позднего времени и сооружены после того, как поселение было заброшено. Поселение, судя

по собранным мелким фрагментам керамики, принадлежит к алакульскому этапу андроновской культуры, а оградки – к поздней бронзе» [1, с. 18].

Предметом нашего изучения как раз является поселение Чаглинка II, названное нами Шаггалалы II (оно же Павловка). Памятник находится в 33 км юго-западнее Кокшетау. Географические координаты: N 53°04'32,8", E 69°00'13,5". Ближайший современный поселок – Кеноткель, находится в 1,85 км южнее. С территории памятника видно село Павловка, расположенное в 3,5 км севернее, на левом берегу р. Чаглинки. По наименованию этого села памятник был назван его первым исследователем Т.С. Малютиной – поселение Павловка. Мы предлагаем именовать его поселение Шаггалалы II [28].

Памятник относится к категории крупных поселений эпохи бронзы. Стрoения его расположены на возвышенной площадке надпойменной террасы правого берега р. Чаглинки. Площадка памятника окружена с запада и юга сопками, с севера и востока руслом реки. Размеры этой территории 240x180 м. Общая площадь памятника около 40 тыс. кв. м.

Река Чаглинка на этом отрезке имеет широкую долину, созданную бесчисленным «меандрированием» русла реки. Видно, что в древности река протекала вдоль подошвы сопки и оставила прогиб, окружающий территорию поселения с запада и юга. Возможно, в эпоху бронзы этот прогиб

был использован для отвода воды из основного русла. И в этом случае, памятник находился как на острове. О существовании этого водного потока свидетельствует овражное углубление, отходящее от реки на юг с восточной стороны надпойменной площадки. На космоснимке видно, что в углу этого мыса расположены развалы четырех строений, которые при визуальном осмотре не фиксируются [29, р. 130].

В исследовании памятника выделяются три этапа. Первый – это начало раскопок поселения в 1983 г., вызванное необходимостью изучения поселенческого объекта федоровской культуры, руководитель раскопок Т.С. Малютина; второй был предпринят в 2003 г. из-за размывания прибрежных участков руслом реки Чаглинки, руководитель раскопок Б.М. Хасенова. Третий, современный этап начался в 2010 г. и до настоящего времени – поселение Шаггалалы II является основным стационарным объектом Есильской археологической экспедиции, и учебным полигоном археологической практики для студентов и магистрантов ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Руководитель раскопок С.К. Сакенов. В 2013-2014 гг. отдельный раскоп на памятнике был заложен Итальянской археологической экспедиции в Казахстане, руководитель раскопок Ж.Л. Бонора [29, р. 116 -117].

На западной половине надпойменной террасы выделяется жилая площадка (90x80 м) с двумя компактно расположенными группами жилищ. Южная группа со-

стоит из четырех крупных овальной формы котлованов, расположенных в один ряд. Жилища ориентированы по линии СВ-ЮЗ (рис. 1). Вторая группа крупных котлованов ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Их всего – 4 с учетом раскопанных в 1983 г. Эти две группы крупных котлованов разделены пространством в 40-50 м, на котором до раскопок фиксировались небольшие западины округлой формы (рис.1). Всего по отчету 1983 г. жилая площадка содержит 14 котлованов и 12 бессистемно расположенных каменных оградок от погребальных сооружений конца бронзового века. Котлованы жилищ имеют обваловку, состоящую из зольника. Нами на основании отчетного текста 1983 г. сделан план памятника с нумерацией жилищ (рис. 1). В общую нумерацию не включены два жилища, раскопанные Т.С. Малютиной в 1983 г. Из крупных котлованов частично исследовано жилище № 8.

Раскоп 2010-2016 гг. заложен в центре жилой площадки вне крупных котлованов. На поселении применяется методика сплошного раскопа с исследованием жилищных западин и межжилищного пространства. Всего вскрыта площадь около 2000 кв. м (рис. 1, 2).

За все годы работ на поселении Шагалалы II раскопано 10 жилых и хозяйственных сооружений. Общим для них является каркасно-столбовая конструкция. Обожженные столбы и плахи фиксируются в придонной части всех строений. Размеры и форма котлованов жи-

лищ свидетельствуют о двух типах жилых конструкций.

На исследованной в 2010-2016 гг. площадке открыты две линии строений, разделенные «улицей» шириной 10 м (рис.2). Южный ряд состоит из трех прямоугольной формы жилищ, ориентированных длинной осью по линии север-юг [24, с. 161]. Два жилища (№ 1, 2) почти смыкаются длинными стенками. Жилище №3 находится в 10 м западнее. Межжилищное пространство занято хозяйственными ямами, колодцами. Здесь же раскопано 4 погребения. Северный ряд строений составляют две наземные конструкции круглой (жил. № 4) и овальной форм (предварительно назван «объект №1»). По мнению автора раскопок, эти строения возникли во второй период обитания поселка. В их раскопах обнаружена валиковая керамика.

Между этими рядами открыта гончарная мастерская. Все жилища имеют выходы, направленные на север, в сторону реки. Выходы тамбурные, угловые. Судя по расположению столбовых ямок, все входные тамбуры имели двери шириной 1,1 м. Это документируется подпяточными камнями, обнаруженными в проеме входов у столбов. Плоские круглые камни в дверной конструкции жилища №3 и гончарной мастерской были даже стерты на глубину до 1 см. Все жилища по периметру окружены зольником шириной до 2 и более метров. Основные находки фрагментов керамики происходят больше из зольников, чем из запол-

нения жилищ. Зольники содержат обугленное дерево.

Три жилища (№ 1-3) относятся к типу полуземляночных, пол находится на глубине 0,8-1,0 м от уровня древней поверхности. Восточнее жилища № 3 расположена хозяйственная площадка. Она включает два колодца и семь хозяйственных ям. Между ними обнаружены 4 могильные ямы.

В интерьере трех жилищ в центре фиксируется очаг в виде скопления камней или золы. Конструкция дымохода обозначена четырьмя столбовыми ямками, расположенными вокруг очага. Сакенов С.К. на основании полевых наблюдений реконструировал конструкцию жилища № 1, имевшего усеченно-пирамидальную четырехскатную кровлю (22, с. 340, рис. 5). Такая архитектура характерна и для остальных исследованных им жилищ и имеет аналогии в конструкции федоровских жилищ [6, с. 22; 14, с. 110-111].

Планировочная структура поселения Шагалаы II позволяет высказать некоторые суждения по организации освоенного пространства. В отличие от традиционной плотной застройки, характерной для поселений эпохи средней бронзы Северного Казахстана, здесь наблюдается разреженная, почти усадебная планировка. Об этом свидетельствуют примыкающие к жилищам хозяйственные постройки. Близкое взаиморасположение позволяет объединить их в отдельные автономные комплексы. Наиболее ярким комплексом является жилище №1 и расположенная

к северу от него гончарная мастерская. Гончарная мастерская трактуется как строение, использовавшееся в летний период. У него отсутствует северо-восточная стенка. Именно к ней ведет выход из жилища №1. Эти два строения составляют единый комплекс. Возможно, продолжением этого комплекса является конструкция, раскопанная севернее гончарной мастерской в 2016 г. Названа С.К. Сакеновым «объект №1» (рис. 2).

До раскопок эта конструкция имела вид овальной впадины размером 16×7 м, вытянута по линии запад-восток. Впадина по периметру окружена зольным валом шириной 1,5-2 м. При зачистке на глубине 40 см выявлено прямоугольное пятно 12×8 м, ориентированное ЮЗ - СВ. В заполнении расчищено скопление каменных плит разных размеров, самые крупные 0,5×0,75 м. Под северной стенкой два зольных пятна с прокалом диаметром 1,5 м. За пределами сооружения, в торцевой стороне, фиксировался мощный зольный слой, вперемешку с обугленными деревом, который первоначально, до раскопок, выглядел как вал. В центральной части противоположной стены также найдено множество скоплений из каменных плит разных размеров, а вдоль стены имеются обугленные бревна, расположенные параллельно и перпендикулярно направлениям стен. За пределами этой стены фиксируется незначительный слой золы.

Керамический материал в основном происходит из зольного слоя и трудно с уверенностью со-

отнести его именно с этим исследуемым объектом. Автор раскопок реконструирует постройку как легкое наземное строение, стены которого были дополнительно укреплены каменными плитами. Внутри нет центрального очага. Возможно, это строение как-то связано с гончарной мастерской. Тем более, что длинный коридорообразный выход мастерской направлен в сторону этой постройки.

Хозяйственная пристройка существовала и у жилища № 2. Это комплекс строений, расположенных между жилищами № 2 и № 3. Возможно, эта пристройка была перекрыта общим навесом. Хозяйственный двор включает два колодца глубиной 2 м и семь крупных хозяйственных ям, расположенных в два параллельных ряда. В каждой хозяйственной яме найдена станковая керамика, фрагменты хумов, кости животных. В яме № 6 обнаружена керамическая подставка под хум, с нанесенными на его поверхности резными знаками [23, с. 567, рис. 6]. В яме № 4 найден бронзовый нож и бронзовый наконечник стрелы.

Интерес представляет стратегическая позиция жилища № 3 и примыкающей к ней хозяйственной площадки. Судя по плану, на котором яма № 6 находится внутри контуров жилища, а ямы № 7 и 8 продолжают общую линию и примыкают к границам котлована № 3, можно утверждать, что жилище № 3 было построено раньше хозяйственной площадки [24, с. 161]. Похоже, оно перестало уже функционировать, когда были выкопаны

колодцы и хозяйственные ямы. Керамическая гончарная подставка (яма № 6), с нанесенными на ее поверхности знаками, имеет соответствия в слое Намазга VI середины II тыс. до н.э. Это косвенно свидетельствует в пользу более ранней, чем вторая половина II тыс. до н.э., датировки жилища № 3. В целом, можно отметить, что этот комплекс примыкает к жилищу № 2 и является единым с ним.

Таким образом, в планировочной структуре поселения эпохи бронзы Шагалалы II выделяются отдельные комплексы «усадебного типа», включающие жилище и хозяйственные постройки. Исследованные на поселении Шагалалы II жилища относятся к двум типам жилых конструкций. Дома, раскопанные в центре поселения, небольшие по площади 27 – 96 кв. м, в то время как дома прибрежной полосы, раскопанные в 1983 г., имеют площадь 162 и 208 кв.м. Они различаются ориентировкой и архитектурой [28].

Жилища, исследованные в 1983 г., совершенно уникальны и отличны от степных домостроительных традиций бронзового века. Дома примыкают друг к другу длинными сторонами и даже имеют общую стенку. Стены их образованы вертикально вкопанными столбами, основание которых закреплено в глубоких канавках. Судя по чертежам – это был сплошной ряд вертикальных столбов [28, с. 54, рис. II, 9]. В центре домов на некотором расстоянии от стен зафиксированы внутренние помещения квадратной формы (9х9 м),

стены которых также возведены из вертикальных бревен, вкопанных в канавки. Архитектурно это были капитальные, монументальные строения двухъярусной конструкции. Нижний этаж использовался как хозяйственный отсек. Верхний ярус - жилой [14, с. 113] (рис. 3).

Стены домов были оштукатурены. Об этом свидетельствуют фрагменты глиняных плиток, расчищенные под упавшими бревнами. На этих плитках сохранились с одной стороны отпечатки волокон дерева с другой следы пальцев от заглаживания. Дома погибли в огне, фиксируются мощные прокалы, уголь. Как отмечено в тексте отчета, «прокалы так сильны, что почти вся керамика и сосуды на полу оказались ошлакованными, превратились в керамзит». Столь сильный огонь связан с конструкцией жилищ, построенных из сосновых бревен, давших сильный жар. Сосновые боры и в настоящее время покрывают сопки и горы Кокшетауской возвышенности.

Комплексный анализ нуринской (федоровской) архитектурной традиции осуществлен Т.С. Малютиной по материалам 30 жилых и производственных построек Южного Зауралья и Казахстана [14, с. 100-127]. Она характеризует топографию, планировку поселков, выделяет два типа построек, указывает площадь жилищ каждого типа, подробно описывает ведущие признаки архитектуры и конструкции жилищ и производственных строений: входы, стены, кровля, строительный материал, внутренний ин-

терьер. Новые материалы поселения Шаггалалы II дополняют и уточняют указанные характеристики и признаки. На примере планировочной структуры поселений Атасу, Кипель сделан вывод, что производственные площадки имеют подчиненное значение и всегда примыкают к жилищам. Данное наблюдение подтверждается и в планировке поселения Шаггалалы II. Важной деталью является многообразие хозяйственных ям, их топография, размеры. Содержимое ям свидетельствует об использовании их как кладовых, емкостей для хранения продукции.

Обнаруженные на нашем поселении погребения людей, отдельные захоронения черепов, младенцев на межжилищном пространстве, на территории хозяйственных площадок свидетельствуют о сложной системе ритуалов нуринского населения. Такие детали являются всеобщими и выделены Т.С. Малютиной в качестве одного из признаков федоровской (нуринской) культуры [14, с. 107].

Общим для всех жилищ поселения Шаггалалы II является гибель в огне. Независимо от архитектуры и конструкции все они оставлены из-за пожара. В культурном слое жилищ зафиксированы обожженные бревна и основания обожженных столбов. Все жилища окружены мощными зольниками. Это очень интересная и загадочная ситуация, которая может свидетельствовать о преднамеренном пожаре. На полу жилищ остались вещи и сосуды, или развалы сосудов. Найдены целые сосуды, по-

ставленные вверх дном (жил. № 1, 8). Факт одновременного огня может свидетельствовать об однослойности памятника.

Результаты исследования поселения Шагалалы II позволяют осветить некоторые теоретические аспекты изучения проблем нуринской культуры: такие как, современные представления содержания термина нуринская культура, ее датировка и культурогенез. Проблема изучения культурогенеза, в свою очередь, распадается на выяснение истоков генезиса нуринской археологической культуры, территорию ее сложения, механизм проявления контактов, пути и время миграций.

Термин *нуринский* появляется в 1966 г., как название этапа региональной периодизации андроновской культуры [17]. Уже в то время было понятно, что нуринские керамические комплексы Центрального Казахстана имеют локальное своеобразие, отличающее их от федоровской керамики Южного Зауралья и Сибири. Введение термина «нуринский» для андроновских комплексов центра казахских степей предполагало свои закономерности культурного развития. В дальнейшем термин получил распространение в казахстанской археологии. Были предприняты первые обобщения и характеристики нуринской культуры, как особой культуры, отличающейся от федоровской и атасуской [4, с. 30-39; 26, с. 26-30; 27, с. 155]. Классических признаков не так уж много. Они представлены комплексом женских украшений, в орнаментации керамики – «косой» заштрихованный

треугольник и желобки, отличия от атасуских комплексов наблюдаются в гончарной технологии и металлообработке.

Проблема происхождения нуринской культуры. Масштабные исследования синташтинско-петровских памятников привели к обоснованию концепции происхождения алакульской культуры из синташтинской [7, с. 45; 3, с. 122-123]. Алакульская культура рассматривается как отдельная культурная общность, имеющая сходство со срубной культурой. Поэтому, по мнению ряда ученых, более правомерно на территории Южного Приуралья и Зауралья выделение срубно-алакульской общности. Т.е., алакульская культура оказалась узким территориальным образованием. На всей остальной территории, известной как территория андроновской общности, распространены федоровские и синкретичные алакульско-федоровские памятники. Из этого следует, что федоровская культура охватывает весь основной ареал андроновской общности.

Осмысление такой ситуации началось в 70-е годы и привело в конце 90-х годов XX в. к формированию гипотезы – собственно андроновскими считать только федоровские памятники [25, с. 132; 8, с. 207].

Сложилась проблемная ситуация, связанная с содержанием термина «андоновская культурно-историческая общность». Из ее состава были выведены раннеалакульские культуры (синташта, петровка) и ее верхний хронологиче-

ский диапазон ограничен началом истории общности культур валиковой керамики. Тогда получается, что единственное культурное образование, которое охватывает временные рамки всей андроновской культурно-исторической общности – это нуринская (федоровская) культура. Поэтому часть исследователей считает правомерным именно нуринскую археологическую культуру считать в качестве андроновской. Остальные компоненты андрона относить к отдельным самостоятельным родственным культурам.

Комплекс признаков федоровской культуры сформирован на сопоставлении и сравнении с признаками алакульских памятников конкретной узкой территории Южного Зауралья и позднее был распространён на весь ареал андроновской общности. Поэтому можно утверждать, что известные нам признаки федоровской (нуринской) культуры – это не истинные, реальные её черты, это – признаки, искажённые пребыванием и ассимиляцией федоровских (нуринских) племен в инокультурной алакульской среде.

В проблеме происхождения нуринской культуры неоднократно отмечалось, что истоки её следует искать в энеолите и ранней бронзе Восточного и Центрального Казахстана [11, с. 118]. В литературе предложено несколько моделей культурогенеза нуринских племен.

По концепции А.А. Ткачева нуринская культура сложилась в Верхнем Прииртышье на канайской подоснове, возникшей в XVIII-

XVII вв. до н.э. «в рамках энеолитической общности культур геометрической керамики» [26, с. 33-34; 27, с. 157-158]. Отсюда начинается радиальная миграция андроновско-канайского населения, которая привела к появлению памятников с федоровскими чертами на всей территории от Урала до Енисея и далеко на юге, в Средней Азии. В Центральном Казахстане слияние канайских мигрантов с автохтонным населением сформировало нуринскую культуру.

О.Н. Корочковой обоснована модель доандроновского культурогенеза на основе сейминско-турбинского феномена (Рудный Алтай) [9]. Возникший на Рудном Алтае самостоятельный очаг сейминско-турбинской металлургии мог стимулировать развитие канайских племен, которые, вне сомнения, оказывались в зоне их культурного воздействия. Это и вызвало активные перемещения андроновско-канайских племен, обладавших более передовыми хозяйственными и культурными достижениями. О федоровской металлообработке, отличающейся от алакульской, пишет С.А. Григорьев. «Федоровские металлурги непосредственно знакомы с сейминско-турбинской металлообработкой» [2, с. 344]. Это замечание подкрепляет гипотезу восточноказахстанского начала культурогенеза нуринских племен.

Существует и миграционная модель происхождения федоровской культуры вследствие проникновения древних общин с территории Передней Азии и Южного Закавказья. Маршрут продвижения

федоровских племен в Южное Зауралье проходит через Восточный Казахстан и Среднюю Азию [2, с. 354].

Это современные теории и модели культурогенеза нуринской общности. Обоснование и дальнейшее развитие любой из предложенных моделей связано с накоплением источников и прежде всего исследованием однослойных поселений. По-нашему мнению таким памятником является поселение Шаггалалы II. Главным объектом анализа должны стать стратиграфия жилищ и керамика. Многослойность памятника, несмотря на замечания его исследователей о строительных горизонтах, не вытекает из планиграфии раскопанных жилищ. Присутствие в керамическом комплексе редких экземпляров петровской керамики и валиковой посуды не является чуждым для поселенческой посуды бишкульского типа. Случаи сочетания этих групп керамики в закрытых комплексах неоднократно отмечались исследователями. Гораздо больший интерес вызывает довольно значительный процент среднеазиатской станковой посуды и ее влияние на характеристику нуринской культуры.

В настоящее время мы располагаем статистическим анализом керамического комплекса, выполненного Т.С. Малютиной по раскопкам 1983 г. Коллекция раскопов 1983 г. содержит более 4 тыс. предметов и состоит в основном из керамики. На дне двух жилищ обнаружено 11 целых сосудов. В керамическом комплексе Т.С. Ма-

лютина выделяет две группы керамики: федоровскую (82%) и гончарную среднеазиатскую (12%). Среди федоровской группы посуды Т.С. Малютина вычленяет две подгруппы: «павловскую», сочетающую в себе яркие черты классической федоровки и среднеазиатской гончарной керамики. Вторая подгруппа – это бишкульский тип, известный как бытовая поселенческая посуда нуринской культуры [6, с. 22, 112-113; 15, с. 151- 155].

Присутствие в культурном слое поселений станковой среднеазиатской посуды – распространенное явление в памятниках степной бронзы. Но чаще гончарная посуда встречается в более поздних комплексах саргаринско-алексеевского времени. В свою очередь лепная керамика андроновского облика представлена в культурных слоях поселений эпохи бронзы Передней и Средней Азии. Это взаимопроникновение отражает картину исторических контактов степных и южных земледельческих цивилизаций [11, с. 229-231; 18, с. 72-77].

Относительно механизма привнесения высказываются мнения о торгово-обменных связях. Несколько иную трактовку позволяют высказать материалы поселения Шаггалалы II. Три факта культурного слоя Шаггалалы II свидетельствуют о непосредственном и длительном проживании здесь представителей среднеазиатских оазисов. Это архитектура жилищ № 1, 2 (1983 г.), гончарная мастерская и выделенный Т.С. Малютиной синкретичный «павловский» тип посуды.

Архитектура жилищ, раскопанных в 1983 г., наиболее ярко сочетает в себе традиции домостроительных стандартов степного населения эпохи бронзы и южных земледельческих регионов. К числу первых следует отнести каркасно-столбовую конструкцию, углубление в грунт (0,3-0,5 м), планировку и направление входов. Инокультурные традиции выражены в оформлении интерьера жилищ: выделении специальных хозяйственных помещений с глубокими хозяйственными ямами с глиняными сводами, глиняная штукатурка стен, переносные керамические очажные подставки [14, с. 104-106, 110-115; 2, с. 321]. Ярким признаком южного домостроительства является двухярусность жилищ, перекрытие кровли в стиле «чорхона». Столь яркое сочетание свидетельствует о длительном проживании групп земледельческого населения на поселении Шагалалы II.

Не менее уникально открытие отдельной постройки со следами специализированной производственной деятельности – гончарной мастерской. В конструкции каменных емкостей и находках отражен промежуточный технологический процесс по изготовлению станковой керамики из местного сырья. Фрагменты и развалы таких грубо изготовленных сосудов обнаружены внутри постройки [24, с. 164, 168].

Это открытие логично объясняет присутствие синкретичной посуды, выделенной Т.С. Малютиной как «павловский» тип. Посуда изящная, тонкостенная, вазовидной

формы. Ее происхождение является результатом синтеза двух гончарных традиций: степной нуринской и среднеазиатской древнеземледельческой [15, с.154-155]. Такое смешение возможно только при длительном совместном проживании не одного поколения гончаров. Результатом длительных культурных контактов является создание новых образцов посуды, своеобразных «сервизов» смешанного облика, изготовленных для знати нуринского общества. К таким относится «павловская» группа керамики. К кругу аналогичных гончарных опытов принадлежит суперстратный компонент бегазы-дандыбаевской керамики, которую В. Г. Ломан предлагает называть «дандыбаевской» по месту первой находки [12, с. 250-253].

Эти факты позволяют утверждать местное (степное) изготовление станковой посуды и крупных хумов. Еще одно свидетельство местного изготовления приведено А.С. Ермолаевой при анализе керамического комплекса могильника Измайловка. В ограде 27 найден станковый кувшин, который имеет «местное глиняное сырье, изготовлен на круге, но не обожжен, просто просушен, поэтому был не транспортабелен. Иными словами, привозной была не посуда, а мастера ее готовившие» [5, с. 110].

В истории нуринской культуры выделяют три периода, каждый из которых характеризуется своими особенностями керамического комплекса [27, с. 156-157]. Е.Е. Кузьмина относил поселение Павловка (Шагалалы II) к позд-

нефедоровскому времени [11, с. 238]. Дальнейшие анализы и статистические подсчеты позволят уточнить внутреннюю хронологию и длительность существования поселения.

По современным данным, нуринская культура датируется второй четвертью II тыс. до н.э. В настоящее время получены большие серии радиоуглеродных дат для всех этапов бронзового века Южного Зауралья и ряда других территорий [10, с. 187; 19, с. 142,

рис. 2]. По ним и, прежде всего, калиброванным датам Лисаковских могильников, алакульский период датируется XVIII-XVI вв. до н.э. В этот же интервал входят федоровские и синкретические алакульско-федоровские памятники [10, с. 203, 190].

Таким образом, поселение Шагалалы II интересный памятник, имеющий ключевое значение в изучении степной бронзы и решении многих проблем нуринской археологической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН Каз ССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. – Т.7. – С. 3-31.
2. Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Т.1. Каменный век. Эпоха бронзы. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – С. 241-409.
3. Григорьев С.А. К проблеме формирования алакульской культуры Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI всерос.науч.конф. – Челябинск, 2015. – С. 119-124
4. Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.
5. Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы-раннее железо). – Алматы, 2012. – 238 с., илл.
6. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 184 с.
7. Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы: Научный доклад в виде дис. ... д. ист.наук. – Челябинск, 2002. – 55 с.
8. Корочкова О.Н. К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). Сб. статей. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 202-211
9. Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика: Автореф. дис. ... уч. степ. докт. ист.наук. – Москва, 2011. – 37 с.
10. Кочевая прародина индоевропейцев . – Алматы: «Остров Крым», 2014. – 442с.
11. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: «Вост. литература», 1994. – 464 с.

12. Ломан В.Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Далалық Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2013. – С. 247-259.

13. Макарова Л.А. Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 201-206

14. Малютина Т.С. Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск, 1990. – С. 100-127.

15. Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. – Самара: Самарский педагогический институт, 1991. – С.141-162.

16. Малютина Т.С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 27 с.

17. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбанв А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966. – 435 с.

18. Массон В.М. О продвижении носителей культур степной бронзы и процессах культурогенеза в древней Средней Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в 3-1 тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск-Аркаим, 1999. – С. 72-77.

19. Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.Е. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Том 13, вып.3: Археология и этнография. – С. 136-167.

20. Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – С. 129-146.

21. Оразбаев А.М. Колодцы на поселении Чаглинка (Шагалалы) // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 154-162.

22. Сакенов С. К. Археологические работы на поселении Шагалалы II (Павловка) в 2010 году // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. – С. 335-337.

23. Сакенов С.К. Станковая керамика из поселения Шагалалы II (К вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей – Астана, 2014. – С. 557-567.

24. Сакенов С. К. Мастерская на поселении Шагалалы II (Павловка) (предварительные итоги исследования) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI всерос. научн. конф. – Челябинск, 2015. – С. 160-169

25. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М.: Наука, 1972. – 168 с.

26. Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... уч. степ. д. ист. наук. – Москва, 2003. – 50 с.

М.К. Хабдулина

27. Ткачев А.А. К вопросу о соотношении нуринских комплексов Центрального Казахстана // Маргулановские чтения – 2011: материалы междунар. археол. конф. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 155-159.

28. Хабдулина М.К., Тлеугабулов Д.Т., Брынза Т.В., Билялова Г.Д., Кучеров П.Ю. Исследование памятников бронзового века в Акмолинском Приишимье (Поселение Шагалалы II). – Астана: ИПТК "Глобус", 2017. – 192 с.

29. Bonora G.L. and Sakenov S.K. A Topographical and Stratigraphical Periploous around the Bronze Age Settlement of Shagalaly II (Pavlovka), Akmolinsk region, Kazakhstan // Маргулановские чтения – 2014: мат-лы междунар. научно-практич. конференции. – Алматы-Павлодар: ЭКО, 2014. – С. 107-131.

ТҮЙІН

Хабдулина М.К. Шагалалы II қонысындағы зерттелу жұмыстарының кейбір нәтижелері. Мақалада нұра мәдениетіне жататын Шагалалы II қонысының зерттелу жұмыстарының нәтижелері туралы айтылған. Ескерткіштің ашылу тарихы мен зерттелу тарихы қысқаша берілген. Қоныста 2000 шаршы метрге жуық аудан ашылды. «Үй-жайлық түріндегі» құрылыс жобасы негізделген, бұл кешенге тұрғын үй мен шаруашылық құрылыс кірген. Соңғылардың қатарына қыш ыдыс шеберханасы мен тамақ сақтайтын ірі шаруашылық шұңқырлары, құдығы бар аула кіреді. Шагалалы II қонысындағы оңтүстіктен егінші тайпалардың мекен еткенін ірі екі қабатты тұрғын үйлердің архитектурасы мен станокты қыш ыдыстар дәлелдеп растайды. Жаңа көміртекті сараптамалар нұра мәдениетін б.з.д. XVIII-XVI ғғ. жатқызады. Бұл уақытпен далалық қола дәуірі тұрғындарымен Орта Азия егіншілік өркениеттерінің тұрғындарымен мәдени байланысын мерзімдеуге болады.

Түйін сөздер: Қола дәуірі, Шагалалы II, нұра мәдениеті, тұрғынжай, керамика, шеберхана.

АННОТАЦИЯ

Хабдулина М.К. Некоторые результаты исследования поселения Шагалалы II.

В статье изложены некоторые результаты исследования поселения нуринской культуры Шагалалы II. Кратко дана история открытия и история изучения памятника. На поселении вскрыто около 2000 кв. м. Выделен «усадебный тип» планировки, при котором в единый комплекс входят жилища и хозяйственная постройка. К числу последних относится гончарная мастерская и двор с колодцами, застроенный крупными хозяйственными ямами для хранения пищевых запасов. Свидетельством обитания на поселении Шагалалы II пришлых с юга земледельческих племен являются архитектура крупных двухярусных жилищ и станковая керамика. Новые радиоуглеродные даты относят нуринскую археологическую культуру к XVIII-XVI вв. до н.э. Этим временем можно датировать культурные контакты населения степной бронзы с южными земледельческими цивилизациями среднеазиатских речных бассейнов.

Ключевые слова: Эпоха бронзы, Шагалалы II, Нуринская культура, поселение, керамика, мастерская

ABSTRACT

Khabdulina M.K. Some results of the study of the settlement of Shagalaly II.

The article contains some results of the study of the settlement of the Nura culture of Shagalaly II. Is given a brief history of the discovery and history of the study of the monument. At the settlement, about 2000 sq. m. A "manor type" of planning has been singled out, in which dwellings and an economic building are included in a single complex. The latter include a pottery workshop and a courtyard with wells, built up with large pits for storing food supplies. The evidence of the inhabitation of the agricultural tribes in the settlement of Shagalaly II from the south is the architecture of large two-tier houses and easel ceramics. New radiocarbon dates include the Nura archaeological culture by the XVIII-XVI centuries BC. This time it is possible to date the cultural contacts of the steppe bronze population with the southern agricultural civilizations of the Central Asian river basins.

Key words: The Bronze Age, Shagalaly II, nura culture, dwelling, ceramics, pottery workshop.

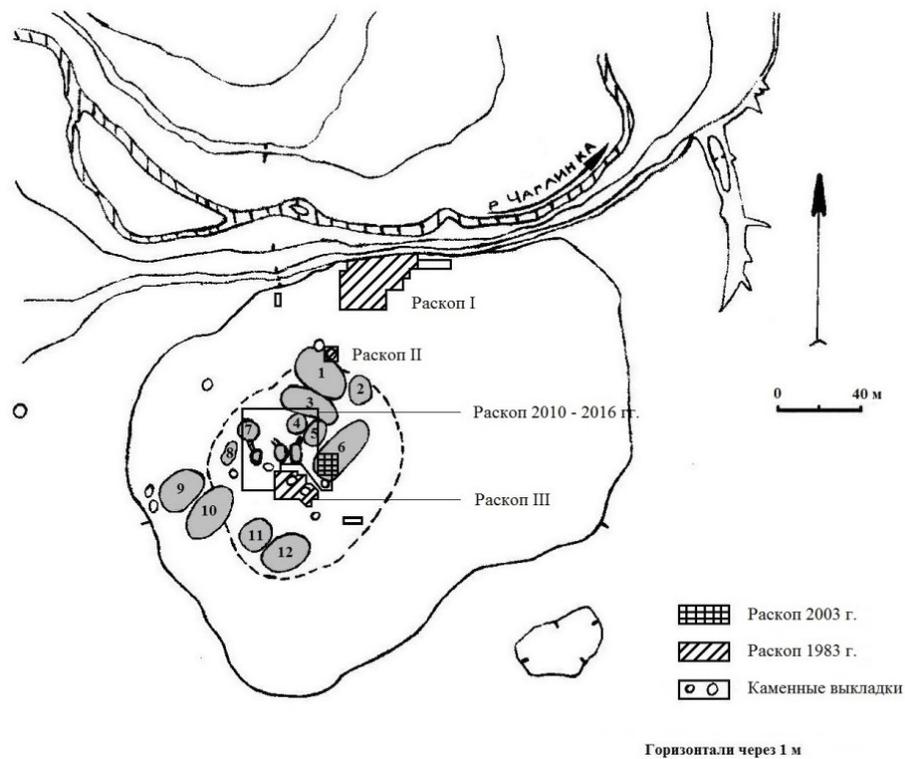

Рис.1. Поселение Шагалалы II. Топографический план.

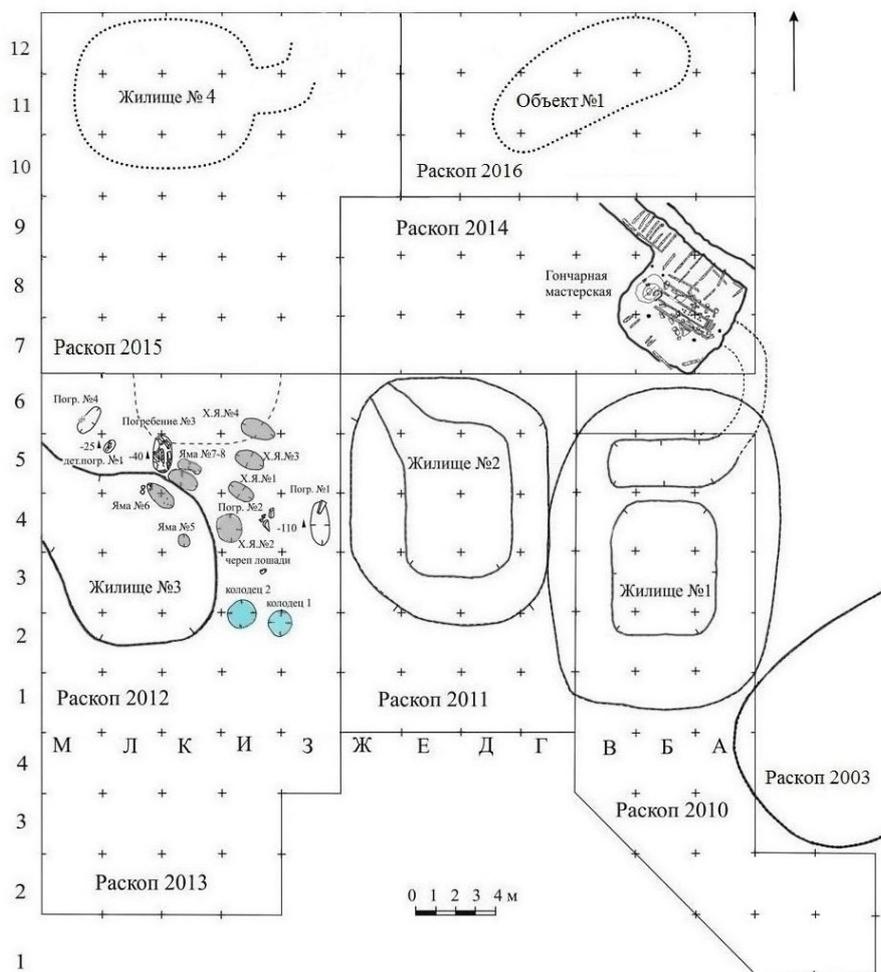

Рис. 2. Поселение Шагалалы II. Сводный план раскопа

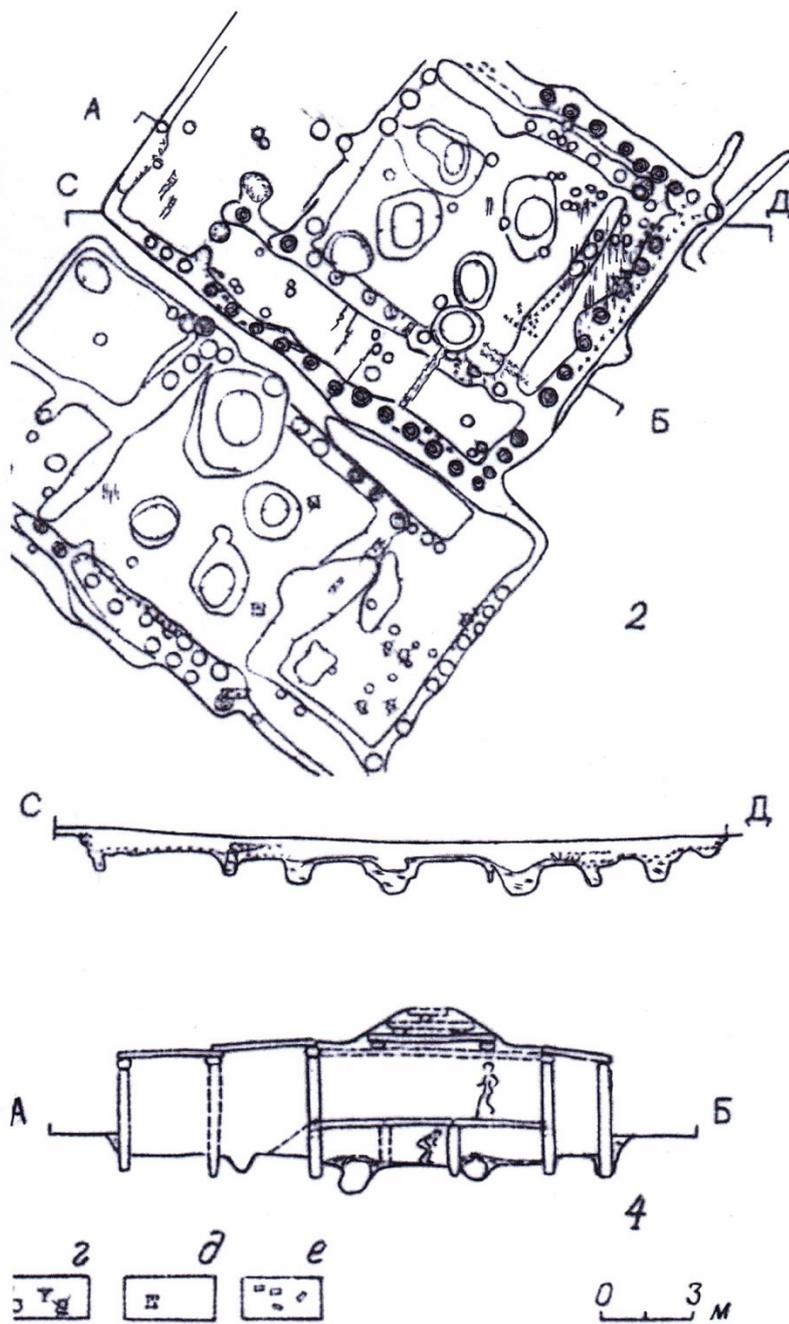

Рис. 3. Архитектура жилищ, исследованных в 1983 г. [по Малютиной, 1990, с. 113, рис.2]

Билялова Гульзат Дулатовна

*научный сотрудник НИИ археологии им. К. Акишева, докторант
PhD 1 курса*

*ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан*

*Юмакаева Эльвира Альбертовна
студентка 3 курса*

*ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан*

УДК 903/904

**MODELING OF THE DIET AND FOOD RATION OF THE
POPULATION OF THE BRONZE AGE IN NORTHERN KAZAKHSTAN
ACCORDING TO ARCHEOLOGICAL SOURCES**

The need for food is one of the basic biological needs of human. Our diet reflects the degree and form of adaptation to environmental conditions. The main areas of human activity (gathering, hunting, fishing, farming, cattle breeding) are determined by the diversity and availability of bi-resources.

Thus, reconstructing the economic systems of antiquity requires the necessity to rely on various types of sources containing information on the relevant elements, and to use various methods in studying faunistic and plant remains [12, С. 9-10].

Over the past decades, the study of the paleodiet of ancient societies has become one of the topical areas in a number of sciences, including archeology. In the study of the diet, the most common and traditional method is the analysis of a stable carbon isotope to identify the remains of ancient animals and plant organic molecular compounds.

In order to obtain full information on the structure and species composition of cattle the following

analyzes are used: the theriological, malacological, cladocernic, paleoentomological, etc. At the same time, osteological data allows to restore the composition of domestic animals, species diversity of wild fauna, landscape and climate picture and dynamics of their relationship with the environment [4, с. 269]. Therefore, the method of biometric and statistical processing is still widely used and, sometimes even, the most preferable.

In the study of agriculture, such common paleobotanical methods are used, such as: the dynamic Lyell's principle of paleocarpology, spore-pollen analysis of palynology, phytolitic analysis, and others.

Since the second half of the 20th century, active links between domestic and foreign scientific institutions have been established. In this regard, it became possible to conduct extensive complex archaeological research using various interdisciplinary methods. At the moment, modern Kazakhstan archeology has a number of vivid examples of the successful application of natural scientific methods

of analysis in the study of food rations of ancient societies.

One of the first large and revealing paleo-dietic studies was carried out in the eneolithic settlement of Botay. A series of various paleozoological and paleobotanical analyzes was carried out. For example, spore-pollen analysis of modern and fossil spectra of Northern Kazakhstan [13, С. 398-406] and analysis of organic residues from scrapes of clay vessels found using $\delta^{13}\text{C}$ and δD fatty acids, which showed traces of mare's milk (kumys) [11, p. 134].

Techniques for identifying absorbed lipid residues in archeological pottery are widely used in modern Europe. The same methods are applied in the study of similar residues in Kazakhstan [8, с. 159]. For example, fats residues in ceramic products from the Kent settlement [8, с. 160] were identified with using high-temperature gas chromatography GC and gas chromatography / mass spectrometry (GC / MS). As a result of the analyzes it was established that dairy farming with the use of ruminants was conducted in Kent settlement.

In the framework of the study of the Early Iron Age of Kazakhstan, studies were recently carried out on the monuments of the Tasmolinsk archaeological culture. For isotopic analysis, data from 30 objects were used. Based on the results obtained, Beisenov A.Z. draws conclusions about the use of millet in a "native cattle-breeding" region, such as Central Kazakhstan. He also notes that in general there is the inadequacy of studies of the economic structure and

diet for the Early Iron Age of Kazakhstan [7, с. 226].

Paleobotanical methods of research helped to obtain surprising data on the agriculture of the settlement of the Early Iron Age of Tuzusai, located in Semirechye (South-East Kazakhstan). In 1995, some samples of opaline silicates were presumably identified as *Oryzasativa* husks, or rice seed (rice domesticated) [10, с. 107]. These results were confirmed by further research. Thus, this discovery can be interpreted as an example of the import of cereals from the desert oases of Central Asia or, in the author's opinion, rice was grown from ancient times and used in food in the territory of the Semirechye.

All of the above studies once again prove the importance of studying the paleodieta for the most complete and complex historical reconstruction of past ancient societies. Based on this, in this study, we have the goal of conducting a comprehensive assessment of the structure of the diet of the ancient population of Northern Kazakhstan, using archaeological finds which characterize the main directions of the cultural-economic type of activity. This information can be obtained by analyzing the archeological artifacts found in the settlements of the Bronze Age of Northern Kazakhstan Shagalaly I (Chaglinka) and Shagalaly II (Pavlovka). However, it should be noted that archaeological evidence of the Bronze Age of Northern Kazakhstan, related to human nutrition, is presented in small numbers, and do not have a qualitative variety.

In order to facilitate the collection and analysis of a large amount of information with subsequent reflection on the paleo-diets of the Bronze Age, the entire food ration was divided into the main components, namely: meat, fish, dairy products, agricultural products.

Meat. The most complete information on the economy and nutrition of people, who inhabited Northern Kazakhstan during the Bronze Age, can be judged by osteological material that indicates the main types of trade animals in the appropriating farms or the composition of the herd in cattle-breeding and complex farms. Paleozoological remnants can approximate the actual ratio of the animals produced or the composition of the herd in the producing economy.

The osteological material collected on the monuments of the early stage of the Bronze Age makes it possible to say that the main occupation of humans in the territory of Kazakhstan at that time was homestead pastoral cattle breeding. In the herd cattle predominated. Important importance also had small cattle (goats, sheep). This statement is also true for the territory of Northern Kazakhstan.

In the field season of 1983 on the monument of Shagalaly II, the first stationary research was conducted under the direction of T.S. Malyutina. When the stone structure No. 3 was cleaned, the jaw of the cow and two blades were found in the filling of the adult skeleton beneath the plate [2, c. 22].

In 2010, during the excavating the corridor of dwelling No. 1, bones of the sacrificial animal (cattle) were

found. In the solitary layer of the same dwelling were found: a sheep bone, a bronze chisel, a bronze knife, a grindstone. The bronze knife is narrow, 17.5 cm long. The handle is 11.5 cm long, rod-shaped, bent at an angle of 30°. On the reconstruction of S.K. Sakenov, a bronze knife had a wooden or bone handle. The knife was found stuck in the tubular bone of the sheep [3, c. 26].

As another argument in supporting of our assumptions about the species composition of livestock in the settlement of Shagalaly II, it is possible to cite the data on the fauna of synchronous monuments. This settlement of Shagalaly I, located 100 km downstream of the Chaglinka River. In 1970, L.A. Makarova published a preliminary report on the composition of the paleozoological findings of this monument. Osteological material in the amount of 686 bones belonged to cattle, horses and small cattle (sheep and goats) [4, c. 269]. Bone remains of cattle were found in all six excavated dugouts and, judging by the collected material, make up the largest number in comparison with the remains of other animal species [4, c. 270]. Based on the study of the bone remains of a horse, it was suggested that the ancient Chaglin horse was a large breed, the closest in size to some wild fauna that existed at that time in northern Kazakhstan [4, c. 274]. Together with other bone remains of animals, different and quite numerous bones of small cattle (small stock) were found in the settlement. Unfortunately, their safety is very poor, they are represented in most fragments of different parts of

the skeleton, which, of course, is the result of the destruction of bones by using meat for food. Moreover, these animals, as evidenced by most tubular bones without epiphyses, were eaten at a young age. The author points out that it is difficult to judge by the available few and very fragmentary bones what kind of small cattle prevailed - sheep or goats. But still, the data from a small number of bones shows that the sheep quantity was larger [4, с. 275].

Based on the above conclusions, L.A. Makarova concludes that, judging by the number of bones, cattle made up a half (51%) of domestic animals in the settlement of Chaglinka [4, с. 275]. A similar pattern is also observed in the synchronously existing settlement of Shagalaly II.

According to the results of the published in 2013 analysis of the stable isotope carbon of modern reference animal fats from Northern and Central Kazakhstan, it was found that in the Bronze Age in this area, ruminant meat was cooked in the dishes, despite the fact that there are very few signs that horse meat was used in food from ceramic dishes. This evidence points to the management of a cattle-breeding farm largely based on the use of meat and dairy products from ruminants, and horses were used mainly for horse riding and as draft power, and not as a food source [8, с. 159-160].

Also do not forget that while reconstructing the diet of ancient people, it is necessary to pay attention to the existing natural and climatic picture of the period under consideration. Zaibert V.F. studying the Ural-Irtysh

interfluvium noted that the sudden sharp aridization in the region at the end of the III - beginning of the II millennium caused a crisis of ecological niches [13, с. 323]. The flow of these processes can be considered as a possible cause of the increase in the role of cattle in the household, which once again proves the conclusions of Makarova L.A.

Summarizing all the above, judging by the osteological materials obtained from the settlements of Shagalaly I and Shagalaly II, it is possible to speak about the significant presence of domed fauna, mostly large and small cattle. The proportion of bones of other fauna (birds) is absent or not preserved.

Fish. In the settlements of Shagalaly I and Shagalaly II of the Bronze Age of Northern Kazakhstan infrequent, but occasionally there are objects related to fishing. As a rule, these are single examples of bronze hooks, wires, sinkers. For example, Malyutina T.S. found a product made of a square rod. The upper part is framed in the form of a hook. The length of the product is 4.6 cm [2, с. 18]. In the cultural layer of the settlements there are stone sinkers [1, с. 43].

Since the settlements are on the right bank of the Chagalala river, it is likely that the ancient population also used bioresources of the river in their diet. Bone remains of fish were not found. The reason for this probably was their poor preservation in the cultural layer and the impossibility of carrying out a more complete analysis.

Dairy. In 2003, due to the emergency condition of the monument of Shagalaly II, the cultural layer of which was eroded by the riverbed, the team of the Ishim stationary archeological expedition under the leadership of K.A. Akisheva and B.M. Khasanova continued excavations of the dwelling in the settlement. In the cultural layer of the dwelling small bronze things were found, products made of bone, stone, clay and in a large number of fragments of ceramics [1, с. 43-45]. One of the mysterious finds is the product of an obscure destination. The thickness of the wall and the bottom are the same – 9 mm. The wall slightly curls inwards. The height of the wall is up to 7 cm. The bottom is covered with chaotically located through holes, not completely done. [1, с. 44]. The average diameter of the holes is 2 mm. Perhaps this object is a sieve for cooking cottage cheese (?). And it points out the use of dairy products in the diet of the population of the Bronze Age of Northern Kazakhstan.

Also, the presence of this type of food indicates the predominance in the composition of cattle ruminant animals. Milking ruminants (cattle and goats) were a very important component of the economy of the late Bronze Age of Kazakhstan, since most of the vessels tested shows a significantly reduced value of $\delta^{13}C$, which should be associated with dairy products.

Products of agriculture. On the availability of the described type of food archeology can judge by the subjects associated with the storage and preparation of food. Usually it is clay

and metal utensils. Macro-residuals in containers, as well as chemical analyzes of fines, allow to reconstruct the products and the main ingredients during preparation.

In 1983, in the excavation of the first settlement of Shagalaly II, two whole stone pestles were discovered [2, с. 18]. One of them (11 cm in height) is irregularly shaped, poorly polished, the working surface is rectangular, and it has cracks. The second pestle has regular rectangular well polished facets, on the top there is a groove for tying and a round shoe. In addition to this, two large grain containers were found, with overall dimensions of 30 x 25 cm. Many fragments of large rectangular plates, with traces of processing and grinding. The work surface has traces of clogging. Various abrasives, pestles, polishers (10 pieces) for the most part of small sizes and strongly rubbed. Among the bronze items there are a fragment of a wrecker, a knife with an emphasis, a hook with a bush and a carnation. Excavation III, among other things, gave three stone pestles and fragments of treated stone slabs [2, с. 23].

Two north-western walls of the dwelling were found. The first is the navicular form made of light brown granite, the thickness of the working surface is 3 cm. The second one is made of dark brown granite, the dimensions are 30x40 cm, and the thickness is 9.5 cm [1, с. 45].

In the cultural layer of the settlement of Shagalaly II, about 12-15% of easel ceramics of different sizes and shapes occur among the variety of stucco ceramics. Attention is drawn to

the stratigraphic position of easel ceramics with respect to locally produced ceramics. Basically, easel ceramics was recorded inside special economic (housewifely) pits, which were located on the territory of a covered farm building adjacent to the dwelling [5, с. 560]. The pits, in which fragments of Central Asian dishes were found, were of different shapes (round, oval) and dimensions, which was due to the size and shape of a vessel.

In the pits of the wells the thick-walled fragments of ceramics, made on a potter's wheel, were found. Characteristics of the pits filling indicate the storage of agricultural and cattle-breeding stocks (Table 1) [5, с. 561]. Speaking about the distribution of millet in Kazakhstan, it can be noted that according to isotope data from previous studies, its consumption was recorded in the southeast of Kazakhstan from around the 18th century BC, and in Central Kazakhstan since the end of the Bronze Age.

During the field season of 2013, soil samples were taken to study fossil and modern spores (lichens and mosses), as well as pollen (flowering and tree plants). Samples of the probes were studied in the laboratory of the Institute of Geological Sciences named after K.I. Satpayev by palynologist S. Nigmatova. The results of the analysis showed the predominance of wormwood (Latin *Artemisia*), trilobate (Latin *Trilobate*) and, most notably, bluegrass, or gramineous (Latin *Poaceae*) (Picture 1) [6, p. 122].

The presence of the latest can directly indicate the presence of an agricultural orientation in the economy of

the Bronze Age. However, as the author of the study, Jean Luca Bonora, notes, the hilly relief of the region of the upper course of the Chaglinka River is not suitable for melioration and plowing with large areas. Therefore, it is more appropriate to speak about the minor role of agriculture in the clearly cattle-breeding farm of the settlement of Shagalaly II (Table 1) [6, p. 122].

As a result, it can be noted that a large number of isotope studies of the diet of ancient societies have been carried out on the territory of Siberia and the Eurasian steppes. These findings are also applicable to Kazakhstan. In general, with reference to the Eurasian steppes, the main findings of these studies are as follows:

- up to the middle of the Bronze Age, people's diet was based exclusively on C3 resources, i.e. did not include millet;

- presumably, the fish played an important, though not universal, role in the nutrition of many groups. This is confirmed by archaeological finds related to fishing;

- the climatic factor (aridity) exerted a strong influence on the isotopic values of humans and animals, this was especially reflected in the increase of $\delta^{15}N$ with a decrease in the humidity of the region [9].

According to the reconstruction carried out, it is possible to judge that for the population of the Chaglinka River watershed is characterized by a complex type of farming, that is, the ancient population was engaged in parallel as cattle breeding, farming, fishing, hunting, and craft (presumably metallurgy).

The food was meat, fish, milk, vegetable. Their balance was not the same depending on the season of the year, the historical situation, the level of well-being of the ancient communities. The increase in the meat ration was associated with a period of transition from the prerequisite to the productive system of the economy, which coincides with a sharp moistening and periodic cooling in northern Kazakhstan and the adjacent territories at the end of the III - beginning of the II millennium BC. Continental climate and weather changes have caused unevenness in the annual cycle of meat consumption. Larger – the bulk of an-

nual consumption came in the cold, less - in the warm season. Fish, quarry, milk computed a lack of meat ration, and vegetable food balanced the total amount of calories, vitamins and other biocomponents necessary for the human body.

Thus, our study of the diet and food ration of the population of the Bronze Age of Northern Kazakhstan according to archeological sources from the settlements of Shagalaly I (Chaglinka) and Shagalaly II (Pavlovka) indicates a clear predominance of meat and dairy, a secondary vegetable role and a negligible share of fish food.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К. А., Хасенова Б. М. Работы на поселении эпохи бронзы Павловка. Отчет. Работы Ишимской стационарной археологической экспедиции в 2003 году.- Астана, 2004. - С. 28-47.
2. Малютина Т. С. Поселение и могильник Павловка // Отчет. Полевые археологические исследования УКАЭ в Казахстане в 1982-1983 гг.- Челябинск, 1987 г.- С. 3-26.
3. Сакенов С.К. Раскопки жилища на поселении Шагалалы II (Павловка) // Отчет. Работы Есильской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2010 году. – Астана, 2011. - С. 25-32.
4. Макарова Л.А. Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1970. - С. 269-277.
5. Сакенов С.К. Станковая керамика из поселения Шагалалы II (К вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана: «Сарыарка», 2014. - С. 557-567.
6. Bonora G.L. and Sakenov S.K. (with the collaboration of Sara Zaia) A topographical and stratigraphical periplous around the bronze age settlement of Shagalaly II (Pavlovka), Akmolinsk region, Kazakhstan // Маргулановские чтения – 2014. Материалы международной археологической конференции. – Алматы – Павлодар: ЭКО, 2014. - С. 107-131.
7. Святко С.В., Бейсенов А.З. Первые изотопные данные о диете населения тасмолинской культуры // Самарский научный вестник. – Самара, 2017. Том 6. № 3. - С. 223-227.

8. Stiar N., Evershed R.P., Outram A.K., Варфоломеев В.В. Идентификация остатков жиров в керамике поселения Кент методом анализа стабильных изотопов // Археологические исследования степной Евразии. Сб. научных ст. к 70-летию В.В. Евдокимова / гл. ред. В. Ломан. – Караганда: TENGRILTД, 2013. – С. 150-159.

9. Hollund H.I., Higham T., Belinskiy A., Korenevsky S. Investigation of paleodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // Journal of Archaeological Science. 2010. № 37. – P. 2971-2983.

10. C. Chang, P.A. Tourtellotte, K.M. Baipakov, F.P. Grigoriev. The Evolution of Steppe Communities from the bronze Age through Medieval Periods in Southeastern Kazakhstan (Zhetysu). (The Kazakh – American Talgar Project 1994-2001) (vol. q.+25 black-white illustrations). – Sweet Briar – Almaty, 2002. – 179 p.

11. Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe, Richard P. Evershed The Earliest Horse Harnessing and Milking // Science 323, 1332 (2009). – С. 1332-1335.

12. Миляев Г.А. Методологические аспекты реконструкции традиционных хозяйственных систем древности // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул: Слово, 2010. – 160 с.

13. Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: «ҚазАқпарат», 2009. – 576 с.

ТҮЙІН

Билялова Г.Д., Юмакаева Э.А. Солтүстік Қазақстандағы қола дәуірі ежелгі тұрғындарының диетасы мен тамақтану мөлшерін археологиялық деректер арқылы моделдеу.

Мақалада палеоэкологиялық әдістер арқылы Шағалалы өзенінің алабындағы ежелгі тұрғындарының диета мен тамақтану мөлшерінің реконструкциясы туралы мәліметтер берілген. Палинологиялық сараптамалар бойынша Солтүстік Қазақстан жеріндегі малшаруашылығымен қатар егіншіліктің шағын рөлі анықталған.

Шағалалы II қонысынан табылған заттардың сараптамасы мен ежелгі қоғамдардың шаруашылық құрылысының реконструкциясы бойынша қомақты аналитикалық мәліметтердің тартылуы, Солтүстік Қазақстандағы қола дәуірінің ежелгі тұрғындарының тамақтану тәртібінің моделін ұсынуға мүмкіндік берді.

Солтүстік Қазақстандағы қола дәуірі тұрғындарының диетасы мен тамақтану мөлшерін археологиялық деректер арқылы зерттеуі, ет және сүт тағамдарының басым болғанын, ал екінші орындағы егіншілік пен балық аулау шаруашылықтардың шағын үлесін анықтады.

Түйін сөздер: Қола дәуірі, Солтүстік Қазақстан, экономика құрылымы, Шағалалы II, палеодиета, споралы-тозандық сараптама, палеозоология.

АННОТАЦИЯ

Билялова Г.Д., Юмакаева Э.А. Моделирование диеты и пищевого рациона древнего населения эпохи бронзы Северного Казахстана по археологическим источникам.

В статье на основе палеоэкологических методов представлены данные по реконструкции диеты и пищевого рациона древнего населения долины р. Шагалалы. По палинологическим анализам сделан вывод о незначительной роли земледелия в скотоводческом хозяйстве эпохи бронзы Северного Казахстана.

Анализ находок поселения Шаггалалы II и привлечение огромного объема аналитических данных по реконструкции хозяйственной структуры древних обществ позволило предложить модель пищевого рациона населения эпохи средней бронзы Северного Казахстана. Исследование диеты и пищевого рациона населения эпохи бронзы Северного Казахстана по археологическим источникам указывает на явное преобладание мясной и молочной, второстепенную роль растительной и незначительную долю рыбной пищи.

Ключевые слова: Эпоха бронзы, Северный Казахстан, структура экономики, Шаггалалы II, палеодиета, споро-пыльцевой анализ, палеозоология.

ABSTRACT

Bilyalova G.D., Yumakayeva E.A. Modeling of the diet and food ration of the Bronze Age population in Northern Kazakhstan according to archeological sources.

In the article authors, basing on the paleoecological methods, provided data on the reconstruction of the diet and dietary habits of the ancient population in the Shagalaly river valley. According to the results of palynological analyses the study came to the general conclusion about the minor role of agriculture in the cattle-breeding economy of the Bronze Age in Northern Kazakhstan.

Analysis of the archeological findings of Shagalaly II settlement and drawing on vast amount of supplementary information on reconstruction of the ancient societies' economic structure enabled to propose new model of the diet which existed in the Bronze age population of Northern Kazakhstan. The results of that study showed a clear predominance of meat and dairy products, but a supporting role of plant food and a marginal part of fish-based diet.

Key words: The Bronze Age, Northern Kazakhstan, economic structure, Shagalaly II, paleodiet, spore and pollen analysis, paleozoology.

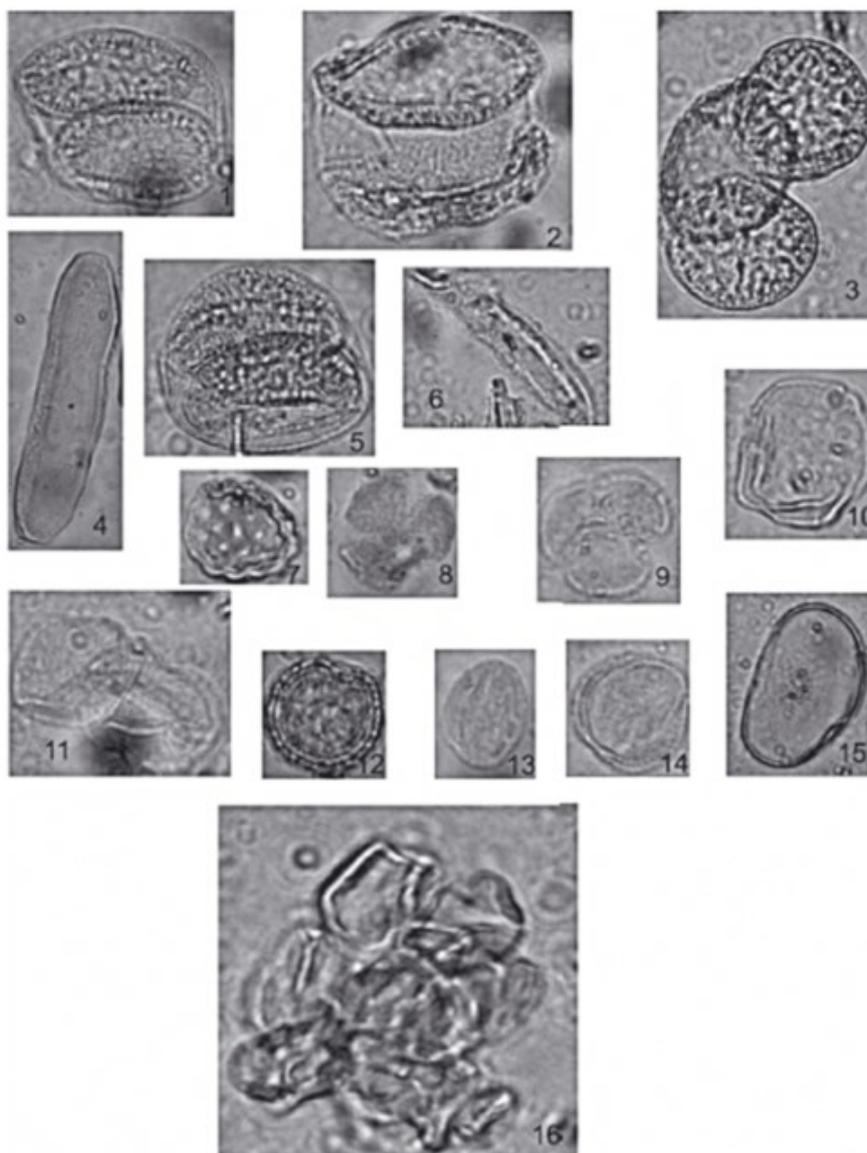

Fig. 7. 1-3, 5 – *Pinaceae*; 7 – *Chenopodiaceae*; 8 – *Primulaceae*; 9 – *Rosaceae*;
10, 11, 16, 15 – *Poaceae*; 12 – *Typha sp.*; 13 – *Lamiaceae*; 14 – *Artemisia sp.*

Picture 1. Data of palynological analyzes of
the settlement of Shagalaly II [6, с.131]

Table 1.

Data on the filling of pits of the settlement of Shagalaly II

№ pit	Length along the line	Width along the line	The depth of the pit from the level of the ancient surface	Filling the pit
Pit № 1	NE-SW 140 cm	NW-SE 60 cm	60 cm	Stone, fragments of easel ceramics
Pit № 2	E-W 140 cm	N-S 110 cm	60 cm	Stone, MDC bones, fragments of easel ceramics
Pit № 3	NE-SW 180 cm	NW-SE 80 cm	40 cm	The base of the decaying column, the bone of the MRS (ribs, vertebrae, tubular bones), fragments of easel ceramics
Pit № 4	SW-NE 200 cm	SE-NW 140 cm	35 cm	A bronze knife, a bronze arrowhead, fragments of stucco and easel ceramics, a "dead end", MDC bones
Pit № 5	60 cm	60 cm	45 cm	Fragments of stucco ceramics, on top of the stone laid with bones, MDC
Pit № 6	SE-NW 180 cm	SE-NW 80 cm	45 cm	Fragments of easel ceramics (hum), a fragment of a ceramic part with a label of the master, stones
Pit № 7	SW-NE 180 cm	SE-NW 180 cm	45 cm	Fragment of stucco and easel ceramics, stone tools, bone MRS (ribs, vertebrae, tubular bones)
Pit № 8	NW-SW 180 cm	SE-NE 50 cm	20 cm	Stones, dice [7, p. 561]

*Мұсырманқұл Пердехан Бекмагамбетұлы
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің
PhD докторанты,
Астана қ., Қазақстан*

УДК 902/904(574.4)

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚОЛА ДӘУІРІН ЗЕРТТЕУДЕГІ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕР

Шығыс Қазақстан өңірінің археологиялық тұрғыда зерттелуінің ғасырдан астам тарихы бар. Бұл өңірдің қола дәуіріне аса қажетті деректер В.В. Радловтың, Н.С. Гуляевтың, А.В. Адриановтың жазбаларында сипатталған. Қола дәуірі мәдениетін зертеумен айналысу Кеңестік кезеңде бір жүйеге түсті. Жоғарыдағы зерттеулер туралы М.П. Грязнов өз еңбегінде егжей-тегжей баяндаған. Ол 1930 жылы Алтай өңіріндегі өз зерттеулерінің нәтижесінде қола дәуірін алдыңғы, орта, соңғы деп үш кезеңге бөледі [1, с. 149-162].

Шығыс Қазақстан археологиясын зерттеу жұмыстары С.С. Черниковтың есімімен тығыз байланысты. Өңірдің археологиялық ескерткіштерін кезеңдеуде және хронологиялық уақытын анықтаумен қатар, петроглифтерді тізімдеуде де зор істер атқарды.

1935 жылы ірі құрылыс жұмыстарының қарқынды жүргізілуімен апатты жағдайдағы ескерткіштерді зерттеу мақсатында С.С. Черниковтың ұйымдастыруымен Материалдық мәдениет тарихы институтының (ММТИ) Ленинградтық бөлімшесінің Шығыс Қазақстан археологиялық экспедициясы ұй-

ымдастырылды. С.С. Черников зерттеулері арадағы кейбір үзілістерді есепке алмағанда 1972 жылға дейін жалғасты.

1935, 1937 жылдары Шығыс Қазақстан археологиялық экспедициясы С.С.Черниковтың басқаруымен Қалба, Нарым жоталарынан ежелгі қалайы, алтын, мыс кен орындарын іздестірді және археологиялық барлау жұмыстарын жүргізді. Бұл кездері экспедиция ММТМА-ның Қазақстан экспедициясының Қалба-Нарым отряды деп аталған еді. С.С.Черниковтың айтуынша А.Г. Тимофеевтың есептеуі бойынша, Ертістің жоғарғы ағысындағы өңірден б.з.б. II-I мыңжылдықтарда жылына 3-5 тонна қалайы өндірілгендігі анықталды [2, с. 149-162].

Екінші дүниежүзілік соғыстан кейінгі кезеңдерде белгілі ғалым Әбусағит Жиреншиннің бастама-сымен өлкетанушылық экспедициялар және Алматыдағы Орталық мемлекеттік музейдің қызметкері Л.К. Нифонтованың, Ленинградтық ғалым С.С. Черниковтардың барлау жұмыстары нәтижесінде Сарыкөл ескерткіштері тізімге алынды. Кейіннен 1980 жылдардың аяғында осы өңірдің тумасы Ә.М. Оразбаев осы

Сарыкөл ескерткіштерін көріп сол маңнан бірнеше обаға қазба жүргізеді [3, с. 151].

С.С. Черниковтың «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» деп аталатын еңбегінде аталмыш аймақтың археологиясына арналған бірден-бір құнды еңбек. С.С.Черников басқарған Шығыс Қазақстан археологиялық экспедициясы республиканың шығыс өңірінде бұрынғы жұмыстарын ары қарай жалғастырды. 1947 ж. басталған мұндағы зерттеулер кезінде Камышинкадан Бұқтырмаға дейінгі Ертіс алабында барлау жүргізілді және Мешіт ауылы мен Мало-Красноярка деревнясы (ішінара барлаулық қазба жүргізілді) маңындағы Семей құмды төбелеріндегі андроновтық қоныстар анықталды. 1935, 1937, 1947 жылдары жүргізілген жұмыстарына есеп бере келе, С.С. Черников Ертістің жоғары ағысында обалық ескерткіштерін үш түрін бөліп көрсетеді. Археологтың айтуынша, бұл өңірде негізінен: 1) тас плиталары қырынан қойылған, обалық үйіндісі жоқ таза классикалық андронов типіндегі; 2) ерте көшпенділерге жататын тас пен топырақтан тұрғызылған аса биік емес обалар 3) түркі заманының тастан үйілген обалары кеңінен таралған. Зерттеуші Семей облысы Жарма ауданы Жаңажұрт ауылы маңындағы қорымнан андроновтық №1,10,8 обаларды аршиды да, олардан қола дәуіріне жататын қыш ыдыстар сынығын, адам сүйектерін табады [4, с. 37-58]. Осы уақытқа шейін тек Қалба мен Нарым жоталарынан мыңнан астам түрлі дәуірлердің қорғандары, мыс, алтын,

калайы өндірілген 37 кен орындары жартастар бедерлерінің 17 пункті, ондаған тас мүсіндер, т.б. тарихи нысандар ашылған еді. 1947 жылғы (40 шақты ескерткіштер анықталған) және одан бұрынғы ізденістерді жүйелей келе, С.С Черников Қазақстанның шығыс өңірі қола дәуірінде Солтүстік Азия мен Шығыс Еуропадағы ірі металлургиялық орталық болғандығын, мұнда өндіргіш күштер іргелес аймақтарға қарағанда қарқынды дамығандығын, бұл өлке де андронов мәдениетінің ірі мәдени ошағы болғандығын, аталмыш мәдениеттің соңғы кезеңінің (дәндібай) өзіндік бет-бейнесі қалыптасқандығын қорытындылады. Мало-Красноярка, Алексеевка қоныстарының материалдарына ерекше мән бере келе, С.С. Черников қола дәуірі мен ерте темір дәуірі ескерткіштері арасындағы генетикалық байланысты көре білді. Оның пайымдауынша көшпелі шаруашылықтың ары қарай дамуы даланың экономикалық және этникалық картасын өзгертіп жіберді, темірдің пайда болуы мұндағы ежелгі андроновтық мәдениет орталығын жойды да, жетекші шаруашылық рөлі басқа территорияларға ауысты [5, с. 64-79].

С.С. Черниковтың жоғарыда аталған іргелі ізденісі шығыс өңірлердегі көпжылдық жұмыстардың қорытындысы іспеттес еді. Еңбегінде ол андроновтық мәдениет ескерткіштеріне (қорым, қоныс, кездейсоқ табылған олжалар), қоныстар тобына (Қанай, Усть-Нарым, Мало-Красноярка, Трушниково), қоныстардағы фаунамен

флораға сипаттама берді. Шығыс Қазақстандағы андронов мәдениетінің ерекшеліктерін, хронологиясын, андронов мәдениетін қалдырған тайпалардың шығу тегі мен тарихи дамуын, көне кен орындарының проблемаларын анықтады, ескерткіштердің картасын жасады.

1960 жылы С.С. Черников Шығыс Қазақстанның қола дәуірі ескерткіштерін ұзақ жылдар бойы зерттей келе, қола дәуірінің бастапқы кезі б.з.б. ХҮІІІ-ХҮІІ ғасырларда басталады да, б.з.б. ҮІІІ-ҮІІ ғасырларда аяқталады деген тұжырымдаманы қабылдады. Өзі Шығыс Қазақстанның қола дәуірі ескерткіштерін төрт кезеңге бөлді: бірінші, усть-буконь (б.з.б. ХҮІІІ-ХҮІІ ғасырлар); екінші, қанай (б.з.б. ХҮІ-ХІІ ғасырлар); үшінші, мало-красноярск (б.з.б. ХІІ-ҮІІІ ғасырлар); трушниково (б.з.б. ІХ-ҮІІІ ғасырлар) [6, с. 124-128].

Шығыс Қазақстанның қола дәуірі ескерткіштерін зерттеуге үлес қосқан ғалым А.Г. Максимова. Ол өзінің қазба материалдарының нәтижесінде осы аймақтың қола дәуірінің Федоровтық және Замаревтық кезеңдердің ескерткіштерін бөліп көрсете отырып, ерте және кейінгі қола дәуірінің екі сатылы кезеңдемесін ұсынды [7, с.24].

Осы өңірдің қола дәуірі ескерткіштерін зерттеуге елеулі үлес қосқан тағы бір ғалым Ф.Х. Арсланова өз зерттеулерін сараптай келе, Шығыс Қазақстанның Федоров ескерткіштері Қарасұқ мәдениетінің белгілі бір топтарымен етене жақын екендігі күдік туғызбайды деп түйген [8, с. 220-226].

Аймақтағы қола дәуірі ескерткіштерін зерттеп жүрген ғалым А.С. Ермолаева Шығыс Қазақстанның қола дәуірінің керамикаларын кешенді түрде қарастыра келіп, Федоровтық және Бишікүл деп сыртқы жасалу түрлеріне қарай бөлді [9, с. 89-100]. Сондай ақ, 1980 жылдары А.С. Ермолаева Измайловка қорымында зерттеу жұмыстарын жүргізді. Ескерткіштің қыш материалдары беғазы-дәндібай, сарғара-алексеев және «ертекөшпелілер дәуірінің ыдыстарына жақындайтын құмыра тәріздес» ыдыстарға ажыратылды [10, с. 64-94].

Т.М. Тепловодская Шығыс және Орталық Қазақстанның соңғы қола дәуірі қыш ыдыстар кешеніне сараптама жасады. Ол сарғара-алексеев пен беғазы-дәндібайлық қыш кешендерінің шікізатының біркелкілігі мен ұқсастығын айта келе, бұл екеуінің дайындау ерекшелігімен ажырады деді [11, с. 150-166].

1985 жылдан бастап ҚазМУ жасақтаған, белгілі археолог Ә.М.Оразбаев басқарған археологиялық экспедиция Шығыс Қазақстан облысының аумағын жүйелі түрде зерттей бастайды. Осы жылы экспедиция мүшелері Таврия ауданындағы Қойтас, Баймұрат қорымдарынан 13 қоршау қазады. Зерттеу нәтижелері бұл ескерткіштердің б.з.б. ХҮІІІ-ХІҮ ғасырларға жататындығын көрсетіп берді. Сонымен қатар бұл маусымда осы экспедиция мүшелерінің қажырлы еңбегінің арқасында Семей облысының Абай ауданындағы бірнеше жүз археологиялық ескерткіштер тізім-

деме жасалынып, төлқұжаты түзілді.

1986 жылы Ә.М. Оразбаев басқарған бұл экспедиция Қатонқарағай ауданында жұмыстарын жалғастырып, Черновая-1-3 қорымдарынан 15 оба қазады. Олардың екеуі энеолит дәуіріне жатқызылған, ал Черновая-1 қорымындағы №2 және Черновая-3 қорымындағы №6 обалар ерте темір дәуірімен мерзімделген болатын [12, б. 3-8]. Қалғандарынан алынған мағлұматтар Қазақстан қола дәуірі жайлы ғылыми таным-түсініктер аясын кенейте түсті.

1989 жылдан бастап Ә.М. Оразбаев, Ә.Т. Төлеубаев бастаған экспедиция Семей өңірін зерттеді. Экспедиция Семей облысының Ақсуат ауданында Ескеалмас, Масалы ескерткіштерін зерттеді.

1992-1998 жылдары ҚазМУ-дің (ҚазҰУ) Шығыс Қазақстан экспедициясы (жетекшісі Ә.Т.Төлеубаев) Ақсуат, Жарма, Аягөз, Мақаншы, Абай аудандарында қола және ерте темір дәуірінің 200-ден астам ескерткіш топтарын ашып, есепке алды да, төл құжаттарын жасады. Сонымен қатар Тарбағатай өңірінен де 40-тан астам қола дәуіріне жататын қорымдар тобы анықталып, төлқұжаттары жасалынған. Стационарлық жұмыстар барысында Ескеалмас қорымының №5, 13, 12 қоршаулары, Масалы қорымының №10 қоршауы қазылып, қыш ыдыс сынықтары, қола әшекей бұйымдар, тоқылған киім қалдықтары табылған. Соңғылары жіптерінің сипатына қарағанда, қақтың «өрмек» секілді карапайым станок-аспапта тоқылған. Құры-

лысы мен аршып алынған заттарға қарап, Ә.Т.Төлеубаев Тарбағатай өңіріндегі бұл ескерткіштерді б.з.б. ХҮІ-ХІҮ ғасырларға жатқызады [13, с. 83-104].

Сондай ақ, ресейлік ғалымдар А.А. Ткачев, Н.А. Ткачеваның еңбектері де Қазақстанның қола дәуірі мәселелеріне арналған. Олардың еңбектерінде Ертіс бойы археологиясына қатысты құнды ойлары жарияланған. Әсіресе, қола дәуірі ескерткіштерін жаңаша тұрғыда мерзімдеу және кезеңдеу мәселелері және қоныстар мен керамикалар жайында ғылыми ізденістері берілген. Н.А. Ткачева Жоғарғы Ертіс өңірінің тың мәліметтерін пайдалана отырып, соңғы қола дәуірінің трушников мәдениетін бөліп шығарады да, оның үш хронологиялық сатысын көрсетеді. Ол трушников мәдениетінің негізгі үш кезеңге бөледі: ерте – мало-краснояр (б.з.д. XIII-XI ғғ.), орта – трушников (б.з.д. XI-X ғғ.), кейінгі – соңғы трушников (б.з.д. IX-VIII ғғ.). Н. Ткачева қолда бар материалдар негізінде б.з.д. I мыңжылдықтың бірінші жартысында Ертіс өңірінде өзара туыс екі тайпа қатар өмір сүріп, олардың бірі отырықшылық, яғни жер өңдеу мен металлургия өндірісімен айналысса, екінші бөлігі көшпелі салтында өмір сүрген деген тұжырым жасайды [14, с. 39-43].

Соңғы жылдары Шығыс Қазақстан аумағында қола, темір дәуірінің ескерткіштерін кешенді түрде зерттеп жүрген Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Археология және этнология кафедрасының меңгерушісі Ұ. Үміт-

калиев басқаратын Шыңғыстау археологиялық экспедициясының жұмыстарын ерекше атап өте аламыз [15, с. 277].

2013 жылдан бастап экспедиция Абай ауданы аумағындағы Қырықкүңгір қорымында қола дәуірінің қоршаулары мен темір дәуірінің обаларындағы археологиялық қазба жұмыстарымен жүргізумен айналысып келеді.

Шығыс Қазақстанның әкімшілік-территориялық аймағы қола дәуірі мәселелері тұрғысынан қарастырғанда біртекті мәдениет үлгісі бола алмайды. Оған себеп аталған аймақтың жапсарлас өлкелермен этномәдени байланыстарының болуымен түсіндіруімізге болады. Мысалы, Ертіс бойы қола дәуірі ескерткіштерінде Оңтүстік Сібірдің афанасьев мәдениетінің белгілері кездессе, Тарбағатайдың

күнгейіндегі ескерткіштерінде Жетісудың Бүйен мәдениетінің ықпалы немесе өзара байланысы болғанын байқауға, ал Шыңғыстау өлкесіндегі ескерткіштердің Орталық Қазақстанның қола дәуірі мәдениетімен астасып жатқанын аңғаруымызға болады.

Сонымен, Шығыс Қазақстан аумағындағы қола дәуірі ескерткіштерін жүйелі түрде зерттеу көне дәуірдегі этномәдени үдерістер мәселесін анықтауға, олардың ерекшеліктерін айықындау мен осы дәуірге қатысты кезеңдемелер мәселелерін кешенді түрде қарастыруға мүмкіндік тудырады. Ол дегеніміз жоғарыда аталған ғалымдардың ғылыми тұжырымдары тоғысындағы түйткілдерді саралау, қола дәуірі халықтарының қалыптасуы мен миграция мәселелерінің шешілуі болып табылады.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Грязнов М.П. Казакстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. – Л., 1930. – С. 149-162.
2. Құрманқұлов Ж.Қ., Байғұнақов Д.С. Қазақстанның қола дәуірі. – Алматы, 2008. – 12-13 бб.
3. Үмітқалиев Ұ.Ұ., Айтбаев А.Б., Әбдіғали Н.Ә. Қырықкүңгір қорымында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары // Қазіргі жоғарғы білім жүйесіндегі археология, этнология және музейтану» атты «VIII Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары. – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – С. 151-157.
4. Черников С.С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР. Серия археол. 1949. Вып. 2. – С. 37-58.
5. Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // Известия АН КазССР. Серия археол. 1951. Вып. 3. – С. 64-79.
6. Байғунақов Д.С. С.С. Черников – тас және палеометалл дәуірлерін зерттеуші // Вестник КазНУ. Сер. ист. 2007. №4. – 124-128 бб.
7. Максимова А.Г., Ермолаева А.С. Памятники эпохи бронзы // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – С. 24-73.

8. Арсланова Ф.Х. Некоторые памятники позднего бронзового Верхнего Прииртышья // СА. 1974. №1. – С. 220-226

9. Ермолаева А.С., Тепловодская Т.М. Керамический комплекс из федоровских погребений Восточно-Казахстанского Прииртышья // Проблемы реконструкции хозяйства и технологии по данным археологии. – Петропавловск, 1993. – С.89-100.

10. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – С. 64-94.

11. Бейсенов А.З., Ситников С.П., Федорук А.С. Қазақстан мен оған жапсарлас өлкелердің соңғы қола кезеңі мәдениеттерінің зерттелу мәселелері // Далалық Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2013. – 150-166 бб.

12. Төлеубаев Ә.Т. ҚазМУ-дің көне дәуір археологиясы және этнологиялық зерттеу топтарының жұмыстары // Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность). – Алматы, 1995. – С. 3-8.

13. Төлеубаев А.Т. Памятники эпохи бронзы Ескеалмас и Масалы в северных склонах Тарбағатай // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998. – С. 83-104.

14. Ткачев Н.А. Динамика и характер развития комплексов эпохи бронзы Верхнего Прииртышья // ВВАЭ. – 1999. – Вып. 2. – С. 39-43.

15. Умиткалиев У., Айтбаев А.Б., Адельчанов К.С. Археологические работы на могильнике Кырыкунгир в 2016 году (Восточный Казахстан) // Хабаршы. Гуманитарлық ғылымдар сериясы. – 2017, №1 (116). – С. 277-280.

ТҮЙІН

Мұсырманқұл П.Б. Шығыс Қазақстанның қола дәуірін зерттеудегі өзекті мәселелер

Мақала Шығыс Қазақстанның қола дәуірінің зерттелу мәселелеріне арналады. Шығыс Қазақстанның әкімшілік-территориялық аймағы қола дәуірі мәселелері тұрғысынан қарастырғанда біртекті мәдениет үлгісі бола алмайды. Мысалы, Ертіс бойы қола дәуірі ескерткіштерінде Оңтүстік Сібірдің афанасьев мәдениетінің белгілері кездесе, Тарбағатайдың күнгейіндегі ескерткіштерінде Жетісудың Бүйен мәдениетінің ықпалы немесе өзара байланысы болғанын байқаймыз, ал Шыңғыстау өлкесіндегі ескерткіштердің Орталық Қазақстанның қола дәуірі мәдениетімен астасып жатқанын аңғаруымызға болады.

Кілт сөздер: Шығыс Қазақстан, қола дәуірі, Андронов мәдениеті, қорым, керамика, кезеңдеме.

АННОТАЦИЯ

Мұсырманқұл П.Б. Актуальные проблемы в истории изучения бронзового века Восточного Казахстана

Данная статья посвящена проблемам изучения бронзового века Восточного Казахстана. Если рассматривать проблемы бронзового века с точки зрения административно-территориальных границ Восточного Казахстана, то регион не

П.Б. Мұсырманкүл

может образцом единой культуры. Например, если на памятниках бронзового века вдоль Иртыша встречаются признаки афанасьевской культуры Южной Сибири, а на памятниках южного склона Тарбагатай мы наблюдаем влияние культуры Буйен Жетысу или их взаимосвязь, то на памятниках окрестностей Шынгыстау мы уже замечаем взаимодействие с культурой бронзового века Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, бронзовый век, Андроновская культура, могильник, керамика, периодизация, хронология.

ABSTRACT

Mussyrmankul P.B. Current issues in the history of studying the Bronze Age of East Kazakhstan

The article is devoted to the issues of studying the Bronze Age of East Kazakhstan. If we consider the issues of the Bronze Age according to the administrative and territorial boundaries of East Kazakhstan, the region cannot be a sample of a single culture. For example, if there are the signs of the Aphanasiyev culture of South Siberia on the monuments of the Bronze Age along the Irtysh river, we observe the influence of the culture of Buien Zhetysu or their interrelation on the monuments of the south slope of Tarbagatai, and we notice cooperation with the culture of the Bronze Age of Central Kazakhstan on the monuments of the Shyngystau outskirts.

Key words: East Kazakhstan, Bronze Age, Andronovo culture, burial mound, ceramics, periodization, chronology.

Умиткалиев Улан Умиткалиевич
к.и.н., доцент Заведующий кафедрой археологии и этнологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан

Айтбаев Аскар Байзакович
Магистр, преподаватель кафедры археологии и этнологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан

Педрацкий Михал
PhD доктор, профессор Польской академии наук
г. Варшава, Польша

Искаков Куаныш Алдабергенович
PhD докторант кафедры археологии и этнологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан

УДК 903/904

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В МОГИЛЬНИКЕ КЫРЫКУНГИР

Включенный в список значимых памятников Восточного Казахстана могильник Кырыкунгир расположен на стыке двух разных природно-климатических зон - горный Алтай и Сарыарка. В свою очередь, исследование этого могильника показывает важность связи культур горных и степных зон. Также необходимо подчеркнуть, что в регионе была высоко развита древняя металлургическая культура.

Могильник Кырыкунгир расположен в 2 км к северу от поселка Токтамыс батыр (Бестамак) Абайского района Восточно-Казахстанской области. Объект локализован на одной из возвышенностей холмистой местности, между двумя мусульманскими кладбищами нашего времени, в 350 метрах к западу от горы Кырыкунгир, в 200

метрах к востоку от могильника течет речка Шаган. На горе Кырыкунгир расположено множество небольших гротов и пещер, с чем связано название данного могильника (с казахского «кырык» - сорок, «үнгір» - пещера).

Могильник состоит из погребальных сооружений разных периодов: эпохи бронзы, сакского, гунно-сарматского и тюркского, которые тесно расположились на небольшой площади около одного квадратного километра. Всего в могильнике насчитывается более ста объектов, вытянутых с юго-востока на северо-запад. Топографически погребальные конструкции располагаются следующим образом: вдоль береговой линии речки Шаган находятся оградки эпохи бронзы, выше идут сложные сооружения эпохи поздней бронзы,

курганы раннего железного века и оградки тюркского времени [1].

В этой статье приведено описание 13 погребальных сооружений эпохи бронзы, исследованных с 2014 по 2016 годы. Среди раскопанных объектов выделяется крупное погребальное сооружение прямоугольной формы с каменной насыпью (курган № 25).

В летнем полевом сезоне 2014 г. были исследованы погребальные памятники эпохи бронзы в количестве 5 объектов. Мы дали описание двум объектам: курган-ограда №42 и №58.

В 2015 г. были изучены 7 погребальных сооружений бронзового века, из них мы описываем три кургана-ограды - №71, №72 и №24.

В 2016 г. раскопки велись на двух объектах: курган-ограда №18 и курган прямоугольной формы с каменной насыпью №25.

Ограда № 18. Ограда эпохи бронзы локализована на третьей террасе р. Шаган в 150 м к востоку от кургана №25. Ограда представляет собой правильный круг диаметром 5,5 м. Камни ограды сохранились практически полностью. Верхушки вертикально вкопанных камней обломлены. Средняя толщина камней 6-7 см. На поверхности ограды в горизонтальном виде находится обломленная плита перекрытия. Размеры плиты: длина 75 см, ширина 35 см, толщина 10 см. В ходе снятия дернового слоя по окружности с наружной стороны ограды в 3,10 м к северо-востоку от центральной точки обнаружен каменный ящик с керамическим сосудом. Ящик состоит из верти-

кально вкопанных каменных плиток в виде круга диаметром 35 см. Камни ограды выступают на высоту 15 см от материка.

В центре ограды был зафиксирован каменный ящик на глубине 10 см – северная и южная стенки, восточная и западная – на глубине 50 см. Каменный ящик ориентирован с юго-востока на северо-запад. В ходе раскопа каменного ящика в северо-западной его части обнаружены обломки плиты перекрытия. Размеры первого: длина 70 см, ширина 60 см; размеры второго: длина 50 см, ширина 20 см. Каменный ящик имеет длину 195 см, ширину 1 м. В ходе раскопа на глубине 40 см в юго-восточной части были найдены кости человека, лежащие не в анатомическом порядке.

Среди костных останков обнаружены ребра, позвонки, лучевая кость, таранная и т.д. На этой же глубине в северо-западной части в углу найдено днище и несколько фрагментов керамического сосуда. На глубине 65 см, в центральной и северо-западной частях найдены бронзовые бусинки. Кости человека обнаружены в разбросанном виде по всему каменному ящику и на разных глубинах. Общая глубина каменного ящика составила 70 см (рис. 1-3)

Курган-ограда № 24 расположен в восточной части могильника. Вертикально вкопанные каменные плиты ограды четко видны на поверхности земли. Ограда представляет собой овальную в плане окружность из вертикально вкопанных каменных плит длиной с юга на север – 8,58 м, с востока на запад

– 7,18 м. В ходе зачистки в центральной части ограды было обнаружено три каменных ящика. Все они ориентированы по направлению восток-запад. Нумерация ящиков направлена с юга на север. Расстояние между каменными ящиками №1 и №2 составляет 90 см, между ящиками №2 и №3 – 3,33 м. Между каменными ящиками №2 и №3 на глубине 25 см были найдены отдельные фрагменты костных останков лошади (рис. 4-10)

Каменный ящик № 1 прямоугольной формы. Размеры ящика: длина – 183 см, ширина западной части ящика 107 см, восточной части 79 см. В процессе углубления внутрь каменного ящика, на глубине 37 см, был найден хорошо сохранившийся керамический сосуд. После фотофиксации сосуд был извлечен. При дальнейшем послойном углублении обнаружить в восточной части ящика на глубине 49 см расчищены астрагалы барана (альчики, асык). На этом же уровне в северном направлении в 30 см от альчика найдены два костяных наконечника стрел и два изделия из кости животного. В ходе раскопа в западной части каменного ящика на глубине 54 см, 70 см, и 74 см, найдены хорошо сохранившиеся керамические сосуды. В центральной части ящика на глубине 60 см обнаружены фрагменты бронзового изделия. На глубине 74 см рядом с керамическим сосудом в хаотичном порядке были найдены костные останки человека очень плохой сохранности. В восточной части

ящика на глубине 69 см, был найден еще один костяной наконечник стрелы. После зачистки дна каменного ящика определена общая глубина – 80 см.

В общей сложности в каменном ящике №1 были найдены 3 костяных наконечника стрел, 1 альчик, 4 сосуда, несколько фрагментов бронзовой пластины и два изделия из кости животного.

Каменный ящик № 2 расположен в центральной части ограды на 90 см к северу от каменного ящика № 1. Размеры ящика: длина – 203 см, ширина – 103 см. В ходе раскопок на глубине 30 см в западной части ящика обнаружены пять целых керамических сосудов хорошей сохранности. В процессе углубления внутрь каменного ящика в восточной части на глубине 43 см были найдены фрагменты женского ожерелья (бусы) из кости и бронзы, а также на глубине 54 см – мелкие фрагменты бронзы, 62 см – обломки керамики. В ходе дальнейшего углубления в центральной части каменного ящика на глубине 35 см, было найдено украшение в полтора оборота из золота. Общая глубина составила 70 см.

При раскопках *каменного ящика № 3* на глубине 40 см, были найдены отдельные фрагменты костных останков человека очень плохой сохранности. Других элементов погребального инвентаря в каменном ящике не обнаружено. Размеры: длина – 189 см, ширина – 90 см, глубина 43 см.

Курган № 25 расположен на третьей террасе в 300 м к западу от

русла речки Шаган. Наземное сооружение имеет почти квадратную форму длиной 22 м, шириной по южной стороне 20,6 м, по северной стороне 19,7 м, высота составляет 1,47 м. Ограда сложена из горизонтально уложенных плит, внешняя сторона камней была обработана и отточена до гладкой поверхности. Камни плоские высотой 20 см, длиной 50 см, шириной 30 см. По четырем углам наземного сооружения установлены вертикально вкопанные каменные глыбы с гранеными сторонами. Камень юго-восточного угла имеет высоту 130 см, длину 69 см, ширину 55 см. В юго-западном углу стоит камень кубической формы высотой 72 см, его размеры 75x75 см. Размер камня северо-восточного угла: высота 108 см, ширина 64 см, длина 81 см. Камень северо-западного угла имеет треугольную форму высотой 97 см, северная сторона 75 см, западная 77 см, юго-восточная 91 см.

Поверхность памятника была сильно задернована. Центральная часть по окружности и углы сильно обросли кустарником. После фиксации внешнего вида, были начаты раскопки. Объект был разделен на четыре равных сектора по сторонам света. После снятия дерна в центре обнажилась наброска из мелких камней коричневого цвета. В ходе дальнейшей зачистки выявлены четыре каменных кольца, вписанные друг в друга. Они выделяются крупными камнями. Расстояние между центральной и второй оградой 2 м, от второго до третьего кольца 70 см, от третьего до четвертого 60 см, от четвертого к

внешним краям наземного сооружения 40 см. Средние размеры камней кольцевых оград составляют: высота 25 см, длина 40 см, ширина 20 см (рис. 11). В северо-западном секторе, после снятия дернового слоя стало очевидным, что камни изначальной конструкции сохранились частично. Возможно, позднее камни были убраны и нашли свое применение на других объектах.

В ходе раскопок северо-восточного сектора, в центральной части каменной насыпи была расчищена кольцевая каменная ограда могильной ямы.

С северо-восточного угла через центр в направлении юго-западного угла обнаружена диагональ, состоящая из вертикально вкопанных камней. От углового камня на расстоянии 90 см расположен первый камень размером: высота 50 см, ширина 42 см, длина 40 см, второй камень на том же расстоянии 90 см от второго, размеры камня следующие: высота 48 см, ширина 34 см, длина 46 см, третий камень находится в 185 см от второго, его размеры: высота 50 см, ширина 43 см, длина 46, четвертый от третьего находится на расстоянии 260 см, его размеры: высота 50 см, ширина 37 см, длина 45 см.

В восточной части юго-восточного сектора под слоем дерна найден астрагал барана, который располагался на пятом ряду рядом с угловым камнем. В этом же секторе в центральной части найден второй альчик. В северо-восточном секторе в его юго-восточной части под дерновым слоем обнаружен третий

альчик. В северо-западном секторе в центре был найден обработанный камень с узорами в виде ракушки. В этом же секторе в углу и в южной части найдены еще два бараньих астрагала.

После полной расчистки трех секторов была произведена фотофиксация. Была выявлена могильная яма, начаты ее раскопки. Могильная яма ориентирована по направлению восток-запад. Размеры ямы: внутренняя ширина составляет 280 см, внешняя 380 см, внешняя длина 480 см, внутренняя 380 см. В ходе раскопа на глубине 1 метра от современной поверхности был найден зуб и трубчатая кость лошади. Сохранность костей плохая. В центральной части могильной ямы остались следы грабительского лаза, его размеры 150x110 см. Цвет почвы грабительского лаза черный, резко отличается от заполнения желтой могильной супеси. В процессе выборки могильной ямы, на глубине 1,2 м обнаружен юго-западный угол каменного ящика. В ходе дальнейшей зачистки каменный ящик был выявлен полностью. Размеры каменного ящика: длина 1,96 м, ширина 95 см. На поверхности каменного ящика в разбросанном (вертикально и горизонтально) положении находились обломки плит перекрытия, размер самого большого фрагмента составляет: длина 38 см, ширина 25 см. Внутри каменный ящик был заполнен черным и рыхлым грунтом грабительского лаза. Дальнейшее углубление подтвердило, что курган был ограблен, так как мы находили плохо сохранив-

шиеся костные останки человека, обломки керамического сосуда и фрагменты ожерелья из бронзы, кости и клыков диких животных в разбросанном виде и на разных отметках глубин. На дне каменного ящика в западной части, глубина которого составляет 1,1 м, были обнаружены фрагмент бронзового украшения и серьга из бронзы и золотой подвески в полтора оборота, а также обработанные астрагалы барана [2, с. 294].

Курган-ограда № 42 расположен в 65 метрах к юго-западу от кургана с усами и представляет собой квадрат со сторонами длиной по 6 м, состоящий из вкопанных камней круглой формы, 25-35 см в диаметре, возвышающихся над дневной поверхностью на 0,4-0,5 м. Поверхность ограды сильно задернована.

После снятия дернового слоя в центре ограды было обнаружено могильное пятно, которое окружала каменная выкладка. Размеры ее 2,5x1,7 м, высота 1,7 м. В ходе углубления были выявлены очертания могильной ямы размерами 3,7x2,7 м. Внутри каменной выкладки в разбросанном виде и на разных уровнях глубины, вперемешку с камнями малых размеров и рыхлым внутримогильным грунтом были обнаружены отдельные фрагменты костных останков человека и фрагменты керамического сосуда. В западной части ближе к стене лежал череп человека без нижней челюсти, средней сохранности. В ходе зачистки на полу был найден фрагмент кошмы очень плохой сохранности. После графической и

фотофиксации костные останки и погребальный инвентарь были изъяты из могильной ямы для дальнейшего изучения. По завершению работ могильная яма была засыпана (рис. 12, 13).

Курган ограда 58 расположена в 13 метрах к западу от кургана с «усами», в центральной части могильника. Ограда представляет собой круг диаметром 6,5 метров из вертикально вкопанных каменных плит, возвышающихся над дневной поверхностью на 0,15-0,2 м. Поверхность ограды задернована. Вкопанные на ребро плиты высотой 0,3 – 0,5 метров расположены под углом 60°-70°, с наклоном к центру сооружения. В редких случаях большие плиты каменной ограды с внешней от центра стороны как бы подпирают более маленькие по размерам плиты. Кольцевая ограда по кругу во многих местах чередуется с пустым пространством, заполненным грунтом. В ходе зачистки в центральной части ограды были обнаружены три каменных ящика, расположенные цепочкой в одном направлении с юго-запада на северо-запад. Каменный ящик №1 и ящик №2 имеют одну общую стенку из вертикально вкопанной каменной плиты. Ниже приведено описание раскопочного процесса (рис. 14-22).

Каменный ящик №1 прямоугольной формы и состоит из четырех вертикально вкопанных каменных плит. Стыки между плитами замазаны глиной. Размеры ящика составляют в длину 1,9 м, ширину 1,1 м, высоту 0,72 м. Грунт внутри каменного ящика рыхлый. В ходе

расчистки на глубине 70 см были обнаружены фрагменты керамических сосудов и костных останков человека в хаотичном порядке, а также детали украшений из бронзы и костей. В северном углу ящика лежало орудие труда, а в западной части среди костей человека лежали бронзовые пластины. На той же глубине в юго-восточной части ящика были обнаружены 36 асыков (альчиков).

Каменный ящик № 2 прямоугольной формы и состоит из трех вертикально вкопанных каменных плит. Южная продольная стенка общая с ящиком №1. Стыки между плитами ящика замазаны глиной. Размеры ящика составляют в длину 1,9 м, ширину 0,9 м, высоту 0,7 м. В ходе расчистки на глубине 70 см были найдены фрагменты керамики и кости человека. Кости верхней части туловища были разбросаны в северо-западной части ящика, а нижняя часть сохранила свою прежнюю позу. Ноги согнуты ориентировкой с ЮЮВ на ССЗ. В юго-восточном углу ближе к ногам скелета, лежали асыки в количестве 140 штук.

Такого типа захоронения характерны для погребений андроновской культурной общности. По найденным в ящиках фрагментам керамических сосудов можно отнести их к алакульской культуре.

Каменный ящик № 3 прямоугольной формы и состоит из четырех вертикально вкопанных каменных плит. Стыки между плитами ящика замазаны глиной. Размеры каменного ящика составляют в длину 1,4 м, ширину 0,8 м, высоту

0,53 м. В ходе расчистки на поверхности ящика были найдены кости животных. Внутри каменного ящика на глубине 0,5 м, были обнаружены фрагменты керамического сосуда и костей человека в разбро-санном виде. Больше никаких предметов обнаружено не было.

Самой яркой находкой из обнаруженных артефактов этой ограды являются асыки (альчики, астрагалы барана). Альчики ранее были обнаружены в могильнике Баганаты II [3, с. 127-128] и в кургане №5 могильника Амангельды I в Северном Казахстане [4, с. 136]. Многие авторы, в том числе Ковалева И.Ф. [5, с. 64], Кирюшин Ю.Ф. [6, с. 63], Рослякова Н.В. [7, с. 14], Сотникова С.В. [8, с. 18] пишут, что асыки, обнаруженные в захоронениях использовались для детских игр, потому что, в основном, их находили в детских погребениях, а значение асыков, обнаруженных в погребениях взрослых людей еще было не изучено.

В могильнике Кырыкунгир асыки были обнаружены в погребениях взрослых людей, внутри каменного ящика, возле ног погребенного, собранные в кучу. Мы предполагаем, что асыки использовались не только в детских играх, а имели, огромную роль в ритуальной и повседневной жизни древних людей. В современном казахском обществе сохранился обычай сыпать горсть земли на захоронение погребенного и, по нашему мнению, асыки тоже использовались в данных целях и являются ключом в исследовании мировоззрения людей древности.

Несмотря на то, что практически все курганы были ограблены еще в древности, они дают нам представление о материальной и духовной культуре народов, живших в данный период.

Курган-ограда № 71 находится в северо-восточной части могильника, в 3 метрах к югу от ограды №72. Конструкция фиксировалась благодаря выступавшей на 10 см над дневной поверхностью вертикально вкопанной плите. В ходе снятия верхнего дернового слоя были зафиксированы остальные части вертикально вкопанных каменных плит. Зачисткой выявлена каменная ограда округлой формы диаметром 5 м. В восточной части оградки была обнаружена квадратная пристройка из камней 60*60 см. В ходе раскопок на глубине 70 см найден каменный ящик. Плиты перекрытия каменного ящика были сломаны. В процессе раскопок в каменном ящике ничего не было обнаружено. Каменный ящик ориентирован по направлению восток-запад. Его длина составляет 150 см, ширина – 73 см, глубина – 60см. Общая глубина раскопа составляет 130 см (рис. 23).

Курган-ограда № 72 расположена в северо-восточной части могильника. Ограда представляет собой в плане круг из вертикально вкопанных каменных плит диаметром 6 м. В ходе зачистки в центральной части ограды было обнаружено могильное пятно. В процессе углубления могильного пятна на глубине 60 см были найдены отдельные фрагменты костных останков человека вперемешку с грун-

том. Кости плохой сохранности, были беспорядочно разбросаны. В ходе дальнейших раскопок на глубине 85 см был обнаружен каменный ящик. Над каменным ящиком зафиксированы обломанные плиты перекрытия. Длина каменного ящика составляет 164 см, ширина 94 см, высота 67 см. Ширина надмогильных камней имеет размер около 20 см. Каменный ящик ориентирован по направлению восток-запад. В процессе раскопок каменного ящика в его восточной части были найдены фрагменты человеческих костей в разбросанном виде. Кроме отдельных фрагментов костных останков человека, в каменном ящике ничего не было обнаружено. Общая глубина раскопа составила 152 см (рис. 24).

В ходе камеральных работ, выявлено, что весь комплекс керамических сосудов представляют собой лепные, слабо обожженные сосуды с геометрическим орнаментом. Около 90% всего керамического комплекса могильника Кырыкунгир составляют сосуды с венчиком, немножко отогнутым наружу, горлышко плавно переходит к тулову,

узоры нанесены мелкогребенчатым штампом, резная техника встречается значительно реже. По основанию шейки нанесены узоры в виде «елочек» по верхней строке сначала в одну сторону, а затем по нижней в другую. Плечико сосуда украшено мелкими треугольными вдавлениями, а верхняя часть тулова квадратами в шахматном порядке. Придонная часть орнаментирована треугольниками острыми углами вверх. Дно сосуда имеет кольцевидный поддон.

В заключение следует сказать, что погребальные сооружения эпохи бронзы могильника Кырыкунгир имеют свою локальную особенность, как и многие памятники на территории Казахстана. Результаты, приведенные в данной статье, являются предварительными, а работы по детальному изучению архитектурных особенностей надмогильных сооружений и разнообразного погребального инвентаря ведутся специалистами лаборатории «Археологической реставрации и консервации» при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Умиткалиев У.У., Айтбаев А.Б., Эшбекова Г.У. Археологические раскопки в могильнике Кырыкунгир в Восточно-Казахстанской области // 1st International Scientific Conference «European Applied Sciences: challenges and solutions» March 10, 2015 - Stuttgart, Germany. – С. 15-21
2. Умиткалиев У.У., Айтбаев А.Б., Адельчанов К.С. Предварительные результаты археологических работ в могильнике «Кырыкунгир» 2016 г. // Материалы международной научно-практической конференции «Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі» / Главный редактор – Даниал Ахметов. – Усть-Каменогорск, 2016. – 294 с.

3. Калиев Б.А. Об обряде захоронения детей у андроновских племен. Материалы республиканской научно-практической конференции/ Козыбаевские чтения. – Петропавловск, 2014.
4. Калиев Б.А. Специфические обряды жертвоприношения в детских погребениях бронзового века на территории Северного Казахстана // Сибирский сборник. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 1. – СПб: «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН», 2009.
5. Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья /Отв. ред. И.Ф. Ковалева. – Днепропетровск: «ДГУ», 1990.
6. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: сб. науч. трудов. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003.
7. Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2014.
8. Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Электр. журн. №2(25) / Глав. ред. А.Н. Багашев. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2014.

АННОТАЦИЯ

Умиткалиев У.У., Айтбаев А.Б., Искаков К.А., Педрацкий М. Погребальные сооружения эпохи бронзы в могильнике Кырыкунгир

В статье приведены описания погребальных сооружений эпохи бронзы могильника «Кырыкунгир». Памятник расположен на территории Абайского района Восточно-Казахстанской области. Выделяются два вида надмогильных сооружений. Круглые каменные оградки с цистами квадратной формы и наземные сооружения, укрепленные по углам вертикально поставленными гранитными глыбами и горизонтально положенными каменными плитами по всему периметру. Общим для погребального обряда являются грунтовые ямы с каменными ящиками на дне. Найденные в ямах фрагменты сосудов характерны для алакульско-федоровских комплексов.

Ключевые слова: Шингистау, эпоха бронзы, Кырыкунгир, ограда, альчики, асыки, астрагалы барана.

ТҮЙІНДЕМЕ

Умітқалиев Ұ.Ұ., Айтбаев А.Б., Искаков Қ.А., Педрацкий М. Қырыққүңгір қорымындағы қола дәуірінің жерлеу ескерткіштері

Ұсынылған мақалада «Қырыққүңгір» қорымының қола дәуірі жерлеу құрылыстары сипатталады. Ескерткіш Шығыс Қазақстан облысы Абай ауданында орналасқан. Жерлеу құрылыстарының екі түрі бөліп көрсетіледі. Квадрат формалы цистасы бар дөңгелек тас қоршаулар және бұрыштарынан тігінен қойылған гранит сөңдермен және барлық периметрінде көлденең

У.У. Умиткалиев

қойылған тас плиталармен күшейтілген жерүсті құрылыстары. Жерлеу ғұрпына ортақ нәрсе, түбіндегі тас жәшіктері бар шұңқырлар болып табылады. Шұңқырлардан табылған ыдыстар алакөл-федоров кешендеріне тән болып табылады.

Кілт сөздер: Шыңғыстау, қола дәуірі, Қырыкүнгір, қоршау, асық,

ABSTRACT

Umitkaliev U.U., Aitbayev A.B., Iskakov K.A., Pedracki M. Funeral constructions of the Bronze Age in the burial ground of Kyrykunghir

This article shows the results of the studied monuments of the Bronze Age located in the burial ground "Kyrykunghir", investigated by scientists of the historical faculty of the Eurasian National University. L.N. Gumilyov between 2014 and 2017 on the territory of the Abai district of the East Kazakhstan region in the burial ground "Kyrykungir". A full description of the excavation process of the investigated objects, the barrow No. 1 and No. 25, as well as some barrows of fences of the bronze epoch of small dimensions is shown.

Key words: Chingistau, bronze age, Kyrykungir, Fence, asyk

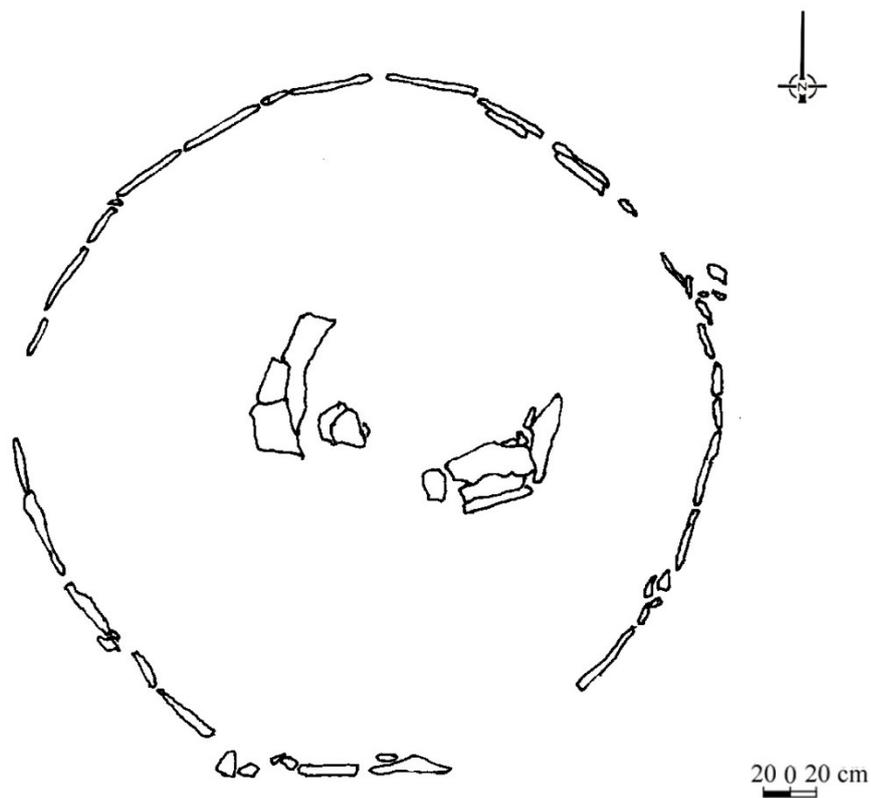

Рис. 1. Ограда № 18. Общий план

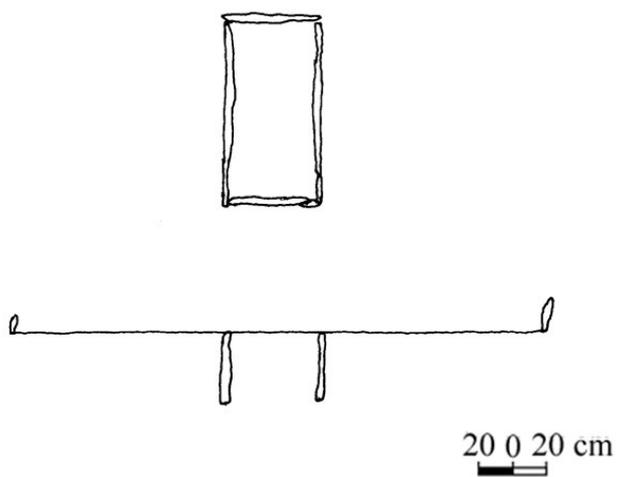

Рис. 2. Ограда № 18. Каменный ящик

Рис. 3. Курган ограда № 18. Керамический сосуд

Рис. 4. Курган-ограда №24. Общий вид

Рис. 5. Курган-ограда №24. Кости лошади

Рис. 6. Курган ограда №24. Костяные наконечники стрел

Рис. 7. Курган ограда №24. Трубоччатый костяной предмет с орнаментом и отверстием

Рис. 8. Курган ограда №24. Четырехгранный костяной предмет с острыми краями

Рис. 9. Ограда №24. Керамический сосуд

Рис. 10. Ограда №24. Керамические сосуды

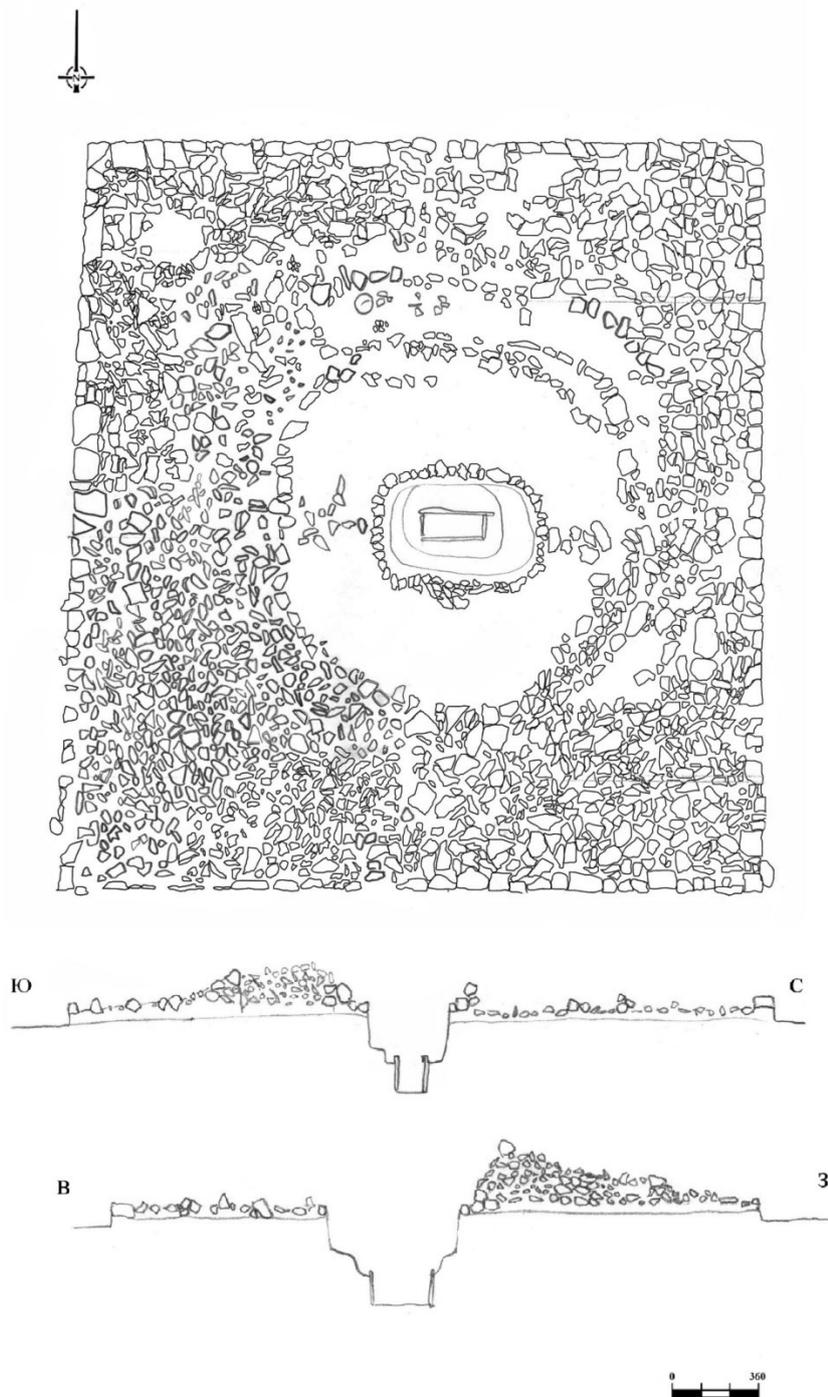

Рис. 11. Курган №25. Общий план и разрез.

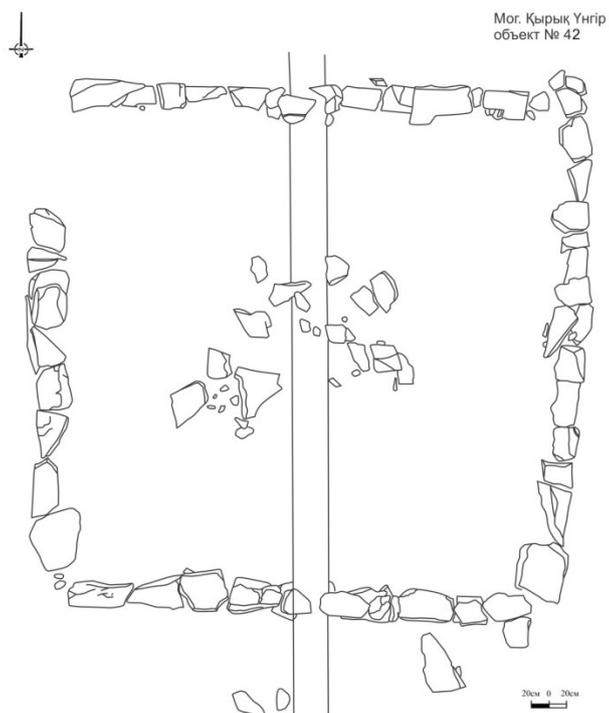

Рис. 12. Курган ограда №42. Общий план

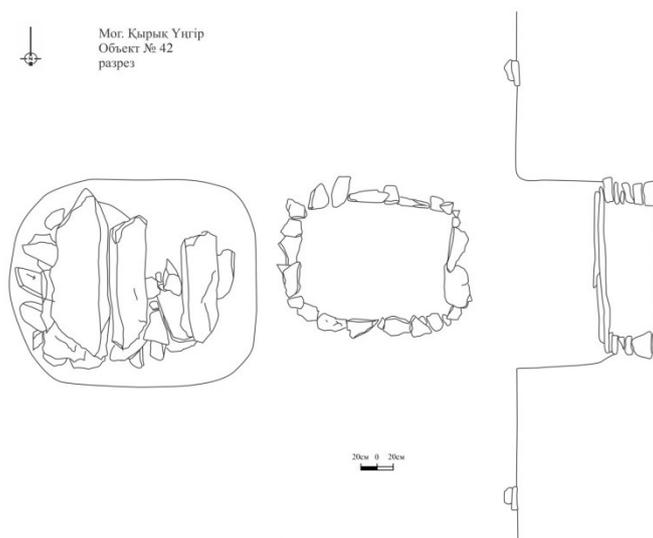

Рис. 13. Курган-ограда №42. Разрез.

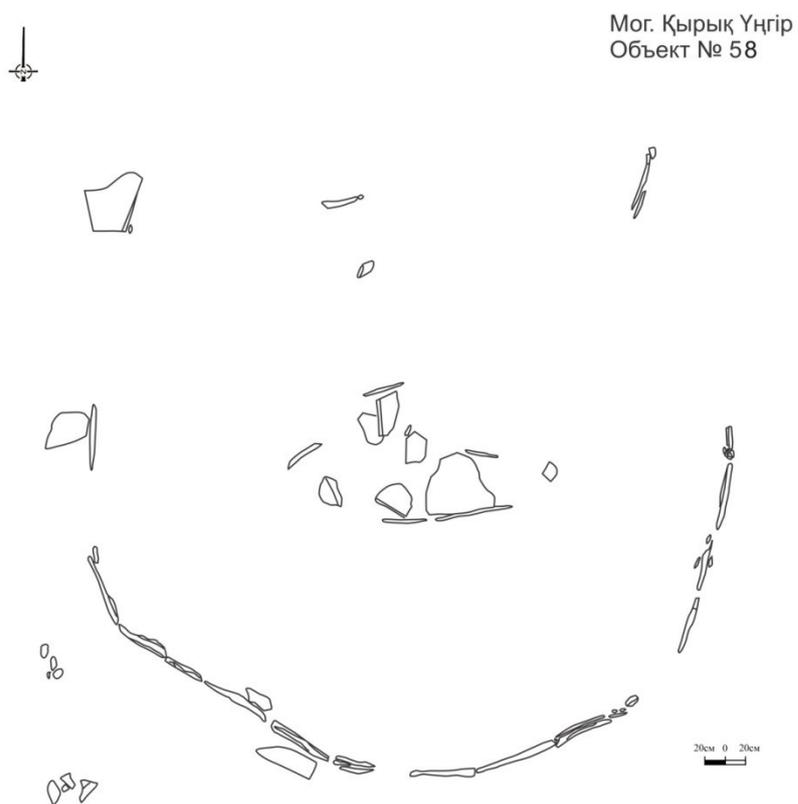
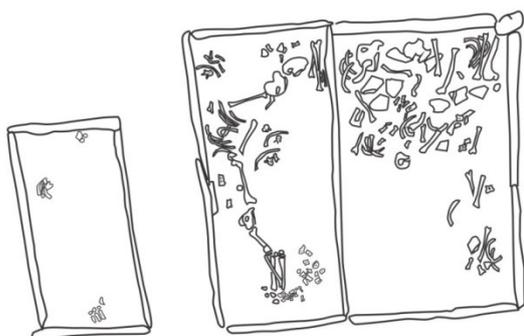

Рис. 14. Курган ограда №58. Общий план.

Мог. Қырық Үнгір
Об. № 58
разрез

20см 0 20см

Рис. 15. Курган ограда №58. Разрез

Рис. 16. Курган ограда №58. Каменные ящики №1, №2

Рис. 17. Курган ограда №58. Асыки (альчики, астрагалы барана)

Материалы Международной научно-практической конференции 28 сентября 2017 г.

Рис. 18. Курган ограда №58. Асыки (альчики, астрагалы барана)

Рис. 19. Курган ограда №58. Бронзовое орудие труда.

Рис. 21. Курган ограда №58. Бронзово-пастовые бусинки.

Рис. 22. Курган ограда №58. Бронзовые серьги

Рис. 23. Ограда №71. Вид с востока

Рис. 24. Ограда №72 Вид с запада

*Кришневская Станислава Станиславовна
студентка магистратуры(2 курс)
Ягеллонский университет
г. Краков, Польша*

УДК 903

АРХЕОЛОГИЯ КУЛЬТА: ОГОНЬ В АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

В своей книге «История веры и религиозных идей» М. Элиаде писал: «верования и идеи не «откапываются». Неважно, согласны мы с Элиаде или нет, но факт остается фактом, археолог не этнограф и расспросить о своих, зачастую не очень понятных находках, представителей древнего сообщества он не может. Многие философские вопросы о природе верований и их началах, скорее всего так навсегда и останутся без конкретных ответов. Был ли человек с самого начала религиозен или же вера - это продукт социума? Где искать источники и первопричины веры? Логично бы было искать ответы на подобные вопросы в праистории, но, к сожалению, археология занимается изучением голого факта и единственным ее ответом будет интерпретация. Однако, и в самой теории религии единого ответа не существует, поэтому каждый там может найти то, что ищет.

Следуя путем когнитивистов, мы допускаем, что все представители *Homo sapiens* имеют одинаковые интеллектуальные способности, а также и логику мышления. В таком случае «открытие» веры могло произойти независимо в разных районах мира, в различных

культурах и даже в разное время [11, с. 32-33]. Гипотетическим источником веры можно считать страх перед неизведанным или любопытство, желание познать истины, для понимания которых нам не хватает собственных рациональных доводов. В поисках объяснений своих страхов человек осознанно либо не осознанно мог создать образ сверхъестественных сил [9, с. 388]. В таком случае религия была бы своего рода энциклопедией для толкования явлений, отличных от нашей ежедневной реальности [16, с. 6]. Маловероятно, что создание целостного верования под силу одному человеку, особенно в условиях первобытного мира, где для выживания человеку просто необходимо было группироваться. Религия не является творением одной лишь мысли. Она принимает активное участие в бытовой практике, влияет на все сферы человеческой деятельности, при этом являясь элементом его культуры. Разумеется, не всегда возможно оценить степень ее ингеренции в социальную сферу или материальную культуру, несомненно, ее роль была весьма существенна. Большинство исследователей относят момент появления религии ко времени сред-

него палеолита, когда человек развил в себе способности абстрактного мышления [21, с. 17].

С самого начала исследования религии ее генезис принято было искать в первобытных верованиях. Однако, суть этих верований представляется по-разному, Э. Тэйлор первой религией называл анимизм, Дж. Ф. Мак-Леннан – тотемизм, У. Джеймс – магическо-мистические практики, Дж. Фрейзер – магию [17, с. 89; 10, с. 83]. С перспективы современного религиоведения одним общим недостатком всех этих теорий является представление первобытных верований в виде универсальной схемы, при этом древние верования отождествляются с представлениями так называемых «примитивных» народов. К сожалению, надо признать, что исследователи древних мировоззрений приговорены к домыслам [21, с. 23]. Сегодня в религиоведении отошли от практики поиска универсальных схем первобытных верований, основной натиск направлен на реконструкцию связи общество-культ [16, с. 5-6]. Процесс развития и трансформации каждого культа и верования абсолютно индивидуален и неотрывно связан с исторической судьбой его последователей. Концом существования религии считается момент исчезновения ее последователей. По мнению А. Токарчыка (A. Tokarczyk) решающую роль в сохранении религии играет практическая сторона веры – культ и ритуал, которые связаны ежедневными практиками и являются самыми устойчивыми проявлениями верования [21, с. 14].

Самым ярким проявлением наличия верований может считаться наличие погребального обряда. Одной из наиболее интригующих загадок в жизни людей всегда был и остается вопрос смерти и рождения. Если же процесс рождения является в меру понятным процессом, то процесс смерти покрыт мраком тайны. Натуральный страх перед неизведанным поделил жизнь человека на две части: ежедневную реальность и ту, которая наступает после смерти [20, с. 5]. Для человека современного, живущего в индустриальном мире, смерть явление конечное, непоправимое, однако для традиционных обществ смерть имеет скорее циклический характер. Ночь сменяется днем, за зимой приходит весна, за смертью следует возрождение [19, с. 30-31].

Вера в жизнь после смерти связана с верой в существование души, бессмертной субстанции. По одной из теорий появления представлений о душе возникло во время наблюдений за состоянием сна. Когда тело остается без движения на месте, а тем временем спящий видит сны, находясь «за пределами» физического мира. По аналогии интерпретируется и смерть: тело остается на месте без движения, тогда как душа отправляется в другой мир. Вера в загробную жизнь выполняет морально-обучающую функцию, помогая решить проблемы зла и несправедливости. Представления о загробной жизни находят свое отражение в погребальных обрядах. Реконструкция значения которых практически невозможна

без знаний смысла обрядовых действий и предметов. Надо помнить о том, что смерть не во всех религиях является наибольшим злом, иногда это место занимает моральный упадок или грех. Эсхатологические представления часто сопровождается шкала ценностей [20, с. 8-9, 13].

Второй значимый элемент, решающий о судьбе души в загробном мире, это характер самой смерти человека (добрая и плохая смерть). Умиравший «добрый» смертью вел так называемую «правильную» жизнь. К примеру: создал семью, оставил достаточное количество потомства, исполнял все положенные религиозные обязанности, прошел все стадии инициации и т.п. «Плохая» смерть – противоположность «добрый», когда человек умирает внезапно, не успев закончить дела, и не исполнив всех обязанностей и не пройдя положенных обрядов. Магическое мышление предполагает, что смерть является переходным состоянием, которым можно управлять [23, с. 47]. Яркий пример сложной погребальной обрядности существовал в зороастризме до реформ Заратуштры. Зороастрийцы верили в то, что после смерти душа умершего прибывала на земле еще три дня, в эти дни семья должна была тщательно оберегать душу близкого от злых духов. Для этого члены семьи обязаны были поститься, молиться и скорбеть. В третью ночь совершалось жертвоприношение, после душе преподносилось мясо и одежда, для того чтобы душа отправлялась в загробное странствие сытой и одетой. Приношения также

часто совершались и в течение первого года после смерти, когда душа еще не была окончательно принята миром духов. Во времена развитого зороастризма после смерти каждую душу ждет суд Митры за ее дела, взвешивая мысли человека на двух чашах весов правосудия. Если добрые мысли и поступки перевешивают, то душа отправляется в заслуженный рай, где находится до момента *Фрашегид* - всеобщего воскресения [1, с. 21-22].

Проявления части погребальных обычаев древних обществ, связанных с представлениями о загробной жизни мы можем реконструировать на основании археологических источников. По мнению М. Элиаде, вера в иной мир «подтверждается существованием захоронения, в противном случае трудно бы было объяснить, для чего люди утруждали себя захоронением тела» [14, с. 9]. В большинстве традиционных обществ тело покойного продолжает восприниматься как личность. Естественно, что эмоциональное отношение к умершему подталкивает нас к соответствующему обращению с его телом. Здесь наблюдается своеобразная дихотомия: тело дорогого человека люди желают сохранить подле себя как можно дольше, при этом, в силу натуральных причин, наступает физическая необходимость избавиться от тела [19, с. 30]. В прошлом способом, которым распоряжались телом усопшего, решали его личностные качества при жизни (возраст, пол, болезни, статус и т.д.), статус его семьи, причина смерти и конечно тип эс-

хатологических представлений. Исследования материальных остатков в захоронениях служат основным источником информации о погребальных обрядах конкретной археологической культуры.

Погребальный обряд начинается нередко еще в момент ожидания смерти, что известно по этнографическим источникам. Б. Гедика (B. Gediga) выделил 4 этапа погребального процесса. Первый этап охватывает время жалобы между смертью и погребением; второй – время приготовления к погребению; третий – это непосредственно церемония погребения, четвертый – действия, связанные с культом мертвых [15, с. 156-157]. Археологическими средствами мы можем зафиксировать только часть сложного обряда. Фактически в раскопе мы можем наблюдать остатки третьего (напр. труп, инвентарь, могильное сооружение, следы ритуалов) и четвертого (напр. поминальная либрация, следы огня) этапов погребального процесса. Иногда удается частично проследить следы второго этапа, например приготовление тела посредством удаления мягких тканей [18, с. 244]. Все этапы погребального обряда связаны между собой, на основании одних лишь археологических источников не представляется возможным определить границы этапов или точно установить на каком этапе совершалось то или иное действие.

Древние общества поступали с телом умершего множеством различных способов, которые можно поделить на две основные группы. Способы первой группы допускали

расклад мягких тканей тела (выставление на открытом воздухе, ингумация и т.д.), во второй группе способов расклада мягких тканей не допускалось (мумификация, каннибализм, кремация и т.д.) [22, с. 76]. Население андроновской культурно-исторической общности захоранивало своих умерших двумя способами: посредством трупоположения и трупосожжения. Ранее предполагалось, что обряд трупоположения характерен для алакульской культуры, трупосожжения – для федоровской, а могильники с биритуальным обрядом относились исследователями к памятникам переходного типа [6, с. 44]. Позднейшие открытия показали, что биритуальный погребальный обряд наблюдается в памятниках и федоровской и алакульской культур, при этом доминирующей формой обряда в алакульской культуре является ингумация. В могильниках федоровской культуры «почти тотально применялось трупосожжение» только на Южном Урале, число погребений с трупосожжением уменьшается при продвижении с запада на восток [4, с. 12]. В Центральном Казахстане (на 1987 год) 56% от общего числа федоровских погребений составляют погребения с кремацией, немного иначе статистика представлена в алакульской культуре, где захоронений с кремацией только 15% от общего числа [6, с. 43]. На памятниках алакульской культуры Зауралья большинство погребений по обряду кремации принадлежат женщинам разных возрастов, с богатым погребальным инвентарем.

А.В. Матвеев предполагает, что для усопшего, похороненного по обряду кремации, могла быть уготована особая роль в загробном мире [5, с. 199]. Другими возможными поводами к такой сегрегации мог послужить статус покойных при жизни, причины смерти или этническое происхождение [7, с. 103]. Д.В. Устюжанин предполагает, что федоровский обряд кремации является лишь модификацией алакульского обряда труположения. Такой вывод был сделан на основании теории об использовании в федоровском погребальном обряде «кукол» - своеобразных емкостей для праха. Расположение кремированных останков в таких погребениях аналогично анатомическому раскладу тела. Тело покойного сжигали в специально подготовленном месте, размельченные остатки кремации помещались в «кукол» и укладывались в могильную яму вместе с инвентарем. Возможно, что «кукла» являлась своего рода аналогом, символом «тела», в таком случае и алакульские и федоровские погребальные традиции являлись бы отражением одних и тех же эсхатологических представлений [8, с. 283].

Расположение могилы на кладбище, ориентация камеры, поза трупа совершались согласно ритуалу, например уложение тела в эмбриональной позиции могло означать «надежду на возрождение» [14, с. 9]. Захоронение тела покойного совершалось не только с целью избавиться от начинающей разлагаться плоти, но и было символическим актом прерывания свя-

зи умершего с материальным миром живых и помочь ему переместиться в загробный мир. В приобретении нового статуса погребенному должен был способствовать сопровождающий его погребальный инвентарь, который мог состоять из личных вещей, даров близких, магических предметов [22, с. 77-78]. Помогая предку найти свое место в мире духов, оставшиеся в живых близкие могли рассчитывать на опеку с его стороны в будущем. Следует помнить о возможных отклонениях от норм ритуала, которые могут быть случайностью, результатом позднейших тафтономических процессов, либо обдуманном действием.

Церемония погребения меняет индивидуальную трагедию в общественную, служит поддержанию мировоззренческого порядка и объясняют явление смерти [12, с. 196]. Выражение общественных и религиозных отношений мы находим в погребальной архитектуре. Выбор места для захоронений и организация его внутреннего пространства происходили согласно с нормами культа и должны были отражать порядок мифического идеального мира. В погребальной архитектуре андроновской культурно-исторической общности преобладают постройки в плане круга или квадрата. Многие исследователи склонны связывать эти геометрические формы с солярной символикой [3, с. 14]. Сакральное значение таких мест, скорее всего, поддерживалось совершением ритуалов, связанных с культом предков [24, с. 220-222]. Подобные места силы ис-

пользовались на протяжении многих поколений. Погребальные обряды и ритуалы, связанные с сохранением памяти об умерших предках будут проводиться до тех пор, пока живо общество, к которому они принадлежали [12, с. 195].

Умерший человек должен был занять свое место среди предков в загробном мире и поддерживать устои морали и обычаев. Сама погребальная церемония была не только метаморфозой смерти, но и духовного очищения [23, с. 49]. Благодаря своим свойствам идеальным «средством» сакрального очищения во многих обществах считались огонь и вода [23, с. 53]. Вода и огонь обладают качеством изменять реальность, выполняя функцию посредника между исчезающими и возрождающимися формами. Во многих культах огонь считается земным воплощением солнца, ему приписывались различные ритуальные значения – очищения, защиты и т.д. [14, с. 281-282] В зороастризме предметами поклонения старого культа являлись огонь и вода. Жертвоприношения огню и воде составляли основу ежедневных богослужений, огнем и водой подвергали испытанию, когда человек должен был доказать свою правоту, огонь для зороастрийцев был священен, поэтому не использовался в очистительных целях [1, с. 10, 16, 23].

Говоря о культе огня, в эпоху бронзы подразумевают совокупность ритуалов, связанных с огнем, например фиксируемые в могильниках следы прокалов, пережженного угля, интенциональных поджогов могильных

конструкций, подсыпки золы, мела, углей, охры [3, с. 12]. На могильнике Талапты-II в Южном Казахстане были зафиксированы разрозненные кусочки угля в заполнении погребальной камеры, следов прокала под ними не обнаружено, то есть угли были помещены в могилу уже остывшими [2, с. 75]. Следы обгоревших домовин известны нам по раскопкам многих могильников, в том числе Чистолембяжье, Хриптуновский, Ермак-4, Раскатиха, Верхняя Алабуга. По завершению обряда погребения совершался намеренный поджог деревянных элементов могильной конструкции. Сожжение домовин можно интерпретировать как вариант погребального обряда по типу трупосожжения в могильной яме [5, с. 198]. Во многих захоронениях присутствуют следы т.н. «условной» кремации, когда сжигание тела могло быть заменено его символом - посыпка охрой, углями, мелом, красной краской [3, с. 12]. А.В. Матвеев высказывает предположение, что в притобольской группе андроновской культурно-исторической общности охра и огонь могли выполнять различные функции, это связано с тем, что охра не встречается в могилах с кремацией или сожженными домовинами [5, с. 200].

Огонь получил широкое распространение в погребальной практике племен андроновской культурно-исторической общности. В его сакральном назначении нам не приходится сомневаться благодаря множеству аналогий, однако, вполне вероятно, что постичь его символическое значение нам так никогда и не удастся

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – Москва, 1987. – 303 с.
2. Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. – Алматы, 2011. – С.75.
3. Кукушкин И.А. Культ огня у племен Казахстана в эпоху бронзы: динамика, функции: Автореферат канд. исторических наук. – Алматы, 1993. – С.14.
4. Малютина Т.С. Фёдоровская культура Урало-казахстанских степей. Автореферат канд. исторических наук. – Москва, 1994. – С.12-13.
5. Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск, 1998. – С. 198-200.
6. Усманова Э.Р. К вопросу о биритуализме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Сборник научных трудов (межведомственный). – Караганда, 1987. – С. 43-44.
7. Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалом могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения 1990: Сб. матер. конф. – Москва: ИА АН Казахстана, 1992. –Ч. 1. – С. 97–104.
8. Устюжанин Д. В. Ещё раз о «куклах» в алакульско-фёдоровском погребальном обряде//Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск: Издательство омского государственного педагогического университета, 2002. – С. 282-283.
9. Bahn P., Renfrew C. Archeologia. Teorie, metody, praktyka. – Warszawa, 2002. – С. 388.
10. Barnard A. Antropologia. Zarys teorii i historii. – Warszawa, 2016. – С. 83.
11. Buchowski M. Magia i rytuał. – Warszawa, 1993. – С. 32-33.
12. Ciesielska A. Memento Mori: żyjący wobec śmierci i zmarłych na przestrzeni dziejów// Funeralia Lednickie. Środowisko pośmiertne człowieka. – 9. – Poznań, 2007. – С.195.
13. Cirlot J.J. Słownik symboli. –Kraków, 1992. – С. 281-282.
14. Eliade M. Historia wierzeń i idei religijnych. Od epoki kamiennej do misteriów eleuzyrskich. – Warszawa, 1988. –Т. I. – С.13.
15. Gediga B. Śladami religii prasłowian. – Warszawa, 1976. – С.156-157.
16. Keller J. Religia// Religie Azji, Afryki, Ameryki, Australii i Oceanii. – Warszawa, 1980. – С. 5-6.
17. Kuper A. Wymyślanie społeczeństwa pierwotnego. Transformacja mitu. – Kraków, 2009. – С. 89.
18. Miśkiewicz M. Wczesnośredniowieczny obrządek pogrzebowy na płaskich cmentarzyskach szkieletowych w Polsce // Materiały Wczesnośredniowieczne. – 1969. – Т. 6. – С. 244.
19. Pawlik J.J. Sposoby obchodzenia się z ciałem zmarłego z perspektywy antropologii kultury poznania // Funeralia Lednickie. Popiół i kość, номер 4. – Sobótka-Wrocław, 2002. – С. 30-31.
20. Tokarczyk A. Tamten świat. – Warszawa, 1986. – С.
21. Tokarczyk A. Wymarłe religii świata. – Warszawa, 1991. – С.
22. Wawrzyniuk J. Grób i jego wartości poznania // Funeralia Lednickie. Popiół i kość, номер 4. – Sobótka-Wrocław, 2002. – С76-78

23. Woźny J. Symbolika śmierci i rytuałów pogrzebowych w kulturach wczesnotradycyjnych na Ziemiach Polskich poznania // *Funeralia Lednickie. Popiół i kość*, номер 4. – Sobótka-Wrocław, 2002. – С. 47, 49, 53.

24. Woźny J. Cmentarzyska jako miejsca kultu w sakralnym krajobrazie // *Funeralia Lednickie. Środowisko pośmiertne człowieka*, номер 9. – Poznań, 2007. – С.220-222.

ТҮЙІН

Кришневская С. Культ археологиясы: андронов тарихи-мәдени қауымдастығындағы от.

От палеолит дәуірінен бері көне қоғамның жерлеу ғұрпында кездеседі. От үймен, ошақтың жылуымен байланыстырылды, жақынын жерлей отырып адам қабір шұңқырында оларға үй мен ошақты ұқсатып жасады. Қола дәуірі қоғамдық қатынастардың күрделенуімен сипатталды, сонымен қатар адамның дүниетанымы да өзгерді. Эсхатологиялық түсініктер әлемдік тәртіп пен әлеуметтік қатынастарды түсінуге көмектесетін өзіндік энциклопедияға айналады. Көне қоғамдардың мифологиялық және культтік танымдарының бейнесін біз жерлеу ғұрпынан көре аламыз.

Кілт сөздер: Андронов мәдениеті, қола дәуірі, орал-казакстандық далалар, от культі, жерлеу ғұрпы.

АННОТАЦИЯ

Кришневская С. Археология культа: огонь в андроновской культурно-исторической общности.

Со времен палеолита огонь присутствует в погребальной практике древних обществ. Огонь ассоциировался с домом и теплом очага, захоранивая близких, человек воссоздавал для них дом и очаг в могильной яме. Эпоха бронза охарактеризовалась усложнением общественных отношений, вместе с тем усложнилось и мироощущение человека. Эсхатологические представления становятся своеобразной энциклопедией помогающей разобраться в мировом порядке и социальных отношениях. Отражение мифологических и культовых воззрений древних обществ мы можем наблюдать в многоуровневом погребальном обряде.

Ключевые слова: Андроновская культура, эпоха бронзы, урало-казахстанские степи, культ огня, погребальный обряд.

ABSTRACT

Krishnevskaya S. Archaeology of religion: fire in Andronovo community

Fire was used in funerary practice since the Paleolithic period. For living, it was associated with concepts of home and warmth of furnace. Utilization of fire during the funeral could have been an attempt to recreate home's conditions in graves for deceased members of family or community. Also characteristic for Bronze Age were more complex social structures that provided people with more sophisticated worldview. Eschatological representations made a kind of encyclopedia helping to understand world's order and social relations. Prehistoric societies burial rites may reflect their mythological and cultural outlook.

Key words: Andronovo community, bronze age, Ural and Kazakh steppe, cult of fire, burial rite.

Жоньца Юстина
PhD докторант, 2-ой курс
Ягеллонский университет
г. Краков, Польша

УДК 903

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОВОЗКИ В ЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ: БОЕВОЙ АСПЕКТ

Ямная культура начинает развиваться в эпоху бронзы от приблизительно 3500 лет до н.э. [23, с. 93] на обширной территории евразийской степи от Днестра до Северного Казахстана. Вместе с преобразованиями начала нового периода появились инновации, в том числе, развитая металлургия и колесный транспорт. Последняя из инноваций – появление повозки – чрезвычайно важная для обществ, ведущих полукочевой образ жизни. Полукочевой пасторализм был, вероятно, характерен для ямных обществ, а связи с долиной Тисы и афанасьевской культурой дополнительно свидетельствуют о высоком уровне мобильности этих людей [1, с. 304]. Повозка является важным средством, необходимым для передвижения на такой огромной территории вместе с имуществом.

Повозки евразийской степи использовались не только в качестве простых транспортных средств, но и как жилища, как это делали описываемые в *Истории* Геродота скифы (книга 4). В истории развития колесного транспорта степи равно существенным был боевой аспект его использования. Самые древние примеры боевых колесниц были найдены в степном Зауралье,

на могильнике Синташта и ему подобным [10, с. 123]. Как же повозки использовались в самом начале их появления в степи в эпоху ранней бронзы?

Повозки ямной культуры можно реконструировать на основе открытий в погребениях. Находки целых экземпляров и колес или других элементов задокументированы на большой территории, от бассейна Днестра в современной Болгарии, до реки Урал. Примерное количество находок составляет 200 экземпляров [9, с. 304]. Типичные для ямной культуры повозки легко реконструируются по имеющимся материалам, все они имеют общие черты.

Колеса повозок ямной культуры обычно состояли из трех досок, сбитых деревянными колышками, и выступающей ступицы, крепящей ось [13, с. 61]. В некоторых погребениях, таких как, например, Изобильное (Оренбургская область), Софиевка 1/9 (Николаевская область) или Первомайский 1/5 (Днепропетровская область) найдено четыре колеса, размещенных по четырем углам погребальной ямы. Такое расположение колес, скорее всего, должно было имитировать настоящую по-

возку. Реже встречаются находки деталей кузова – деревянной прямоугольной рамы, сделанной из длинных поперечных досок. Подобная конструкция была найдена на памятнике Этулия в современной Молдавии, ее размер превышал 2 м в длину и 1 м в ширину [3, с. 185]. В некоторых погребениях встречаются только прямоугольные рамы, например, в могильнике Кетедьхаза в Венгрии [2, с. 38]. Иногда сложно определить была ли это часть повозки, или же это было погребальное ложе. По сохранности материала лучшим примером погребений повозки с кузовом является Лукьяновка 1 (Одесская область, Украина). Четырехколесная повозка была сверху накрыта арочной деревянной крышей. В погребениях ямной культуры редко встречаются двухколесные повозки. По-видимому, самым популярным типом транспортного средства в ранней эпохе бронзы была большая тяжелая кибитка. Такая функциональная конструкция хорошо подходила для использования повозок в качестве жилищ. Кибитка также могла эксплуатироваться и на поле битвы. Открытые повозки такого типа использовали в бою шумеры. Тяжелые повозки с дисковидными колесами могли создавать устрашающий эффект, а также служить площадкой для лучников [19, с. 71].

Для оценки роли повозок в ямной культуре важными являются не только ее конструкционные черты, но и атрибуты самого захоронения: элементы погребальной архитектуры, погребальный инвен-

тарь (особенно оружие), пол и возраст покойника.

Повозки или их элементы чаще всего встречаются в больших погребениях с уступами, размерами 1,4–1,8х0,8–1,5 м. Сложно судить о размерах самих курганов. Большая часть из них принадлежала не только ямной культуре, авторы публикаций не всегда указывали диаметр и высоту курганов (современную и момента их возведения). В четырех случаях были зафиксированы другие детали архитектуры, такие как дромос (Изобильное, Оренбургская область) или каменные элементы, например плиты.

Дифференцирование погребального инвентаря имеет большое значение. В погребения к усопшему вкладывались следующие категории находок: оружие, орудия труда, украшения и предметы, связанные с домашним обиходом (кожа, циновки и другое). Проанализировать состав погребального инвентаря не всегда возможно. В некоторых случаях авторы археологических исследований не давали расширенной характеристики инвентаря, в некоторых погребениях с повозками вещевой инвентарь отсутствовал.

Оружие было найдено в 6 из 31 погребения с повозками. В трех случаях это были бронзовые обоюдоострые ножи. Один из них, из кургана 7 (8) с памятника Балки, имел полную рукоять. Анализ сырья показал, что материал или уже готовый продукт был доставлен с территории Кавказа [13, с. 62]. В трех погребениях были открыты наконечники стрел, однако, в двух из них (Александровка 1 9/3, Дне-

про-петровская область; Холмское 2/17, Одесская область) находились между костями скелета и, вероятно, являлись причиной смерти данного человека. И только в одном случае наконечник стрелы входил в состав погребального инвентаря.

Вторая категория предметов была связана с хозяйственной деятельностью. В семи погребениях были обнаружены такие предметы, как медные шила (Ростов на Дону, ул. Комитерна, Катаржино 1/11, Одесская область) и медное тесло (Бычок 6, Молдова), которые могли быть использованы в качестве вооружения. На памятнике Лукьяновка в Одесской области, рядом с целой повозкой, было найдено костяное орудие, функция которого не установлена, а в трех (Кудинов 1/6, Ростовская область; Никольское 7/33, Молдова; Ростов ул. Коминтерна) кремневый инвентарь. В одном из погребений (Староселье 1/8, Херсонская область) был найден повод, сделанный из кожи. Это единственная стоящая упоминания находка.

В четырех следующих гробах находились украшения, в том числе три серебряные спиральки (могильники Курчи 20/16 и Катаржино 1/11 в Одесской области; Таракля 18/10 в Молдавии) и одна костяная булава (Лукьяновка 1). Это не самый популярный и разнообразный элемент погребального инвентаря.

Последняя категория состоит из специфических предметов: в 7 гробах были найдены остатки циновок из органических материалов, шкуры и подушки. Эти предметы могут быть связаны с элементами

конструкции самой типичной для ямной культуры повозки – кибитки. Дополнительно, в погребениях с повозками было открыто много примеров орудий труда. Иштван Эчедь [2, с. 38] полагает, что такие предметы в погребениях служили для имитации настоящего дома раннего бронзового века, и должны были помочь переместиться покойному в загробный мир.

Вопрос об использовании повозок ямной культуры на поле битвы остается открытым. Инвентарь погребений с повозками является очень многообразным, а некоторые его категории можно встретить в подобном количестве. Большинство авторов и исследователей считают погребения с повозками элитарными, подтверждением этой теории могут служить большие размеры ям, для строительства которых было затрачено большое количество работы [18, с. 121]. В наборе инвентаря нередко встречаются предметы из металла, которому в ямной культуре, вероятно, приписывалось большое значение [7, с. 42]. Само изготовление повозки требует много времени и сил.

Вопросы о вооружении раннего бронзового века степи вызывают много споров. В начале научное сообщество отрицало истинную роль оружия в погребальном обряде ямной культуры. Для некоторых погребений, в которых в состав инвентаря, сопровождающего покойного, входило оружие, типичными были такие же самые черты, как в погребениях с повозками, например «монументальная» архитектура или набор драгоценных

предметов. Например, в Приуралье открыто самое знаменитое захоронение воина-вождя из Утевки, захороненного в большом (более 100 м в диаметре) кургане вместе с кинжалом, топориком и наконечником похожим на наконечник копья [1, с. 335]. На общей территории расселения племен ямной культуры такие погребения являются редкостью. Во многих случаях, так же как и в выше описанных погребениях, наконечники стрел были найдены между костями скелета, что указывает на причину смерти в результате военного конфликта. В материалах ямной культуры появляются также и типичные для степи топоры, которые в некоторых случаях были найдены в погребениях с такими же чертами, как и в погребениях с повозками. В большой яме кургана Солдатская Слава (1/11, Одесская область) возле покойного был найден каменный топор и две серебряные спиральки [10, с. 23], на памятнике Старорогожино (1/17, Николаевская область) был открыт бронзовый нож-кинжал с полной рукояткой, наконечник копья, серебряные и золотые подвески [19 1986, с. 21]. Оружие присутствует и на некоторых изображениях на каменных стелах ямной культуры. Человек на рисунке из Кернесовки представлен с топором и двумя кельтами [1, с. 338]. При производстве оружия был использован дорогой металл. Важным также является факт, что некоторые типы могли быть импортированы с других территорий, таких как Кавказ [16, с. 132]. Возможно, что на некоторые типы оружия накладывалось

табу; предположительно таким типом вооружения являлись каменные булавы, редко встречающиеся в ямной культуре. Большое количество таких предметов фиксировалось в материалах энеолита и средней эпохи бронзы [5, с. 31], но неправдоподобным кажется, чтобы такой тип элитарного предмета не использовался в течение тысячи лет и вернулся в эксплуатацию.

Однако вызывает озабоченность, что типы вооружения в погребениях с повозками не дифференцировались. Некоторые авторы указывали, что вместе с повозкой выступали топоры и другие типы оружия, но без конкретных примеров. Самым интересным в этом отношении можно признать погребение на памятнике Балки 7(8), где был найден импортированный нож-кинжал. Интересно также, что два человека, похороненные с наконечниками стрел, умерли, вероятно, в результате борьбы. Вопрос использования повозок в качестве военного орудия очень интересен. Данных об использовании повозок соседями ямной культуры нет, поэтому с помощью колесницы воины ямной культуры могли производить сильный психологический эффект на противников. Повозка является важным элементом, позволившим ямному обществу мигрировать на дальние расстояния на запад и восток, характер этой миграции на сегодняшний день остается объектом горячей дискуссии.

В степи существует долгая традиция использования средств колесного транспорта в военных целях, возможно, что похожим

образом они использовались и в ямной культуре. Анализ археологических данных указывает, что тема является более сложной, чем предполагалась ранее. При исследовании подобного вопроса, необходимо также проводить тщательный анализ самого вооружения и определять характер ямных миграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Anthony D. The horse, the Wheel and Language – Cambridge, 2007. – 5 33 с.
2. Dergachov V., Panayotov Iv. Die Ockergrabkultur in Bulgarien. Darstellung des Problems // Studia Praehistorica – Sofia, 1984 – № 7 – С. 107–116.
3. Ecsedy I. The People of the Pit-Grave Kurgans in Eastern Hungary – Budapest, 1979 – 147 с.
4. Gej A.N. Der Wagen in der Novotitorovskaia-Kultur // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderem Orient und Europa, ред. Fansa M., Burmeister S. – Mainz, 2004 – С. 177–190.
5. Klochko, V. Weaponry of societies of the Northern Pontic culture circle: 5000– 700 BC // Baltic-Pontic Studies – Poznań, 2001. – № 10. – 377 с.
6. Koryakova L.N., Epimakhov A.V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages – Cambridge, 2007 – 409 с.
7. Motzoi-Chicideanu, I. Bronze Age Burial Customs in the Middle and Lower Danube Basin (abstract) – Bukarest, 2001. – 140 с.
8. Morgunova N.L., Chochlova O.S. Kurgans and nomads: new investigations of mound burials in the southern Urals // Antiquity – Cambridge, 2006 – № 80. – С. 303–317.
9. Turecki M. Wagengräber der grubengrabzeitlichen Kulturen im Steppengebiet Osteuropas // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderem Orient und Europa, ред. Fansa M., Burmeister S. – Mainz, 2004. – С. 191–200.
10. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Геннинг В.В. Синташта – Челябинск, 1992 – 408 с.
11. Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья южного Буга и Днестра – Одесса, 2005 – 207 с.
12. Иванова С.В., Цимиданов В.В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический Альманах – Донецк, 1993 – № 2 – С. 23–34.
13. Ляшко С.Н., Отрощенко В.В. Балковский Курган // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины (ред. О.Г. Шапошникова). – Київ, 1988. – С. 40–63.
14. Мелентьев А.Н. Курганы эпохи бронзы в нижнем Подонье // КСИА, 1965. – № 103 – С. 53–58.
15. Мельник А.А., Сердюкова И.Л., Реконструкция погребальной повозки ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины (ред. О.Г. Шапошникова). – Київ, 1988. – С. 118–124.
16. Нечитайло А.Л. О сосудах майкопского типа в степной Ураине // Советская Археология. – 1984 – № 4 – С. 127–138.
17. Новицкий Е.Ю. Деревянная конструкция из ямного погребения у с. Холмское // Советская Археология – Москва, 1984 – № 4 – С. 231–235.
18. Пустовалов С.Ж. Питання реконструкції соціального ладу катакомбного суспільства // Археологія – Київ, 1990 – № 3 – С. 119–138.

19. Рогудеев В.В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества // Происхождение и распространение колесничества // Сборник научных статей – Луганск, 2008 – С. 70–89.

20. Самойленко Л.Г. Курганы ямной культуры в бассейне реки Базавлук в Днепровском степном Правобережье // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины (ред. О.Г. Шапошникова) – Київ, 1988. – С. 64-79.

21. Тереножкін О.І. Курган Сторжова Могила, Археологія – Київ, 1951 – № 5 – С. 191-195.

22. Чередниченко Н.Н. Курган эпохи бронзы близ г. Ростова-на-Дону // КСИА, 1965 – № 115 – С. 84-88.

23. Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиолуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // Российская Археология – № 1 – С. 84-100.

24. Шапошникова О.Г., Форменко В.Н., Довженко Н.Д. Археология СССР. Ямная культурно-историческая общность (южнобугский вариант) – Киев, 1986 – 160 с.

25. Шилов А.Ю. Остатки возов в курганах ямной культуры Нижнего Поднепровья – Археологія – Київ, 1975 – № 17. – С. 53-61.

ТҮЙІН

Юстина Жоньца. Көне шұңқыр тарихи-мәдени қауымдастығының арбалары: әскери аспект

Арбалар еуразия даласында қола дәуірінің басында пайда болды. Ең алғашқы белгілер Көне шұңқыр тарихи-мәдени қауымдастығының жерлеу орындарында табылымдармен байланысты болды. Мұнда тұтас арбалар және олардың тетіктері оның ішінде дөңгелектер табылды. Жаңа ашылымдармен бірге зерттеушілер дөңгелекті көліктерді қола дәуірінде пайдалану мүмкіндігі мәселесіне үңілді. Жартылай көшпелі қоғам дәуірінде арба өмір сүру орны ретінде болуы да мүмкін. Алайда кейінгі қола дәуірінде далалы жерде дөңгелекті көліктер әскери салада да белсенді қолданылды. Арбаларды көне шұңқыр мәдениеті тайпалары ұрыс даласында пайдалану мәселесі дөңгелекті көлікті милитарлы пайдалана бастау мәселесімен тығыз байланысты болып табылады. Бұл феноменді бағалау арбалардың конструкциясын, сонымен қатар мәйітпен бірге жерленген заттарды мұқият талдауды қажет етеді.

Кілт сөздер: көне шұңқыр қауымдастығы, қола дәуірі, дөңгелекті көлік, ұрыс алаңы.

АННОТАЦИЯ

Юстина Жоньца. Повозки ямной культурно-исторической общности: боевой аспект

Повозки появились на территории евразийской степи в самом начале эпохи бронзы. Самые первые следы, связанные с находками, были в погребениях ямной культурно-исторической общности. Здесь найдены экземпляры целых повозок и их детали, в том числе колеса. Вместе с новыми открытиями исследователи задавались вопросами о возможности использования колесного транспорта в эпоху бронзы. Для полукочевых обществ повозка могла служить и местом для жизни. Однако, в степях эпохи поздней бронзы колесный транспорт активно применялся в военной сфере. Проблема использования повозок на поле битвы племенами

Ю. Жоньца

ямной культуры является тесно связанной с вопросом о начале военного использования колесного транспорта вообще. Оценка этого феномена требует тщательного анализа конструкций повозок, а также и инвентаря покойного.

Ключевые слова: ямная общность, эпоха бронзы, колесный транспорт, боевой аспект.

ABSTRACT

Justyna Rzońca. Wheeled vehicles in yamnaya culture: military role

First wagons have been appeared in eurasian steppe at the beginning of the bronze age. Their traced were related with finds from burial grounds of the yamnaya community. Among them were both full carts and their details, such as disc-shaped wheels. Because of these discoveries, researchers tried to find the possibilities of their utilization at this time. For seminomadic people the most important feature was an opportunity for using them as places for everyday's living. However, the steppe was also an area where in the late bronze age wheeled transport was utilized in battlefield. The question of military exploitation of these carts in yamnaya community is also a question of using them in combat at all. Evaluation of this phenomenon requires an analysis of both construction and inventory of deceased.

Key words: yamnaya community, bronze age, wheeled transport, wagons, battlefield.

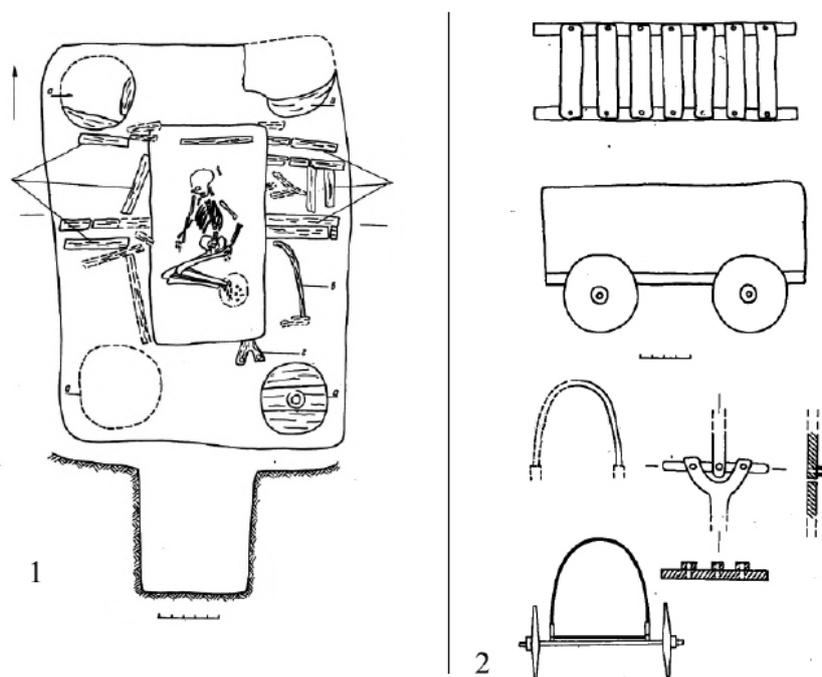

Рис. 1. 1 – погребение у с Лукьяновки (к.1, Одесская область).
 Общий вид и детали повозки; 2 - Реконструкция этой повозки
 [15, с. 120-122.].

Список памятников ямной культуры с повозками

№	Памятник	Покой- нтк	Повозка	Инвентарь	Архи- тектура	Литерату- ра
1	Александровка-1 3/99	муж- чина	три колеса	наконечник стрелы	-	12, с. 23-27.
2	Балки 7(8)	-	два колеса	бронзовый нож-кин- жал, дере- вянный со- суд, охра	яма 2,1x1,33 м	13, с. 61-62.
3	Бычок 6	-	рама	медное тесло	-	10, с. 118.
4	Этулия 1/14	-	четыреко- лесная по- возка	сосуд, кос- ти живот- ных	яма 5,65x2,8/3 ,05x1,8 м	12, с. 30; 4, с. 185.
5	Гераси- мовка	2 по- койных	деталь ко- леса	охра	-	6, с. 52
6	Изобильное	-	четыре ко- леса – ими- тации	медный нож	дромос	6, с. 49-53.
7	Каменка 11/2	-	два колеса	-	каменно- деревян- ная кры- ша	20, с. 68.
8	Катаржино 1/11	-	рама	медное шило	«боль- шая» яма	10, с. 111.
9	Холмское 1/7	-	четыреко- лесная по- возка	антропо- морфная стела, ци- новка, мел	перекры- тие ямы	17, с. 233- 234.
10	Холмское 2/10	жен- щина, <i>maturus</i>	три колеса		яма 4,4x3,1/2x 1 м	12, с. 28-29.
11	Холмское 2/17	жен- щина, <i>adultus</i>	два колеса	сосуд, наконечник стрелы	яма 2,6x2,3/2, 1x1,4 м	12, с. 28-30.
12	Кудинов 1/6	-	рама	кремневый отщеп	деревян- ное пере- крытие ямы	14, с. 54-55.
13	Кудинов 1/7	-	рама	охра, те- речник, ко- сти змеи	деревян- ное пере- крытие ямы	14, с. 54-55.
14	Курчи (Ви- ноградов-		два колеса	охра, се- ребряные	яма 4,6x3,6/2,	12, с. 28-29.

Материалы Международной научно-практической конференции 28 сентября 2017 г.

	ка) 20/16			подвески	6-2 м	
15	Лукьяновка 1	мужчина 35-40 г.	четырёхколёсная повозка	охра, цинковка, косяная булавка и орудие, кости животных	яма 3,2x2,4/2x1 м	15, с. 119.
16	Никольское 7/33	-	два колеса, детали кузова?	кремневые отщепы	яма 4,4x3,6/2,6x1,4 м	12, с. 28-30.
17	Первоконстантинская 1/6	женщина	два колеса	охра, цинковка	яма 1,55x1,06 м	25, с. 55.
18	Первоконстантинская 1/19	мужчина	колесо	сажа, охра, медный нож	яма 2,2x1,7 м	25, с. 55-56.
19	Первомайский 1/5	-	четыре колеса	охра	перекрытие ямы	20, с. 68.
20	Плачидол 1/1	женщина, 25 г.	два колеса	охра	-	2, с. 107.
21	Ростов, ул. Комитерна 1/7	-	колесо	охра, мел, медные шила, 2 кремневые орудия	яма 1,8x2 м, столбовые ямки	22, с. 85.
22	Саратены 1/4	-	четырёхколёсная повозка		яма 1,93x0,88 м, три плиты – кромлех	12, с. 28-30.
23	Шумаево 2	-	колеса	циновки, подушки, кожа	яма 1,5x2	8, с. 303-307.
23	Софевка 1/9		четыре колеса	наконечник стрелы	яма 1,7x1,8, каменное перекрытие	24, с. 86-87.
24	Староселье 1/8	мужчина <i>senilis</i>	детали кузова или ярма семь колес	охра, бич, недоуздок, кости животных	яма 4,2x3,8x1/2,7x1,7x1,5 м	25, с. 67-69.
25	Староселье 1/10	мужчина	четырёхколёсная повозка	мел, цинковка	яма 3,05x2,3/1,75x1,2 м	25, с. 68-70.
26	Староселье 4/13	мужчина	два колеса	охра, мел, цинковка	яма 3x2,05/1,65x0,8 м	25, с. 70-71.

Ю. Жоньца

27	Сторожевая Могила		двухколесная повозка	цинковка	яма 3,5х3,2/1, 9х1,08 м	21, с. 185-189.
28	Таракля 10/18		рама, два колеса	цинковка	деревянное перекрытие ямы, яма 4,5х3,6/2х 1 м	12, с. 28-30.
29	Таракля 18/10	младенец	четырёхколесная повозка	серебряные подвески	яма 2,6х1,8/1, 2х0,76 м	12, с. 28-30.
30	Вишневое 9/8		четыре колеса		каменное перекрытие	20, с. 68.
31	Яски 1/18	мужчина, 45-50 г.	четырёхколесная повозка	каменная плитка, серебряные подвески, теречник	яма 6х3,5/2,7х 1,7 м	12, с. 28-29.

*Дукомбайев Азамат Талгатович
магистр археологии и этнологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан*

УДК 903/904

ДРЕВНИЕ ИСТОКИ КАЗАХСКОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА

Во все исторические периоды хозяйственно–культурный тип скотоводов Евразии определял образ жизни, устройство жилищ, зимовок и поселений. Исследование жилых строений позволяет проследить традиции и технологии домостроительства, выявить аспекты бытовой и хозяйственной жизни. В течение 2012–2017 гг. отрядом Ишимской стационарной археологической экспедиции проводилось изучение особенностей архитектуры и домостроительства, характерные для регионов с кочевой формой хозяйствования. Основной целью работ являлось: проследить преемственность строительных традиций в домостроении [1, с. 467–468]. Как удалось установить, к числу ранних жилищ следует отнести наземные сооружения, напоминающие по своим формам юрту – *шошала*, характерные для северных регионов Казахстана.

Шошала – юртообразное жилище, в котором основным системообразующим элементом является очаг в центре, ориентация входа на восток, наличие женской и мужской половины и почетное место напротив входа. Архитектура казахского жилища, известного в этнографии как *шошала* ведет начало

с эпохи энеолита. Этот тип строения ярко представлен на поселении Ботай. Происхождение «шошалы» уходит своими корнями к эпохе поздней бронзы, обитавших на территории Казахстана в первых веках I тыс. до н. э. Именно они, по мнению исследователей, начали сооружать пирамидально–ступенчатые конструкции с кровлей, возвышающейся в виде усеченного конуса над центральной частью жилищ. Подобные перекрытия круглых и многогранных жилищ были открыты при раскопках поселений Петровка 2, Атасу, Бугулы 2 [3, с. 70]. Аналогичные по типу постройки эпохи поздней бронзы исследованы А.М. Оразбаевым в Северном Казахстане на поселении Чаглинка (рис. 1, 2). Судя по материалам археологических раскопок, они представляли собой двухкамерные деревянные восьмиугольные срубы, соединенные между собой узким коридором. Гипотетическая реконструкция археологического материала позволяет предположить, что оба помещения были юртообразные, с возвышающимся в виде конуса жердевым покрытием, но имели стены разных конструкций. Западное, основное жилое помещение, имело округлую в плане

форму, и было построено из столбов, обшитых плахами. Дополнительно оно было утеплено у основания земель. Восточное, хозяйственное, имело неправильную округлую форму и конструкцию в виде двух рядов плетня, пространство между которыми было заполнено землей, травой, золой и сухим навозом [4, с. 129–146].

Как показывают материалы, шопшала имело цилиндрическую форму с конической кровлей. Его стены возводились из дерна, дерева, камыша, двойного плетня, засыпанного землей, из саманного кирпича. В лесных местностях Северо-Восточного Казахстана ее делали из бревен в виде восьмиугольного сруба. Коническая кровля сооружалась из жердей, опирающихся одним концом на стены, другим – на обод или четырехугольный венец, поверх накладывался тальник, затем кровля застилалась камышом, засыпалась землей, толстым слоем золы и обмазывалась глиной. Наверху делали круглое или квадратное дымовое отверстие в деревянной раме, которую изнутри поддерживали три-четыре столба. Дымовое отверстие покрывалось верхним ободом с юрты и кошмой. На востоке региона шопшала получила название «тошала», которые имели внутреннюю каркасную конструкцию, вокруг которой возводилась окружность стены из каменного плитняка.

В. Шнэ описал ее следующим образом: «Чучела (шопшала, тошала) – это жилье, не отличающееся, однако ни теплотой, ни сравнительным удобством и по виду

похоже на летнюю войлочную юрту казаха. В Акмолинском и Атбасарском уездах таковы нередко встречающиеся зимовки казахов» [7, с. 10].

Одно из ранних основательных описаний плетневых шопшал (шарбак уй, косшарбак) дал В. Шнэ, он писал: «в большинстве случаев имеют круглые стены, которые возводятся из двойного плетня, набиваются землей и навозом, конусообразные покатоности сооружают из жердей, нижний конец которых укрепляется на стенах, а верхний лежит на круге или четырехугольнике, опирающемся на четыре столба внутри чучелы; покатоности такой крыши покрываются камышом, хворостом и дерном, а открытый верх войлоком. Вместо двери спускают над входом или сплетенную из чия или камыша циновку, или же коврик из войлока и – шопшала готова» [7, с. 11].

Шопшала из бревен (дүкен) строили в районах, где расположены леса. В. Шнэ писал: «В северной лесной местности они имеют круглые стены и конусообразную покатоность крыши, верх прикрывается, как в юрте чегаракком» [7, с. 10].

Дерновые шопшала строились в степных районах Казахстана – в Актюбинской, Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областях. Как правильно отмечал В. Шнэ: «стены ее, образовывали правильный круг, возводились... на два аршина, выше несколько склонялись вовнутрь и тупой конус завершал обыкновенный верхний

круг юрты, прикрываемый войлоком» [7, с. 10].

Казахи, проживавшие по нижнему течению Сырдарьи, строили шошала из камыша высотой до 2 м: из заготовленного камыша делали связки (бау) толщиной около 30 см. По историческим свидетельствам известно, что кетменем по кругу выкапывали канавку глубиной в два вершка и в нее вертикально ставили камышовые связки, которые верхними концами постепенно сходились, образуя подобие шанырака. Бау, сплетенные друг с другом, напоминали собой юрту. По этнографическим данным шошала (*тошала*) утратила свое назначение как зимнее жилище казахов в середине XIX в., но продолжала существовать в комплексе хозяйственных построек, выполняя функции кухни и кладовой [2, с. 126]. В настоящее время такие заглубленные юртообразные строения используются в сельских местностях, на зимовках в качестве хозяйственных помещений.

Другим жилищем, стены которого возводились из связок камыша и скреплялись деревянным каркасом (рамой), была *какра*. Подобные дома были распространены в районах, богатых камышом: Прикаспийская низменность, нижнее течение Сырдарьи, Южное Прибалхашье, Зайсанская котловина [2, с. 133].

По материалам исследований хорошо просматривается изменение роли шошала в жилом и хозяйственном пространстве казахов-полукочевников.

На первом этапе, согласно традиции кочевого быта, она находилась в центре освоенного пространства, представлявшего в форме круга, по периметру которого размещались загоны для скота, конюшня, склад топлива, хранилище хозяйственного инвентаря и т. д. Данная планировочная схема получила развитие с ростом потребностей бывших кочевников, когда площадь дома начинает увеличиваться путем дополнительных пристроек различной формы, включая округлую и прямоугольную форму. В горах Семиречья С. Жолдасбаевым зафиксированы сложносоставные, многокамерные постройки, имеющие до семи помещений и выше. На опубликованных им планах круглые помещения заметно превосходят по размерам прямоугольные. Очевидно, таким образом подчеркивалась главенствующая роль шошала, являющейся копией юрты.

На втором этапе, когда четырехугольные постройки вытеснили шошалу, ее стали устанавливать на некотором расстоянии от дома, напротив входа. В Акмолинской области это явление имело место в конце XIX в. [7, с. 11], а у приилийских казахов зафиксировано в 1930-х гг. В то же время северо-восточные казахи использовали шошалу в качестве летнего жилища и располагали ее очень далеко от основного жилья, примерно в 2–3 км [5, с. 1–72].

Надо полагать, шошала постепенно утратила свое первоначальное назначение и постепенно превратилась в подсобное помещение

А.Т. Дукомбайев

(кладовая или кухня) при зимовке. Отсюда следует совершенно справедливое примечание Н. Харузина, что «с переходом к полуоседлости и в результате замены примитивного жилья более развитыми типами, старые формы не пропадают: они приспособляются к хозяйственным нуждам и строятся наряду с более сложными жилыми строениями, вследствие чего, находясь на одном дворе, вполне можно проследить историю жилища в главных моментах его развития. Так около постройки богатого казаха, стоит обращенная в жилище для рабочих или в хлев первобытная землянка, на половину углубленная в землю, без окон и с очагом; рядом с ней отдельно стоящее жилище для гостей и рабочих, и тут же земляная юрта – чучала» [6, с. 71].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дукомбайев А.Т. К вопросу о типологии казахских зимовок // Актуальные вопросы истории развития Казахстана и становления казахстанской государственности. – Астана, 2013. – С. 465–469.
2. Козыбаев М.К., Аргынбаев Х.А., Муканов М.С. Казахи. Историко-этнографическое исследование. – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.
3. Маргулан А.Х. Архитектура древнего периода // Архитектура Казахстана. Алматы, 1959. – С.70.
4. Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алматы, 1970. – С. 129–146.
5. Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казахов // Казахи. Сборник статей антропологического отряда Казахской экспедиции АН СССР. Исследования 1927 г. – Ленинград, 1930. – С. 1–72.
6. Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. Ч. II. Типы постоянных жилищ // Этнографическое обозрение. Кн. XXIX. 1896, № 2–3. – 182 с.
7. Шнэ В. Зимовка и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Записки Западно-Сибирского отдела РГО, Кн. 17, Выпуск 2, 1894. – С. 21–44

ТҮЙІН

Дукомбайев А.Т. Қазақ үй құрылысының ежелгі бастаулары

Жұмыста энеолит (Ботай мекені) пен кейінгі қола (Шагалалы мекені) дәуірінен бастау алатын қазақ үй құрылысының бастаулары ретінде өзінің пішіні бойынша кигіз үй – шошалаға ұқсайтын әрі Қазақстанның солтүстік аудандарында кеңінен таралған ерте тұрғын үйлер үлгісінде қарастырылады. Жұмыстың негізгі мақсаты: үй құрылысындағы құрылыс жүргізу дәстүрлерінің сабақтастығын аңду.

А.М. Оразбаевтың, В. Шнэ, Н. Харузиннің шошаланы зерттеу жайлы мәліметтері келтірілген. Ерте жер үстіндегі тұрғын үйлердің рөлі мен қолданылуы анықталды.

Түйінді сөздер: қазақ үй құрылысы, тұрғын үй архитектурасы, шошала (тошала), энеолит дәуірі, кейінгі қола дәуірі, пирамидалы-баспалдақты жабын, қыстау.

АННОТАЦИЯ

Дукомбайев А.Т. Древние истоки казахского домостроительства.

В работе рассмотрены истоки казахского домостроительства, берущие свое начало с эпохи энеолита (поселение Ботай) и поздней бронзы (поселение Чаглинка), на примере раннего жилища, напоминающее по своим формам юрту – шошала, получившее наибольшее распространение в северных регионах Казахстана. Основная цель работы: проследить преемственность строительных традиций в домостроении.

Представлены сведения об изучении шошалы А.М. Оразбаевым, В. Шнэ, Н. Харузиным. Установлена роль и назначение раннего наземного жилища.

Ключевые слова: казахское домостроительство, архитектура жилища, шошала (тошала), эпоха энеолита, эпоха поздней бронзы, пирамидально-ступенчатое перекрытие, зимовка.

ABSTRACT

Dukombaiev A.T. Ancient sources of the Kazakh house-building

The origins of the Kazakh house-building, originating from the Eneolithic epoch (the Botay settlement) and late bronze (the settlement of Chaglinka), are considered in the work, with the example of an early dwelling resembling the yurt - shoshala in its forms, which has become most widespread in the northern regions of Kazakhstan. The main goal of the work: to trace the continuity of the building traditions in house-building.

Information on the study of the shoshaly is presented A.M. Orazbaev, V. Shne, N. Kharuzin. The role and purpose of an early land dwelling has been established.

Key words: kazakh house-building, dwelling architecture, shoshala (toshala), the era of the Eneolithic, the Late Bronze Age, pyramidal-stepped overlapping, wintering.

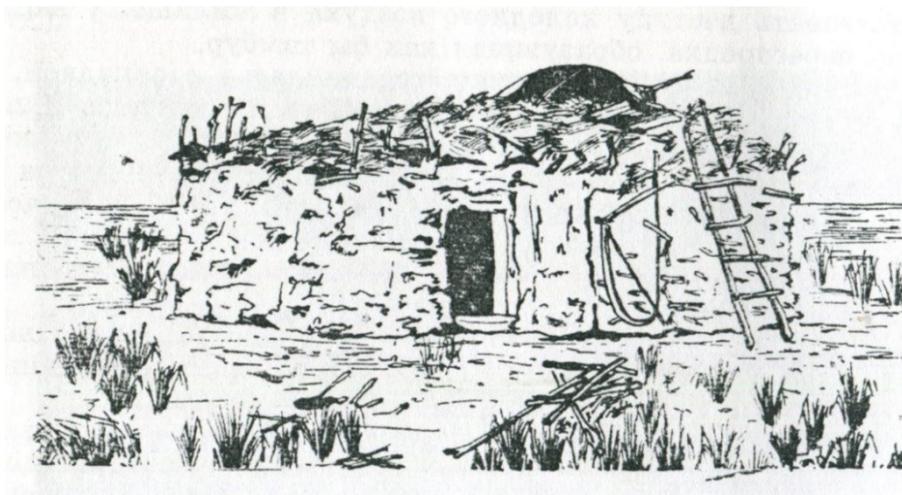

Рис. 1. Шoshала, построенная из плетня и обмазанная глиной
(по: [Оразбаев, 1970, с. 138])

Рис. 2. Шoshала, сооруженная из камня (по: [Оразбаев, 1970, с. 143])

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН КазССР – Академия наук Казахской ССР

АЭ ВКОМ – археологическая экспедиция Восточно-Казахстанского областного музея

ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии

ВКОМ – Восточно-Казахстанский областной музей

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГЭС – гидроэлектростанция

ИИАЭ АН КазССР – Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук

ИТЛ ОГПУ – исправительно-трудовой лагерь Объединенного государственного политического управления

Каз НУ – Казахский национальный университет

Каз МУ – Қазақ мемлекеттік университеті

КН МОН РК - Комитет науки Министерства образования и науки Республики

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

ЛО ИИМК – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

Список сокращений

МРС – мелкий рогатый скот

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ПИМК – Павлодарский инновационный многопрофильный колледж

СА – Советская археология

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет

ЦКАЭ – Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айтбаев Асқар Байзақұлы - преподаватель кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Билялова Гульзат Дулатовна - PhD докторант кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Брынза Татьяна Васильевна – магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Варфоломеев Виктор Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан)

Ганиева Айнагуль Сабитовна - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории государства КН МОН РК (г. Астана, Казахстан)

Дукомбайев Азамат Талгатович – магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры Евразийских исследований Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Жоньца Юстина - PhD докторант 2 курса Ягеллонского Университета (г. Краков, Польша)

Искаков Куаныш Алдабергенович – PhD докторант кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Кришневская Станислава Станиславовна – магистрант 2-го курса Ягеллонского университета (г. Краков, Польша)

Ломан Валерий Григорьевич - кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан)

Мұсырманқұл Пердехан Бекмагамбетұлы - PhD докторант кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, научный сотрудник отдела археологии и этнографии Национального музея РК (г. Астана, Казахстан)

Педрацкий Михл - PhD доктор, профессор Польской академии наук (г. Варшава, Польша)

Сакенов Сергазы Кайырбекович – PhD докторант кафедры археологии и этнологии, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Солодовников Константин Николаевич - кандидат исторических наук, Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (г. Тюмень, Россия)

Татауров Сергей Филиппович - кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (г. Омск, Россия)

Тихонов Сергей Семенович - кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (г. Омск, Россия)

Тлеугабдулов Данияр Толегенович – PhD докторант кафедры археологии и этнологии, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Умиткалиев Улан Умиткалиевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Хабдулина Марал Калымжановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, директор Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишеева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Юмакаева Эльвира Альбертовна – студентка 3-го курса специальности «Археология и этнология» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
<i>Тихонов С.С.</i> М.П. ГРЯЗНОВ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА	10
<i>Умиткалиев У.У., Тлеугабдулов Д.Т.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ А.М. ОРАЗБАЕВА В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ	27
<i>Ганиева А.С.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ К.А. АКИШЕВЫМ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА	33
<i>Татауров С.Ф.</i> РАСКОПКИ В.И. МАТЮЩЕНКО В ВОСТОЧНО- КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1987 ГОДУ	49
<i>Варфоломеев В.В., Ломан В.Г.</i> ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ МОГИЛЬНИКА БАДА	57
<i>Солодовников К.Н.</i> МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ, ПОЗДНЕЙ И ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА	64
<i>Сакенов С.К.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ШАГАЛАЛЫ II	77
<i>Брынза Т.В.</i> КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ШАГАЛАЛЫ II	90
<i>Хабдулина М.К.</i> НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ШАГАЛАЛЫ II	102
<i>Билялова Г.Д., Юмакаева Э.А.</i> MODELING OF THE DIET AND FOOD RATION OF THE POPULATION OF THE BRONZE AGE IN NOTHERN KAZAKHSTAN ACCORDING TO ARCHEOLOGICAL SOURCES	119
<i>Мұсырманкүл П.Б.</i> ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚОЛА ДӘУІРІНІҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУ ТАРИХЫ	130

<i>Умиткалиев У.У., Айтбаев А.Б., Искаков К.А., Педрацкий М.</i> МОГИЛЬНИК БРОНЗОВОГО ВЕКА КЫРЫКУНГИР	137
<i>Кришневская С.С.</i> АРХЕОЛОГИЯ КУЛЬТА: ОГОНЬ В АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ	160
<i>Жоньца Ю.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОВОЗКИ В ЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ: БОЕВОЙ АС- ПЕКЕТ	168
<i>Дукомбайев А.Т.</i> ДРЕВНИЕ ИСТОКИ КАЗАХСКОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ..	179
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	185
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	187

БРОНЗОВЫЙ ВЕК КАЗАХСТАНА: ИССЛЕДОВАНИЯ И
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Материалы Международной научно-практической
конференции

28 сентября 2017 г.

Подписано к печати 20.12.2017 г. Бумага офсетная № 1
Формат 70x100_{1/16} Объем 11,0 усл.печ.л.
Тираж 100 экз. Заказ 0366
Отпечатано в типографии ТОО «Мастер ПО»
010005, г. Астана, ул. Пушкина, 15-76
тел.: 8 (7172) 223-418
e-mail: masterpo08@mail.ru